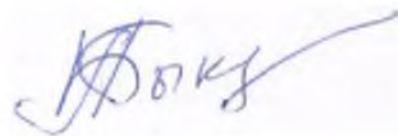

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Быкова Алина Анатольевна

**ТЕМПЕРАТУРНАЯ МЕТАФОРА
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА:
ДИСКУРСИВНОЕ ВАРИИРОВАНИЕ**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор З.И. Резанова

Томск – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. МЕТАФОРА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	18
1.1. Языковая картина мира: определение понятия, основные признаки..	18
1.2. Вариативность языковой картины мира. Дискурсивная картина мира..	27
1.2.1. Содержание понятия дискурс	28
1.2.2. Типология дискурсов и основания их выделения.....	31
1.2.3. Метафора в формировании дискурсивной картины мира	35
1.2.4. Методы исследования метафоры.....	38
Выводы по главе 1.....	46
ГЛАВА 2. ТЕМПЕРАТУРНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.....	48
2.1. Аспекты исследования температуры в языкознании.....	48
2.2. Температура в наивной картине мира.....	51
2.3. Понятие семантического поля.....	53
2.4. Структура семантического поля «Температура» в русском языке	57
2.5. Единицы семантического поля «Температура» в процессах метафорического моделирования.....	64
2.5.1. Система метафорического моделирования на основе лексем ядерной зоны	64
2.5.2. Система метафорического моделирования на основе лексем периферийной зоны	86
2.5.3. Система метафорического моделирования на основе лексем зоны дальней периферии	102
Выводы по главе 2.....	109
ГЛАВА 3. ДИСКУРСИВНОЕ ВАРИИРОВАНИЕ ТЕМПЕРАТУРНЫХ МЕТАФОР В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	111

3.1. Температурные метафоры в поэтическом дискурсе	113
3.2. Температурные метафоры в публицистическом дискурсе	126
3.3. Температурные метафоры в бытовом дискурсе	142
3.4. Температурные метафоры в научном дискурсе	145
Выводы по главе 3	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	158

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено выявлению специфики моделирующего потенциала метафор, в номинативных лексико-семантических вариантах называющих температурные признаки и их изменения, в языковой и дискурсивных картинах мира.

Актуальность темы научного исследования обусловлена, во-первых, его включенностью в современное лингвистическое направление, изучающее связь языка с когницией, с процессом познания. Данная проблематика является центральной в когнитивной лингвистике (А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Дж. Лакофф, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Е.В. Рахилина, З.И. Резанова, Ч. Филлмор, У. Чейф, А.П. Чудинов и др.). Язык в этом направлении лингвистики рассматривается как когнитивный механизм, позволяющий раскрыть особенности категоризации и концептуализации действительности, так как результаты когнитивной деятельности объективируются в языковых единицах. Внимание когнитивистов сфокусировано на тех аспектах структуры и функционирования языка, которые связаны с усвоением, обработкой, организацией, хранением и использованием человеком знаний об окружающем его мире. Одним из направлений когнитивной лингвистики становятся исследования языковой семантики в аспекте когнитивного моделирования.

Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон, 1990] предложили взгляд на метафору как на языковую репрезентацию когнитивных механизмов. Концептуальные метафоры в текстах репрезентированы в лексических метафорических номинациях, имеющих переносное значение, основанное на аналогичном употреблении прямого номинативному значению. Миромоделирующий потенциал метафоры выражается в формировании целостных фрагментов языковой картины мира. Такая

интерпретация когнитивной метафоры явилась основой целого направления мировой и российской лингвистики (А.Н. Баранов, М. Блэк, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, О.Н. Алешина, В.Н. Телия, Е.В. Рахилина, З.И. Резанова, А. Ричардс, Ф. Уилрайт, А.П. Чудинов и др.). В работах З.И. Резановой, А.П. Чудинова и др., а вслед за ними в трудах Д.Н. Галимовой, Д.А. Катунина, Н.А. Мишанкиной, А.М. Мухачёвой, В.В. Овсянниковой и др. принят взгляд на данный феномен, совмещающий идеи структурной и когнитивной лингвистики. Продолжая эту традицию, в данном исследовании мы рассматриваем метафору как лингвокогнитивный феномен, один из основных способов миромоделирования, воплощенный в языковых структурах, характеризующихся семантической двуплановостью. Такой подход раскрывает осмысление метафоры в единстве ее когнитивных и языковых аспектов.

В рамках когнитивного направления сформировалась идея о том, что понятийная система человека, его мышление обусловлено телесным опытом, и, как следствие, оперирует его терминами (Дж. Лакофф, Э. Рош, Т.Г. Скребцова и др.). В общетеоретических работах высказывается мысль о том, что физическая природа мыслящего существа (его перцептивный и моторный опыт) и способ его функционирования в среде обитания имеют огромное значение для изучения человеческого мышления. Поставленная проблема предполагает обращение к исследованию широкого круга эмпирического языкового и текстового материала. Ученые, занимающиеся данным направлением, обращаются к исследованию групп лексики, связанной с физическим опытом человека. В фокусе внимания лингвистов оказались пространственная лексика (М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский, А.М. Мухачёва, О.В. Мякшева, В.Н. Топоров), глаголы движения (Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина, Э.А. Москвоя, Л.С. Муравьева), позиционные глаголы (Е.Э. Бутаева, Н.Н. Кравченко, Е.В. Рахилина), лексика звучания (Л.М. Васильев, Е.Л. Голубева, Н.А. Мишанкина, А.Н. Тихонов, С.А. Тихонов) и т.д. Лексика,

описывающая природу тактильности (в том числе температурные ощущения), нуждается в соответствующей интерпретации с когнитивных позиций, обладает значительным метафорическим потенциалом и является эмпирической базой для образного осмысления широкого спектра явлений.

Температурная лексика изучалась с точки зрения структурной семантики как отдельная семантическая категория Л.Д. Тарасовой [Тарасова, 1979] и Т.Е. Токаревой [Токарева, 1976], в рамках других семантических категорий – В.В. Лещенко [Лещенко, 1989] и Т.А. Шидо [Шидо, 1989], в составе более общих классов – С.В. Постниковой [Постникова, 1991], Н.Ф. Спиридоновой [Спиридонова, 2000], А.Н. Шраммом [Шрамм, 1979].

С точки зрения когнитивистики температуру исследовали Г.Г. Галич [Галич, 1981], Л.В. Лаенко [Лаенко, 2005], А.Х. Мерзлякова [Мерзлякова, 2003]. Анализ отдельных температурных номинаций в традиционном или когнитивном аспектах представлен в работах Е.В. Рахилиной [Рахилина, 2000], И.Б. Левчиной [Левчина, 2002], А.А. Белова [Белов, 2008]. Температура как концепт на материале английского и русского языков исследовалась В.А. Калугиной [Калугина, 2006], на материале немецкого языка – Е.В. Кабановой [Кабанова, 2011].

Когнитивный подход дает возможность взглянуть на семантику температуры как на языковое воплощение модели мира, выраженную посредством системы метафорических номинаций. Изучение всей группы лексики, входящей в семантическое поле «Температура», в совокупности прямых и переносных значений в аспекте их моделирующего потенциала является логическим продолжением и развитием исследований в рамках системно-структурного и когнитивного направления.

Актуальность исследования определяется также тем, что оно базируется на синтезировании дискурсивного и когнитивного подходов. Когнитивные модели, выявленные в исследованиях, посвященных описанию русской языковой картины мира, отражают специфику национального мировидения. Однако в повседневной языковой деятельности универсальная

языковая система и существующие в ней модели трансформируются в зависимости от условий коммуникации и системы смыслов, которые хочет выразить говорящий в особых дискурсивных условиях. В настоящее время фокус исследований языковых картин мира все более смещается в область моделирования дискурсов как целостных совокупностей коммуникативных и вербальных параметров, определяющих способы осуществления коммуникации в той или иной сфере, получающих материальную реализацию в виде формации текстов, маркированных наличием специфичных языковых структур (стилистических черт) и воплощающих особый способ отражения мира, принятый в рамках данной коммуникативной сферы. У истоков дискурсивного рассмотрения языка находятся работы В. Гумбольдта, который актуализировал деятельностный аспект, затем развитый в работах Л. Витгенштейна, Дж. Остина и Дж. Серля в рамках теории речевых актов, в работах по критическому дискурс-анализу. Значительный вклад в становление дискурс-анализа внесли отечественные лингвисты (В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, М.Л. Макаров, В.Е. Чернявская, К.Ф. Седов и др.), в их работах охарактеризованы многие аспекты специфики дискурсивных реализаций русского языка. В рамках нового когнитивно-дискурсивного подхода решаются проблемы когнитивного и языкового моделирования на материале дискурсов (Н.Н. Болдырев, Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова, Ю.А. Эмер и др.).

Изучение дискурсивных картин мира производится на материале варьирования концептов, концептосфер (Н.Б. Грушина, Т.А. Прокофьева, М.В. Смоленцева, Ю.А. Эмер и т.д.), когнитивных моделей, к числу которых относятся и концептуальные схемы метафор и метонимий.

В отечественной лингвистике вопрос о дискурсивной вариативности функционального и семантического потенциала метафор был поставлен Н.Д. Арутюновой еще в 1980-х гг. Н.Д. Арутюнова отметила, что объемность смыслового потенциала и функционального диапазона метафорических номинаций позволяет им соответствовать потребностям самых различных

дискурсов [Арутюнова, 1990, с.10], что, по сути, может быть проинтерпретировано как формулирование исследовательской задачи. В настоящее время выходят работы, посвященные анализу дискурсивно обусловленного функционирования метафор, метафорических фрагментов дискурсивных картин мира. При этом проблема «метафора и дискурс» рассматривалась в рамках работ, материалом которым служил один дискурс – политический (Е.Н. Пескова, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал), публицистический (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Г.Я. Солганик, Е.В. Темнова, Т.А. Ширяева), научный (Э. Кассирер, С.С. Гусев, З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Г.А. Ермоленко, В.В. Овсянникова, Ю.И. Манин, Х. Ортега-и-Гассет, В.В. Петров, А.Е. Седов, В.А. Суровцев) и др.

Данное диссертационное исследование предлагает другой аспект рассмотрения проблемы – работа построена на сравнении моделирующего потенциала температурных метафор в разных типах дискурсов. В фокусе внимания находится актуализация моделирующего потенциала температурной метафоры в соответствии с коммуникативными потребностями, возникающими в рамках определенных дискурсов.

Исследование основывается на синтезе структурно-семантического, когнитивного и дискурсивного подходов к изучению сущности процессов метафоризации.

Объект исследования – метафорические единицы, в исходном значении называющие температуру (прилагательные в диапазоне *горячий* – *холодный*) и процессы ее изменения в ситуациях нагрева и охлаждения (глаголы *греть*, *холодить* и др.).

Предметом исследования является моделирующий потенциал метафор с семантикой температуры в русском языке.

В исследовании мы исходим из **гипотезы** о возможном варьировании фрагментов русской языковой картины мира, репрезентированной метафорами с семантикой температуры, под влиянием базовой темы и цели дискурса.

Гипотеза проверяется на материале поэтического, публицистического, научного, бытового дискурса. Как представляется, рассматриваемые дискурсы противопоставлены по виду и сфере коммуникации, цели, характеру отношений между коммуникантами. В работе исследуются данные дискурсы не во всем жанровом разнообразии их воплощения, но в ядерных жанрах. Поэтический дискурс в диссертационной работе представлен поэтическими текстами разных жанров. Для поэтических текстов свойственна компрессия художественных образов, направленных на эстетическое воздействие на читателя. Специфика реализации моделирующего потенциала температурных метафор в публицистическом дискурсе рассматривается на материале публицистических статей, признаваемых учеными в качестве ядерного жанра, поскольку он в наибольшей степени соответствует целевой направленности данного дискурса – обращается к актуальным, острым социально-политическим проблемам. Научный дискурс в нашем исследовании представлен материалами диссертационных исследований и монографий. Бытовой дискурс, реализующийся в форме диалогов между хорошо знакомыми людьми, представлен в нашем исследовании жанром бытового разговора.

Цель работы состоит в описании фрагмента русской языковой картины мира, репрезентированной метафорами с семантикой температуры, в аспекте ее системных свойств и дискурсивного варьирования.

В соответствии с поставленной целью формируются **задачи** работы:

1. Выявить состав семантического поля «Температура» в русском языке.
2. Охарактеризовав исходные значения лексем семантического поля «Температура», определить компоненты семантики, репрезентирующие особенности восприятия температуры, ее изменений, и актуализирующиеся в системе метафорического моделирования.
3. На основе анализа метафорических значений лексем семантического поля «Температура» определить концептуальные сферы,

являющиеся объектом моделирования с опорой на температурные метафоры в русской языковой картине мира.

4. Изучить характер участия единиц семантического поля «Температура» в метафорическом моделировании данных концептуальных сфер в русском языке, определить когнитивные основания процессов метафорического моделирования.

5. На основе анализа актуализируемых смыслов описать метафорический фрагмент русской языковой картины мира.

6. Выявить концептуальные сферы, моделируемые на основе температурных метафор в поэтическом, публицистическом, бытовом и научном дискурсах.

7. Описать аспекты моделирования данных концептуальных сфер в соответствии с тематическими и целевыми особенностями поэтического, публицистического, бытового и научного дискурсов.

8. На основе анализа актуализируемых смыслов описать фрагменты дискурсивных картин мира, обозначив направления и причины их варьирования.

Единицами исследования являются метафорические сочетания, включающие слова, в исходном значении обозначающие температуру (*горячий, теплый, холодный* и др.) и разного рода изменения температурного состояния (*греть, студить* и др.), а также единицы, которые метафорически характеризуются этими словами (*чувство, человек, время* и т.д.).

Материал для исследования был извлечен из словарей русского языка («Словарь русского языка», «Словарь современного русского литературного языка», «Большой академический словарь русского языка»). Сбор материала проводился методом сплошной выборки. На материале словарей современного русского языка был выявлен состав семантического поля «Температура», словари послужили источником выявления номинативных и метафорических значений изучаемых лексем.

Для решения проблемы дискурсивного варьирования используются контекстные материалы Национального корпуса русского языка [www.ruscorpora.ru]. Национальный корпус русского языка содержит более 500 миллионов слов и представляет русский язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п. Для нашего исследования Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) обладает важной особенностью. Он характеризуется представительностью, т.е. корпус содержит по возможности все типы письменных и устных текстов, представленные в русском языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т.п.), и все эти тексты входят в корпус по возможности пропорционально их доле в языке соответствующего периода [www.ruscorpora.ru], т.е. НКРЯ содержит специализированные подкорпусы, в том числе поэтический, публицистический, бытовой и научный.

Объем проанализированного материала: 63 единицы, более 1000 контекстов, извлеченных из словарей русского языка, 4688 контекстов актуализации исследуемых метафорических единиц из НКРЯ.

Исследование ведется в рамках **методологии**, соединяющей в себе приемы структурной семантики, когнитивной лингвистики и дискурс-анализа. На стадии отбора практического материала был осуществлен прием сплошной выборки. Полевой метод позволил определить границы изучаемой лексики. Прием компонентного и дистрибутивного анализа использовался на этапе выявления связей прямого и переносного значений изучаемых метафорических единиц, методы моделирования применялись на этапе обобщения результатов семантического анализа при построении метафорических моделей. Для выявления вариативности моделирующего потенциала температурных метафор были применены элементы дискурс-анализа. Качественные и количественные методы анализа позволили установить наиболее разработанные концептуальные сферы-мишени

метафорического моделирования, выявить продуктивные модели метафорического переноса с опорой на образ температурных ощущений и их изменений.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые выявляется миромоделирующий потенциал температурных метафор в русском языке как наддискурсивном единстве и определяется вариативность семантической реализации температурной метафоры в зависимости от типа дискурса.

Определены основные концептуальные сферы, являющиеся объектом метафорического моделирования в русском языке и дискурсивных вариантах. Выявлено своеобразие участия в их моделировании единиц семантического поля «Температура». Доказана функциональная асимметрия единиц холодной и теплой зон температурного спектра в процессах метафорического моделирования.

Температурная метафора рассмотрена как дискурсивно обусловленная лингвокогнитивная единица, вступающая в сложные взаимодействия с метонимическим типом моделирования в структуре текстов разных дискурсов.

Выявлены метафорические значения, не отмеченные в академических словарях.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом данного исследования в развитие ряда научных направлений.

Исследование обогащает активно развивающуюся в настоящее время теорию метафоры и вносит вклад в изучение метафоры как механизма миромоделирования. Диссертационное исследование является значимым для лингвокультурологии, поскольку выявляет особенности варьирования этноязыковой картины мира в соответствии с изменением социального функционирования языка, которое, в свою очередь, соотносится с членением этнокультурного единства на субкультуры. Исследование вносит вклад в формирующуюся теорию дискурса. Выявленные закономерности

организации метафорических фрагментов поэтической, публицистической, бытовой картины являются определенным вкладом в формирование общей теории дискурсивной картины мира.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в учебной практике при подготовке курсов по лексикологии современного русского литературного языка, лингвокультурологии, культурологии, этнолингвистики. Исследование может стать основой для спецкурса. Возможно привлечение аналитического материала исследования при разработке курсов «Русский язык как иностранный». Результаты исследования могут быть использованы в практике составления синонимических и толковых словарей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Температурные метафоры играют значительную роль в формировании языковой картины мира, семантика температуры выступает в качестве сферы-источника метафорического моделирования явлений концептуальных сфер «Чувства и эмоции», «Социальные явления», «Ментальные явления», «Физические явления», «Перцепция».

2. Наблюдается значительное расхождение в степени продуктивности функционирования концептуальной сферы-источника «температурные ощущения и их изменения» при метафорическом моделировании явлений разных концептуальных сфер. В зону метафорического моделирования наиболее активно вовлекается сфера «Чувства и эмоции», элементы которой выступают в качестве объектов метафоризации.

3. Наиболее продуктивными метафорическими подмоделями являются: «переживание чувств – температурное ощущение», «транслятор чувств (взгляд, взор, слеза и т.д.) – транслятор температурного признака», «человек как носитель определенного психического типа – предмет-носитель температурного признака», «интенсивно протекающие военные явления – предметы-носители интенсивной температуры».

4. Значимыми компонентами семантики лексем семантического поля «Температура» и когнитивными основаниями для метафорического переноса являются: степень интенсивности признака; положительная / отрицательная коннотация; тип семантики (деструктивный / конструктивный); наличие метонимических переносов; связь с мотивирующей основой; структура денотативной ситуации: субъект, объект, средство воздействия, тип действия (каузативное, инхоативное), результат действия.

5. Антонимический принцип организации семантического поля «Температура» – противопоставление горячей и холодной зоны – влияет на направленность метафорического моделирования, организацию данного метафорического фрагмента русской языковой картины мира, проявляясь через антонимическое противопоставление оценочных коннотаций метафорических номинаций явлений разных концептуальных сфер.

6. Температурная метафора – лингвокогнитивная единица, вступающая в сложные взаимодействия с метонимическим типом моделирования в структуре текстов разных дискурсов: направления метонимических переносов прямого номинативного значения находят непосредственное соответствие в системе метафоро-метонимических проекций, основанных на исходном образе температуры и ее изменения.

7. Моделирующий потенциал единиц семантического поля «Температура» варьируется под влиянием функционального и концептуального своеобразия дискурсов, что проявляется в различии состава интерпретируемых концептуальных сфер, своеобразии аспектов их характеристики, составе конкретных лексем, принимающих участие в метафорическом моделировании.

8. Температурные метафоры в наибольшей мере соответствуют потребностям смыслообразования поэтического и публицистического дискурсов. В бытовом и научном дискурсах моделирующие способности температурных метафор снижены.

9. В поэтическом дискурсе температурные метафоры используются преимущественно для интерпретации явлений, входящих в концептуальную сферу «Чувства и эмоции».

В публицистическом дискурсе температурные метафоры наиболее продуктивны при моделировании двух концептуальных сфер: «Чувства и эмоции», «Социальные явления», температурные метафоры при этом выступают одним из средств маркирования глубинной связи данных сфер.

В бытовом дискурсе при общей низкой частотности температурных метафор, они используются при моделировании концептуальной сферы «Чувства и эмоции».

В научном дискурсе температурные метафоры оказываются менее востребованными. Их моделирующий потенциал реализуется преимущественно в тематическом гуманитарном субдискурсе, интерпретируя концептуальную сферу «Чувства и эмоции».

Апробация. Отдельные положения диссертационного исследования были представлены в докладах и сообщениях на научно-практических конференциях, среди которых: XI, XII, XIII, XIV Всероссийские конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, ТГУ), XI Российская научно-практическая конференция «Мировая культура и язык: взгляд молодых исследователей» (Томск, ТПУ), XXIII Международная научная конференция «Язык и культура» (Томск, ТГУ), Всероссийская молодежная конференция «Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых» (Томск, ТГУ), XIV Международная дистанционная научно-практическая конференция «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук», Международная научно-практическая конференция «Филология, переводоведение, лингводидактика: современные проблемы и перспективы развития» (Иркутск, Национальный исследовательский Иркутский государственный технический университет).

Структура исследования определяется его задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, заключения и приложения.

Во **введении** определяются объект и предмет исследования, обосновываются актуальность и новизна работы, излагаются цель и задачи исследования, характеризуются основные методы и приемы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Метафора в языковой картине мира» посвящена теоретическому обоснованию методологической базы, определяются основные термины, обосновывается адекватность методов для данного исследования и поясняются принципы анализа материала.

Во **второй главе** «Температурная метафора в русской языковой картине мира» выявляются общие принципы организации метафорического моделирования на основе температурных метафор. Производится структурирование лексики, связанной с семантикой температуры, конструирование семантического поля температуры: определяются границы семантического поля, его внутренняя логика. Определяются особенности исходной семантики температурной лексики, выявляются стереотипы восприятия температуры, которые лежат в основе метафорических переносов, т.е. выделяются когнитивные основания метафорического моделирования. При этом в фокусе внимания находится общие принципы метафорообразования на основе единиц анализируемого семантического поля. Выявляются концептуальные сферы, являющиеся объектом моделирования посредством температурных метафор в русском языке. Описан метафорический фрагмент русской языковой картины мира.

В **третьей главе** «Дискурсивное варьирование температурных метафор в русской языковой картине мира» выявляется специфика актуализации моделирующего потенциала температурных метафор в разных типах дискурсов: поэтическом, публицистическом, бытовом и научном. Охарактеризовано своеобразие моделирования температурными метафорами

выявленных семантических сфер в текстах поэтического, публицистического, бытового и научного дискурсах (на примере ядерных жанров соответствующих дискурсов). Описаны фрагменты дискурсивных картин мира, выявлены причины их варьирования.

В **заключении** подводится общий итог проделанной работе.

ГЛАВА 1. МЕТАФОРА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

1.1. Языковая картина мира: определение понятия, основные признаки

Понятие **картины мира** относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, его взаимоотношения с миром, важнейшие условия его существования в мире. Картина мира представляет собой глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека. Картина мира складывается в результате всей совокупности контактов человека с миром, она является собой сущностные свойства мира в понимании ее носителей, т.е. картина мира – это интерпретация мира, акт миропонимания [Постовалова, 1988, с. 21].

Язык, в свою очередь, создает так называемую «языковую картину мира», отражает познавательную деятельность человека, а также демонстрирует особенности восприятия мира различными языковыми коллективами.

Понятие **языковая картина мира** (далее – ЯКМ) восходит к идеям немецкого лингвиста В. Фон Гумбольдта о внутренней форме языка. Во второй половине XIX в. В. фон Гумбольдт создал целостную языковую теорию, где объяснялась роль языка в жизни человека, в его познании и отражении реальной действительности. Одной из основополагающих идей в его концепции является мысль о существовании особого языкового мировидения [Гумбольдт, 1984, с. 304]. По мнению Гумбольдта, в каждом языке заложено самобытное мировидение, воплощен породивший его народный дух и отражены специфические черты национального характера. Язык определяет само существо человека, поскольку человек не способен думать, чувствовать и жить только вне языка [там же, с. 80, с. 378].

Многие зарубежные и отечественные лингвисты (Ш. Балли, А.А. Потебня, Л.В. Щерба, Р.О. Якобсон и др.) вслед за Гумбольдтом отмечали

связь языка с культурой, бытом, национальным сознанием народа. Отдельного внимания заслуживают работы американских этнолингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа, продолживших изучение языкового сознания, его определяющей роли при формировании взгляда на мир, картины мира. Э. Сепир отмечал, что порождаемая языком специфическая картина мира не является точной копией реального мира, но сам этот мир неосознанно выстраивается с опорой на языковые привычки социума [Сепир, 1993, с. 260]. Жизнь общества, его коллективный опыт отражены в его языке, а сам человек находится во власти языка, поскольку языковые формы предопределяют определенные способы наблюдения и интерпретации действительности [там же, с. 227].

Б. Уорф, развивающий идеи В. фон Гумбольдта и Э. Сепира, сформулировал гипотезу лингвистической относительности, согласно которой язык определяет картину мира для носителя этого языка и процесс этот является бессознательным: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» и потому «сходные физические явления позволяют сформировать сходную картину вселенной только при сходстве или по крайней мере при соотносительности языковых систем» [Уорф, 1960 б, с. 174-175].

Л. Вайсгербер, немецкий ученый, продолжавший учение Гумбольдта, сформулировал идею языка как посредника, «промежуточного мира». Язык выполняет функцию посредника между человеком и действительностью и одновременно является хранилищем знаний о мире, накопленных за всю историю человечества, памятью народа. Основная информация хранится в лексическом пласте языка. Использование языка ставит человека в определенные рамки, говорящий ведет себя не как независимая личность, а как человек, сформированный с помощью языка, мыслящий его категориями [Вайсгербер, 2004]. По мнению Л. Вайсгербера, язык – это ключ к миру, а процесс мышления позволяет превратить окружающий мир в идеи, осуществить «вербализацию» мира. Именно Л. Вайсгербер ввел в

антропологию и семиотику сам термин **картина мира**. Он отмечал, что картина мира естественным образом усваивается носителями языка с детства по мере его изучения. Усвоив язык, человек неосознанно принимает для себя его способ понимания мира. Человек осваивает картину мира на основе наследия, оставленного предками в его родном языке. Родной язык создает основу для общения, для интерпретации мира. Члены языкового сообщества перерабатывают все свои переживания в соответствии с внутренней формой родного языка. В результате этого у членов языкового коллектива вырабатывается сходный образ мышления [Вайсгербер, 1993]. Каждый язык – это один из способов мыслительного формирования и понимания мира, особая точка зрения на мир, поэтому отличие одного народа от другого проявляется в языках.

Изучение реконструкции целостной картины мира и ее разновидностей (языковой, философский и т.д.) актуализировалось во второй половине XX – начале XXI вв. Значимую роль в исследовании картины мира сыграла коллективная монография «Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира» [1988]. Ее авторы рассматривают картину мира как систему человеческих знаний и опыта. Вступая в контакт с действительностью, человек не просто воспринимает окружающий мир, а анализирует, интерпретирует его. Этот опыт общения с миром не существует в сознании в дискретном виде, а, накапливаясь, складывается в некое целое представление. Картину мира (в качестве синонимов используются термины «модель мира», «образ мира», «видение мира», «концептуализация мира») рассматривают как компонент мировидения, при этом в качестве синонимом слова мир «выступает» действительность, реальность (объективная), бытие, природа и человек [Серебренников, 1988, с. 33]. Как «продукт» человеческого познания картина мира выражает специфику человека и его бытия, его взаимоотношения с миром, важнейшие условия существования в нем [Постовалова, 1988, с. 11].

В качестве существенной особенности картины мира В.И. Постовалова называет ее космологичность (она является глобальным образом мира) [там же, с. 54]. При этом сформированная в сознании людей картина мира представляет собой упорядоченную совокупность знаний о действительности.

Определяя ЯКМ, Ю.Д. Апресян выделяет ряд ее отличительных особенностей. ЯКМ каждого отдельного языка – это определенный способ восприятия, понимания и организации («концептуализации») окружающей действительности, что обязательно для каждого носителя языка. Выражаемые в языке значения складываются в некую единую систему взглядов, вырабатывается коллективная философия, которая неосознанно усваивается человеком вместе с языком. Способ концептуализации действительности, свойственный языку, с одной стороны, универсален, что является залогом понимания между людьми, с другой стороны, отчасти национально специфичен, поэтому носители разных языков могут воспринимать окружающую действительность немного по-разному, через призму родного языка. Так, ЯКМ формирует тип отношений человека к миру (природе, обществу, другим людям, самому себе как элементу мира), задает нормы поведения человека в мире [Апресян, 1995].

Важными характеристиками ЯКМ являются антропоцентричность и антропометричность.

По мнению В.Н. Телия, антропоцентричность ЯКМ выражается в том, что в ее центре находится человек – носитель и создатель языка. Человек познает мир через себя, через осознание своей предметной и теоретической деятельности в нем. Таким образом, человек выстраивает в сознании антропометрический порядок всех вещей в мире [Телия, 1988, с.26-52].

В рамках антропоцентрической лингвистики распространено понимание языка как призмы, сквозь которую человек смотрит на мир. Национальный язык уподобляется стеклу, через которое носители языка

видят единый инвариант бытия, обладающий национально-специфическими чертами. Специфика этой проекции, т.е. своеобразие взгляда на мир, фиксируется в языке, образуя ЯКМ национального языка. ЯКМ передается вместе с языком от поколения к поколению. В процессе этой передачи человек в языковой форме получает программу, которая определяет бессознательное моделирование им окружающего мира. Поэтому язык признается важнейшим этногенным фактором, через язык человек устанавливает свою национальную идентичность и только через овладение языком можно приобщиться к этническому самосознанию [Корнилов, 2003, с. 325-326].

Антропометричность – это конкретные шаблоны, стереотипы мышления, присущие определенному народу – носителю языка, и выражающиеся в языке, что является ориентирами в восприятии реальной действительности. Такими шаблонами чаще всего являются языковые единицы, которые приобрели символическое, эталонное, образно-символическое значение в культуре.

Национально-культурная специфика ЯКМ заключается в том, какие фрагменты человеческого опыта были лексически зафиксированы и какой степенью детализации представлен данный фрагмент определенным языком в виде ценностных приоритетов. На формирование ЯКМ человека влияют культура, традиции и обычаи данного языка, а также те конкретные условия жизни человека, которые в силу определенных причин оказались важными для создателей этого языка и поэтому закрепились в нем. К конкретным условиям жизни человека можно отнести географическое положение страны, климатические условия, условия природной и социальной среды, что накладывает отпечаток на устройство языка, включая словарный запас. Через язык, особенно через лексику, можно увидеть способ познания внешнего мира у определенного народа.

ЯКМ включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам. Поэтому система

социально-типичных оценок находит свое отражение в системе национального языка и принимает участие в конструировании ЯКМ. Закрепление ассоциативных признаков в значении слова, то есть возникновение коннотации – процесс культурно-национальный. Обычно коннотации основаны на ассоциациях, идущих от слова, но иногда они объяснимы свойствами реалий.

Ученые называют языковую картину мира **наивной картиной**, указывая на ее ненаучный характер. «Наивность» ЯКМ проявляется в том, что во многих существенных деталях она отличается от научной картины мира. При этом наивная картина мира не признается учеными примитивной, наивные представления сложны и интересны. Наивность ЯКМ заключается в том, что она объединяет накопленный опыт и знания предыдущих поколений, а эти представления отличаются от научного исследования и объяснения явлений окружающего мира.

ЯКМ предшествует научной картине мира, для нее свойственны ошибки и заблуждения, связанные с обыденным сознанием. ЯКМ служит дополнением к объективным знаниям о реальности, часто искажая эти знания. Через изучение семантики слов можно выявить специфику когнитивных (мыслительных) моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира [Апресян, 1995]. По мнению О.А. Корнилова, научная картина мира оказывается меньше объективного мира, стремится к тождественности с ним, не содержит в себе ничего, что отсутствует в объективном мире, и постоянно изменяется в соответствии с ростом научного знания. ЯКМ, в свою очередь, не стремится к тождественности с объективным миром, отражает его далеко не полностью, «достраивая» с помощью мифических и субъективно-оценочных категорий. Так, ЯКМ становится больше самого отражаемого мира. Если научная картина мира изменяется под влиянием смены научных взглядов, при появлении новых научных теорий, то ЯКМ изменяется под влиянием социально-культурных факторов, она отражает происходящие в обществе изменения [Корнилов, 2003]. Поскольку ЯКМ

формируется исторически, для каждой языковой общности значительная часть ЯКМ остается стабильной на протяжении длительного периода существования этой общности.

Целостное описание ЯКМ по отношению к языку трудноосуществимо, поэтому в качестве объекта анализа исследователи выбирают фрагмент ЯКМ. Фрагменты ЯКМ, моделируемые в лингвистических работах, являются результатом выделения узловых, доминантных точек в этноязыковых картинах мира. Результатом исследований является совокупность отдельных наблюдений относительно фрагментов картин мира.

Моделирование фрагмента ЯКМ возможно через изучение ключевых концептов, через ограничение базовых языковых средств, формирующих соответствующий фрагмент картины мира. Так, фрагмент мира может формироваться средствами грамматики, фразеологии, синтаксическими конструкциями, образными средствами языка и т.д. Базисным средством моделирования фрагмента картины мира признается метафора. Метафора обладает особым интерпретационным потенциалом.

Моделирование метафорических фрагментов ЯКМ позволяет выявить 2 аспекта: во-первых, устанавливается значимость элементов семантической структуры метафоры в процессе лингвокогнитивного миромоделирования (результатирующий образ, источник метафорического образа и их соотнесение), во-вторых, выявляется важность учета модельного характера метафорического именованного в его обусловленности когнитивными структурами. Интерпретационный потенциал формируется взаимодействием трех относительно самостоятельных основных элементов метафоры: прямого номинативного, результирующего (метафорического) значения и основания метафорического уподобления [Резанова, 2010, с. 29].

Компоненты метафорического значения задают два основных направления для описания моделирования фрагментов ЯКМ. Первое направление связано с описанием миромоделирующего потенциала прямых

номинативных значений, оснований метафорического уподобления (Н.А. Мишанкина, А.М. Мухачёва, Л.В. Надеина и др.). Второе направление выявляет миромоделирующий потенциал через результативные значения метафор (Л.И. Ермоленкина, Д.А. Катунин, Л.Н. Коберник и др.).

Данное диссертационное исследование придерживается первого подхода. Моделирование фрагмента ЯКМ осуществляется на материале лексем с исходной семантикой температуры и ее изменения. Концептуальная общность прямых номинативных значений лексики с семантикой температуры становится основанием для систематизации.

В основе семантики избранной группы лексики лежит опыт телесных ощущений, физических контактов с миром. Телесность, данная в непосредственном ощущении, становится исходной областью для образного осмысления мира явлений более отвлеченных, в первую очередь, таких как психические процессы. В трудах психологов отмечается, что именно телесные ощущения и восприятие становятся основой чувственного познания (Дж. Брунер, А.М. Коршунов, Г.Е. Рупчев, А.Ш. Тхостов и др.). Сенсорные впечатления становятся основанием для идентификации явлений другого уровня. Люди интерпретируют и определяют различные явления исходя из ранее усвоенного сенсорного опыта. В первую очередь названия телесных ощущений метафорически стали способом передачи внутреннего состояния человека и самочувствия (*у меня жар*). Абстрактные явления, недоступные непосредственному «объектному» восприятию, благодаря метафоре обрели «форму», которая связана с наиболее обобщенной человеческой практикой – телесным опытом. Так, например, неясное, абстрактное ощущение дискомфорта, беспокойства, тревоги, заимствуя значение из обычной деятельности, приобретает форму ощущения холода – *холодно на душе*, представить которое на основе значения слова *холод* легче, чем пытаться вообразить, что можно чувствовать, когда есть ощущение дискомфорта, беспокойства, тревоги.

Лексика, описывающая природу тактильности, в том числе температурные ощущения, является «формой», эмпирической базой для интерпретации широкого спектра явлений. Значительный миромоделирующий потенциал температурной метафоры определяет наш выбор этого материала в качестве объекта.

Члены языкового сообщества обладают схожей картиной мира, однако в ее пределах наблюдаются некоторые особенности. Так, в рамках одной языковой общности можно выявить множество картин мира, репрезентированных ее функциональными вариантами. Описываемые этноязыковые пространства варьируются в соответствии с варьированием социального функционирования языка. Н.И. Толстой пишет о неоднородности этнокультурного единства (членение на субкультуры), которое соотносится с неоднородностью языка [Толстой, 1995]. Деление языка на литературный язык и диалекты, просторечие, арго как редуцированную языковую подсистему коррелирует с членением национальной культуры на элитарную, народную, крестьянскую и традиционно-профессиональную субкультуру, фрагментарную и несамостоятельную, как и арго.

Таким образом, ЯКМ, выраженная средствами литературного языка, является лишь составной частью этноязыковой картины мира, соответствующей элитарной культуре. Этноязыковая картина мира представлена и в иных функционально обусловленных вариантах, так мы приходим к выделению дискурсивных сфер репрезентации картины мира.

Поскольку соотношение ЯКМ и дискурсивной картины мира является значимым для нашего исследования, необходимо подробнее остановиться на проблеме вариативности ЯКМ и дискурсивных картин мира.

1.2. Вариативность языковой картины мира. Дискурсивная картина мира

Членение ЯКМ на подсистемы, связанные с функциональными вариантами языка (литературный язык, диалект и т.д.), с неоднородностью этнокультурного единства (наличие субкультур), обуславливает вариативность картин мира. Поставив задачу выделения функционально, культурно и социально обусловленных вариантов ЯКМ, исследователи приходят к выделению дискурсивных сфер ее репрезентации, к выделению понятия **дискурсивная картина мира**, которая интерпретируется как часть ЯКМ, воплощенная в тексте, текстах, порождаемых в некоем типовом социально-психологическом контексте с типовыми коммуникантами, и моделируется она с использованием того же набора методов, что и ЯКМ [Резанова, 2006, с. 9]. Поскольку коммуникация всегда развивается в ситуативно обусловленных обстоятельствах, под воздействием социальных интересов, то дискурсивная картина мира признается первичной по отношению к ЯКМ.

Ранее анализ дискурсивного функционирования метафоры выполнялся на материале рекламных текстов (Е.Б. Курганова, Е.В. Максименко и др.), в рамках политического дискурса (А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, О.В. Михайлова, Г.А. Саратов, А.П. Чудинов, Е.А. Шипова), на материале экономического дискурса (А.Ю. Кланцакова, Е.Ю. Махницкая, А.А. Шереметьева), педагогического дискурса (Э.В. Будаев, Е.Г. Кабаченко, Н.В. Мельникова), научного дискурса (Г.С. Баранов, Н.А. Мишанкина, В.В. Овсянникова) и т.д. При дискурсивном подходе к исследованию метафоры в фокусе внимания находится ее функциональные характеристики, интерес сосредоточивается на соотнесении специфических механизмов метафорического отражения и регулирующих механизмов метафорической

интерпретации фрагментов мира в различных типах дискурса [Резанова, 2003, с.138].

В данной работе для исследования дискурсивных вариантов картины мира выбран метафорический фрагмент с семантическими ограничениями – в центре внимания находятся метафоры с исходной семантикой температуры.

Обратимся далее к интерпретации термина дискурс.

1.2.1. Содержание понятия дискурс

Термин **дискурс** является многозначным и употребляется в ряде гуманитарных наук (лингвистика, литературоведение, философия, семиотика, социология, этнология, антропология). В лингвистике термин дискурс получает разные научные интерпретации. М.Л. Макаров в своей работе «Основы теории дискурса» обобщил существующие толкования данного термина и предложил 2 типа его интерпретации: формальную и функциональную [Макаров, 2003].

С позиций формального подхода, дискурс есть образование выше уровня предложения или словосочетания. Такой подход трактует термин дискурс через «текст»: дискурс понимается как текст, состоящий из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование. Согласно такому подходу, дискурсами можно считать, например, текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения.

Второй подход – функциональный – рассматривает дискурс с позиции деятельности, в центре внимания находится использование языка, то есть речь во всех разновидностях. Если при формальном подходе дискурс сводится к тексту, к коду, то при функциональном подходе дискурс и текст противопоставляются «по ряду оппозитивных критериев: функциональность

– структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность и актуальность – виртуальность» [Макаров, 2003, с. 88]. Такое понимание дискурса является отправной точкой многих современных исследований (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Н.В. Денисова, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, К.Ф. Седов, И.В. Силантьев, Ю.С. Степанов, В.Е. Чернявская, Е.И. Шейгал и др.).

В рамках данной работы под дискурсом понимается единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста. Дискурс включает в себя текст как составную часть. Текст – статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности [Кибрик, 2003].

Следуя логике функционального выделения дискурсов, исследователи неизбежно приходят к мысли, что дискурс формируется единством картины мира, целеустановок коммуникантов, что проявляется в системе текстов, выстраиваемых с использованием языковых средств. Об отражении в каждом дискурсе определенного взгляда на мир говорит и Ю.С. Степанов: дискурс – это язык, «представленный в виде особой социальной данности», он «существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир» [Степанов, 1995, с. 43]. Человек, воспринимающий текст, воссоздает – реконструирует – мыслительный мир, в котором автор формирует дискурс и в котором описывается реальное или нереальное положение дел [Демьянков, 2002, с. 32].

С данных позиций определяет дискурс и Т. ван Дейк, выделяя в нем и коммуникативный, деятельностный, и когнитивный, моделирующий аспекты: «Дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет

и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» (цит. по [Миронова, 1997, с. 13]).

Таким образом, в дальнейшем при дискурсивном подходе мы исходим из того, что дискурс является типом коммуникации, который приводит к рождению текста; в дискурсивных практиках осуществляется моделирование дискурсивную картину мира, репрезентантом которой являются тексты.

Как правило, дискурсы представляют собой широкое поле коммуникативных практик, объединенных типом цели и социальных ролей коммуникантов, реализуясь в палитре жанровых форм. Мы присоединяемся к мнению исследователей, интерпретирующих понятия **дискурс** и **жанр** в качестве взаимоопределяющих: дискурс воплощается в наборе речевых жанров, речевой жанр не может существовать вне поля того или иного дискурса или нескольких дискурсов (В.И. Карасик, И.В. Силантьев, Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен и др.). По определению М.М. Бахтина, речевой жанр – это определенные относительно устойчивые, тематические, композиционные типы высказываний [Бахтин, 1986, с. 259]. М.Ю. Федосюк вносит в формулировку уточнение: «Речевые жанры – это устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний, а текстов» [Федосюк, 1997, с. 104]. Таким образом, под речевым жанром понимается тематическое, стилистическое и композиционное единство.

Исследователи речевых жанров в качестве признаков жанровой дифференциации выделяют следующие аспекты: официальный/неофициальный характер коммуникации; наличие определенной цели; число участников; вид адресата (коллективный/личный/массовый); типическая концепция адресата (Ст. Гайда, В.Е. Гольдин, М.Л. Макаров, Т.В. Шмелева и др.).

Каждый дискурс располагает собственным набором жанров. Для публицистического дискурса характерны жанры статьи, очерка, репортажа, фельетона, интервью, памфлета, ораторской речи. Научный дискурс реализуется в жанрах диссертации, статьи, монографии, доклада, курсовой

работы, дипломной работы и т.д. Для бытового дискурса характерны жанры разговора, бытового диалога. Поэтический дискурс обладает сложной системой жанров: элегия, баллада, романс, сонет, гимн, послание и т.д. Изменение коммуникативной ситуации ведет к изменению набора жанров, характеризующих тот или иной дискурс. Следовательно, любой дискурс отличается функционально-стилевым наложением, которое формируется в сложном дискурсивном единстве процесса коммуникации.

В жанре воплощаются стилистические особенности отдельных дискурсов. Если в дискурсе происходят изменения (изменяется сфера деятельности, связанная с общественной ситуацией, возникают новые цели коммуникации), то это приводит к формированию нового набора жанров.

В зависимости от смены ситуации изменяется и сфера деятельности, а следовательно, реализуются иные цели коммуникации, что неизменно приводит к формированию нового набора жанров. Например, когда научную информацию необходимо донести до широкого круга читателей, в рамках научного стиля начинают реализовываться другие жанры (научно-популярная статья, комментарий). В таком случае выбор жанра обусловлен коммуникативной целью участников дискурса. Мы можем говорить о разном статусе конкретных жанров в структуре дискурса. В качестве ядерного жанра публицистического дискурса можно назвать публицистическую статью, для научного дискурса репрезентативными жанрами являются жанры диссертации и монографии, для бытового дискурса – бытовой разговор, в структуре поэтических текстов ядерный жанр не выявлен.

1.2.2. Типология дискурсов и основания их выделения

Различие подходов к классификации и отсутствие общепринятых параметров для выделения породили разные типологии дискурсов. В монографии «Современные теории дискурса. Мультидисциплинарный

анализ» приводится обзор современных теорий дискурса и представлен опыт его классификаций [2006].

Для данной работы значимо противопоставление дискурсов по типу и каналу передачи информации. Так, противопоставляются устный и письменный дискурсы. А.А. Кибрик пишет о фундаментальности противопоставления этих типов коммуникации. «Самый главный классификационный признак, различающий типы дискурса – это модус, т.е. противопоставление между устным и письменным дискурсом. Это разграничение связано с каналом передачи информации, или носителем: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный» [Кибрик, 2003, с.16].

Важной характеристикой письменной коммуникации является возможность передачи информации в пространстве, выход за пределы единства времени и места коммуникативного акта [Резанова, Мишанкина, 2006, с. 56]. Коммуниканты редко бывают объединены общей ситуацией общения, их реакция на речевые действия другого отсрочена, что обуславливает отличия в процессе понимания письменной и устной речи. В отличие от устной речи, написанное можно перечитать, возвратиться к его содержанию [Лурия, 1979, с. 211 – 212].

Тот факт, что письменная коммуникация не располагает такими внеязыковыми средствами, способствующими взаимопониманию при устной форме общения, как жесты, мимика, интонации, паузы, приводит к необходимости описательно разъяснять то, что можно передать при помощи паралингвистических средств в устной речи. В результате, письменная речь протекает по правилам развернутой грамматики, для письменной речи характерно использование развернутых, литературно оформленных речевых оборотов [там же, с. 212].

Отсутствие опоры на невербальные средства устной коммуникации выражается в использовании средств других семиотических систем для передачи невербальной информации: посредством пунктуационных знаков

передается интонационная сторона речи, с помощью пробелов передаются паузы [Резанова, Мишанкина, 2006, с. 56].

Согласно классификации дискурсов по основанию типа канала передачи, бытовой дискурс (бытовой разговор) относится к устному типу дискурсов, поэтический (поэтические тексты), публицистический (публицистическая статья) и научный (диссертация, монография) дискурсы – письменные дискурсы.

Для нашего исследования также важно противопоставление типов дискурса с позиций социолингвистики. Данный подход к исследованию дискурса предполагает анализ общения людей как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте.

Вслед за В.И. Карасиком, важным считаем противопоставление личностно-ориентированного дискурса, предполагающего общение «коммуникантов, хорошо знающих друг друга» и статусно-ориентированного дискурса, участники которого общаются в рамках статусно-ролевых отношений: «В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института» [Карасик, 2000, с. 6]. Личностно-ориентированный дискурс представлен в двух основных разновидностях – бытовое и бытийное общение, институциональный дискурс – во множестве разновидностей. Виды институционального дискурса выделяются в соответствии с принятыми в обществе сферами общения и сложившимися социальными институтами, общение происходит в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Классификация, предложенная В.И. Карасиком, стала основой для многих исследований (см. исследования И.М. Кобозевой, Н.А. Мишанкиной, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал и т.д.)

Переходя к нашему материалу, отметим, что избранные нами дискурсы можно разделить на личностно-ориентированные и статусно-ориентированные. К личностно-ориентированным (персональным)

дискурсам относятся бытовой дискурс и поэтический дискурс. Научный и публицистический дискурсы по статусно-ролевой классификации можно отнести к институциональным дискурсам.

Более частные варианты оппозиции типов дискурса представлены в работе И.В. Силантьева, которые выделяются им на основании таких конститутивных признаков, как тема и общность участников коммуникативной практики [Силантьев, 2004]. В пределах научного дискурса осуществляется влияние тематического фактора. Изменение предметных сфер науки может приводить к значительным смещениям в характере речевого воплощения. Так, температурные метафоры появляются в научном дискурсе как объект научной рефлексии в тематическом субдискурсе гуманитарной сферы, а также как инструмент для интерпретации человеческого темперамента (*горячий темперамент*) и его поведения (*посмотреть холодно*). В естественнонаучном знании температурные метафоры маркируют оживленные дискуссии (*горячий спор*).

Различные классификации дискурсов объединяет мысль о том, что любой тип дискурса можно противопоставить другому, и в каждом дискурсе представлен особый взгляд на мир, обусловленный единством темы, социальными и/или личностными особенностями коммуникантов, внеязыковой ситуацией, т.е. каждый дискурс отражает особую картину мира, которая формируется совокупностью языковых средств.

Своеобразие каждого из дискурсов формируется их содержательным аспектом, который выражается в языковых средствах, в языковых моделях и их функциональной специализации. Так, в фокусе нашего исследовательского интереса находится поэтическая, публицистическая, бытовая и научная картина мира. Среди средств формирования картины мира ученые отводят особую роль метафоре.

1.2.3. Метафора в формировании дискурсивной картины мира

Как отмечалось выше, целостное описание ЯКМ по отношению к языку трудноосуществимо, поэтому в качестве объекта анализа исследователи выбирают фрагмент ЯКМ. Нами исследуется метафорический фрагмент ЯКМ, ограниченный семантически: в поле нашего научного интереса попадают метафоры с исходной семантикой температуры. Кроме температурных метафор в поле нашего научного интереса входит изучение моделирующих способностей метафоро-метонимических переносов, опирающихся на исходный образ температуры или ее изменения. Включение метонимии в качестве анализируемого материала объясняется тем, что проблематика специфики языкового отражения мира многомерна, и один из ее центральных вопросов – вопрос о миромоделирующем потенциале – может решаться на материале различных языковых единиц [Резанова, 2003]. Метафорические и метонимические образы сближает то, что они опираются на конкретность и чувственность восприятия. Метафора и метонимия рассматривается в пределах одной логической схемы: исходное слово – результирующее слово – промежуточное понятие, через которое осуществляется переход от первого ко второму. По мнению Н.А. Илюхиной, метонимический механизм играет огромную роль в когнитивной деятельности человека, представляет собой не языковую, а когнитивную операцию [Илюхина, 2003] . Принципы смежности и аналогии, которые лежат в основе метонимии и метафоры соответственно, действуют совместно. Т.о., метафорические и метонимические языковые единицы являются важными составляющими ЯКМ, способными объяснить основные принципы миромоделирования в языке.

Для изучения фрагмента дискурсивной картины мира избираются единицы, входящие в ядро семантического поля «Температура», а также репрезентативные глаголы из периферии семантического поля. Ученые

отмечают существование разных функциональных запросов к смысловому, моделирующему потенциалу метафоры в зависимости от дискурса. Разные метафоры (метафоры, соотносящиеся с разными концептуальными областями, репрезентированные в рядах лексических единиц разного типа, относящиеся к разным типам лексических единиц) различным образом соответствуют потребностям смыслообразования в рамках определенного дискурса, по-разному реализуют свой моделирующий, смысловой потенциал.

Общая концептуальная природа метафоры – ее способность интерпретировать мир абстракций на основе опыта физических ощущений позволяет ей быть в разной степени востребованной в зависимости от дискурсивной практики.

Так, Н.Д. Арутюнова отмечает, что употребление метафоры в художественном произведении всегда ощущалось как естественное и законное. Поэтическое мировидение основывается на метафоре, не случайно само определение поэзии иногда дается через термин «метафора» [Арутюнова, 1990, с.16]. Тематическая направленность поэтических текстов на отражение и интерпретацию мира чувств и переживаний человека соответствует способности метафор интерпретировать мир психических ощущений человека. Н.Д. Арутюнова доказывает, что метафора является органическим компонентом художественного (поэтического) текста и употребление метафоры в других видах дискурса связано с тем, что и в них необходимо присутствуют элементы поэтического мышления и образного видения мира [там же, с.20].

Появление метафоры в публицистическом дискурсе обусловлено прагматической природой указанного дискурса: публицистический дискурс нацелен на достижение эффекта внушения, убеждения или побуждения. Воздействие, которое признается основной функцией публицистического дискурса, определяет его языковую направленность на создание экспрессивных и одновременно легко считываемых образов, позволяющих

экономно и лаконично выразить идею автора. Вследствие этого метафора занимает значительное место в публицистическом дискурсе.

В меньшей степени концептуальная природа метафоры соответствует установкам бытового дискурса. В.И. Карасик, характеризуя бытовой дискурс, отмечает, что «бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это общение диалогично по своей сути, протекает пунктирно, участники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращенной дистанции, не проговаривая детально того, о чем идет речь» [Карасик, 2000, с.154]. О.Б. Сиротинина в качестве важнейшей характеристики единиц разговорной речи отмечает их конкретную денотативную направленность: эти слова указательны по своему назначению, кроме того, в узком кругу хорошо знакомых людей реализуется лимитивная (ограничивающая, парольная) функция общения, коммуниканты используют те знаки, которые подчеркивают их принадлежность к соответствующему коллективу (семейные, групповые слова) и непонятны посторонним [Сиротинина, 1983, с. 9].

Научный дискурс функционально направлен на выработку объективных закономерностей, на получение нового знания на основе уже имеющегося. Тематика научного дискурса охватывает очень широкий круг проблем, принципиально важным при этом является выделение естественнонаучных и гуманитарных областей знания. Гуманитарные науки менее формализованы и обнаруживают сильную зависимость объекта познания от познающего субъекта (показательно стремление философов противопоставлять научное и философское знание).

Моделирование научного дискурса как особого ментального пространства невозможно без опоры на метафорическую концептуализацию.

Метафорическое моделирование научного дискурса опирается на базовое свойство метафоры как лингвокогнитивной единицы интерпретировать абстрактное через представления о конкретном,

физическом, вещественном [Резанова, 2010, с. 41]. В научном дискурсе функционируют гносеологические метафоры, которые способны представить не воспринимаемое органами чувств мироустройство по аналогии с физическим миром [Мишанкина, 2010, с. 66]. К метафоре прибегают при введении нового знания, а также для трактовки старых, известных научных положений.

Таким образом, можно говорить о большем или меньшем соответствии концептуальной метафоры тематическим, коммуникативным установкам поэтического, публицистического, бытового дискурсов.

Семантические особенности нашего материала (температурной метафоры) – ее экспрессивный характер, способность выражать интенсивные процессы, маркировать явления, связанные с чувственной сферой, оценочная коннотация позволяют предположить ее различную востребованность в концептуальном моделировании данных дискурсов.

В фокусе внимания в данном диссертационном исследовании находится актуализация потенциала температурной метафоры в соответствии с коммуникативными потребностями и концептуальным своеобразием определенных дискурсов. Анализ актуализируемых смыслов позволяет описать фрагменты поэтической, публицистической, бытовой и научной картин мира, выявить смысловые доминанты указанных типов дискурсов, определить общие и специфические черты.

1.2.4. Методы исследования метафоры

Как известно, исследование метафоры имеет многовековую традицию (ее изучением занимаются со времен Аристотеля). Метафора рассматривается в рамках различных теорий, направлений, подходов, причем не только в лингвистике, но и в других областях знаний – философии, психологии, логике, литературоведении, риторике и др. В языкознании

проблема метафоры активно разрабатывается лексическим (В.Г.Гак, Г.Н. Складаревская, А.Н. Шрамм и др.) и когнитивным (Н.Д. Арутюнова, М. Блэк, М. Джонсон, Дж. Лакофф, В.Н. Телия и др.) направлениями.

В диссертационной работе мы стремимся синтезировать достижения нескольких подходов к изучению метафоры. В данном исследовании используются методы семантического и дискурсивного анализа, приемы когнитивного моделирования. Синтез подходов позволяет наиболее полно представить метафорический фрагмент дискурсивной картины мира.

Поскольку наше исследование выполнено в рамках лингвокогнитивного и дискурсивного подходов, необходимо разъяснить ключевые теоретические положения его составляющих.

Структурно-семантический подход к метафоре был разработан в рамках структурной лингвистики. Метафора представителями данного направления интерпретируется как явление, принадлежащее лексическому уровню языка, как один из лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) многозначной лексической единицы. Метафора – это косвенная номинация, потому что она обозначает объекты, не прямо называя их, а посредством других объектов реальной действительности, что приводит к появлению новых, дополнительных характеристик объекта.

В рамках структурно-семантического направления было осуществлено описание типов метафор и их структур (см. работы Н.Д. Арутюновой, М. Блэка, В.Г. Гака, Г.Н. Складаревской, В.Н. Телия и др.).

Безусловной заслугой данного исследовательского направления является обращение к проблеме модельности метафорических переносов. Впервые термин **модель** употребил Д.Н. Шмелев при описании регулярной многозначности. Ученый отметил распространенность «контекстно обусловленных метонимических замен, опирающихся на определенную более или менее устойчивую семантическую модель» [Шмелев, 1964, с. 64]. Исследователь говорит о необходимости вхождения слов в одно семантическое объединение как обязательном условии развития

параллелизма семантических структур, разграничивает регулярные, относительно регулярные и нерегулярные вторичные значения, рассматривает вопрос о продуктивности метонимических и метафорических переносов. При описании однотипных семантических преобразований в конкретных группах лексики Д.Н. Шмелев впервые демонстрирует принципы, методы и приемы исследования регулярной многозначности.

В исследованиях Ю.Д. Апресяна [Апресян, 1993; 1995] предпринята попытка определить состав ведущих моделей многозначности для русских существительных, прилагательных и глаголов, создать своего рода перечень моделей с указанием степени их продуктивности и регулярности. Ю.Д. Апресян впервые ставит вопрос о критериях квалификации параллельных вторичных значений в качестве регулярной многозначности.

В дальнейшем была существенно усовершенствована методика описания регулярной многозначности, предложена многомерная классификация моделей и широкая теория регулярного семантического варьирования, осуществлено описание множества конкретных моделей, выявлены разнообразные факторы, способствующие и препятствующие развитию регулярной многозначности (Е.В. Падучева, И.А. Стернин, А.П. Чудинов и др.).

В работах лингвистов **когнитивного направления** (Н.Д. Арутюнова, М. Блэк, М. Джонсон, Д.А. Катунин, Л.Н. Коберник, Дж. Лакофф, Н.А. Мишанкина, З.И. Резанова, В.Н. Телия, А.П. Чудинов и др.) метафора понимается как орудие мышления, как отражение человеческого способа познания реальности. «Метафора становится своеобразным ключом к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [Арутюнова, 1984, с.371]. Метафора представителями когнитивного направления трактуется предельно широко, применяется «к любым видам употребления слов в непрямом значении» [Арутюнова, 1998, с. 296]. Поэтому под когнитивное определение метафоры попадают и «сравнительные обороты,

разнообразные перифразы, метонимия и иные образные средства, учитываются не только собственно слова, но и фразеологизмы, составные наименования» [Чудинов, 2001, с. 38].

Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живём» постулируют положение о том, что метафора является принципом миромоделирования. «Мы утверждаем, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и в действительности. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 392]. В понятийной системе человека заложены схемы, по которым он мыслит и действует. Язык выступает в роли важного источника данных о том, что представляет собой понятийная система, он является механизмом, позволяющим выявить эти схемы.

В современной лингвистике выявляется тенденция к изучению метафор на основе **лингвокогнитивного подхода**. При изучении метафоры как лингвокогнитивного явления используются методы структурной и когнитивной лингвистики. Данный подход был заявлен и обоснован в работах З.И. Резановой, Н.А. Мишанкиной, Д.А. Катунина, Л.Н. Коберник и др. Метафора рассматривается как базовый когнитивный механизм моделирования, воплощённый в языковых структурах. Обращаясь к исследованию семантических моделей метафор, выявляются когнитивные модели в сознании человека, представляющие его систему взглядов на окружающую действительность, т.е. его картину мира.

При таком подходе метафора понимается как единство когнитивной и лексико-семантической структур. В структуре метафоры как когнитивного феномена вычленяют три компонента: источник метафорического образа (или сферу – донор), результирующий образ (или сферу – мишень) и основание метафорического отождествления (или образное представление (признак), на основе которого происходит метафорический перенос). В структуре метафорического лексического значения данные когнитивные

элементы соотнесены, соответственно, с исходным номинативным значением, метафорическим значением и семантическим компонентом, служащим основанием метафорического уподобления [Гак, 1988, с. 14]. Языковые единицы, объединенные единством тематической отнесенности исходных номинативных значений, репрезентируют сферу-источник метафорической экспансии; языковые единицы, характеризуемые тематической общностью метафорических значений, представляют сферу-мишень. Семантический компонент, выступающий основанием метафорического переноса, задает тип соотнесения исходных и результативных семантик и определяет ту или иную метафорическую модель.

Метафора как лингвокогнитивный феномен – это модель, в соответствии с которой формируются фрагменты действительности, и это находит свое выражение в языке. Под **метафорической моделью** в исследованиях, совмещающих структурно-семантический и когнитивный подходы, понимается схема формирования метафорического значения, для которой характерно единство тематической отнесённости номинативных и переносных метафорических значений, типа ассоциативного уподобления. Метафорическая модель представляет собой языковую репрезентацию типового соотношения соответствующих понятийных сфер [Резанова, 2010, с. 37].

Границы метафорической модели определяются эмпирически и коррелируют с задачами исследования. Решая задачу выявления метафорического потенциала температурных метафор, верхнюю границу обобщения моделей мы ставим на уровне выделенных концептуальных сфер. В результате изучения моделирующего потенциала температурных метафор в русской ЯКМ всего было выделено 5 концептуальных сфер: «Чувства и эмоции», «Социальные явления», «Ментальные явления», «Физические явления», «Перцепция». Эти сферы установлены на основе тематической

отнесенности единиц, которые подвергаются метафорической интерпретации с опорой на исходный образ температуры или ее изменения.

Концептуальная сфера **«Чувства и эмоции»** определяет уровень обобщения метафорической модели «Чувства и эмоции – температурные ощущения». В рамках данной модели выделяются подмодели - ее частные конкретизации. Подмодели устанавливаются на основе видовых вариантов темы модели. Так, чувства и эмоции могут уподобляться температурному признаку или его изменению (*ледяное равнодушие*). Темперамент человека интерпретируется лексикой с исходной семантикой температуры: человек как носитель определенного психического типа уподобляется предмету – носителю температурного признака (*горячий кавказец*). Человек может передавать свое эмоциональное отношение через различные действия – взгляд, взор, улыбку, объятия, поцелуй и т.д. Трансляторы чувств и эмоций (взгляд, взор и т.д.) находят образное осмысление с помощью температурных метафор и уподобляются трансляторам температурного признака (*холодная улыбка, теплый взгляд*). Речевые явления транслируют чувства, уподобляясь трансляторам температурных признаков (*теплые слова*), интенсивные эмоциональные речевые процессы (споры, дискуссии и т.д.) образно представляются предметами-носителями температурных ощущений (*жаркие прения*). Продукты творческой деятельности, направленные на эмоциональное воздействие, представляются в образе предметов-носителей температурных признаков (*холодная картина*). Периоды времени, связанные с чувственными переживаниями либо интенсивно протекающие, осмысляются как время, характеризующееся температурным признаком (*теплые минуты, жаркая пора*). Пространства, где человек испытывает эмоциональный комфорт или дискомфорт, осмысляются как *горячие, теплые* или *холодные* (*теплое родительское гнездо*).

Концептуальная сфера **«Социальные явления»** коррелирует с метафорической моделью «Социальные явления – температурные

ощущения». В рамках данной модели на основе регулярных метафорических переносов выделяются подмодели. Тип социальных отношений уподобляется температурным ощущениям (*теплая дружба*). Военные явления, конфликтные события, характеризующиеся напряжением, высокой интенсивностью осмысляются в терминах температуры (*жаркая схватка*). Актуальные, злободневные явления ассоциативным образом интерпретируются как предметы-носители горячей температуры (*горячая новость*). Рейтинги, обозначающие наиболее значимые объекты, также осмысляются как горячие предметы. Интенсивно протекающие спортивные явления (*горячая гонка*) сопоставляются с температурными ощущениями.

В рамках концептуальной сферы **«Ментальные явления»** функционирует метафорическая модель «Ментальные явления – температурные ощущения» (*холодный ум*).

Концептуальная сфера **«Физические явления»** определяет уровень обобщения метафорической модели «Физические явления – температурные ощущения». Болевые ощущения, деструктивные для организма процессы, переживаемые человеком, ассоциативным образом уподобляются неприятным температурным ощущениям (*горячие недуги*). Смерть как заключительный этап человеческой жизни, а также различные явления, связанные со смертью, осмысляются как предметы-носители температурного признака (*ледяная смерть*).

Концептуальная сфера **«Перцепция»** формируется метафорической моделью «Перцептивные ощущения – температурные ощущения». Зрительное, звуковое, обонятельное восприятие ассоциативным образом интерпретируется через температурные признаки (*теплый оттенок, холодная тишина, теплый аромат*).

Следует отметить, что данный перечень не исчерпывает полностью моделирующий потенциал температурных метафор, а лишь указывает на основные, наиболее регулярные метафорические переносы с опорой на

исходную понятийную сферу «температура и ее изменения». Между подмоделями устанавливается тесная связь, поскольку единицы, их составляющие, могут входить в несколько подмоделей. Так, например, синестезическая метафора *теплый голос* интерпретирует приятное перцептивное звуковое ощущение (концептуальная сфера «Перцепция»), кроме того, через голос могут транслироваться чувства (концептуальная сфера «Чувства и эмоции»).

Выводы по главе 1

Язык является частью общего когнитивного механизма, участвует во всех ментальных процессах и объективируется в языковых структурах, поэтому анализ языковых структур может объяснить устройство ментальности человека. Картина мира, отраженная в языке, является закрепленным в материальных объектах – языковых знаках, текстовых структурах – результатом интерпретации человеком действительности, следовательно, проводя анализ текстов, порождаемых конкретным человеком, можно судить о способе и направленности его восприятия действительности, о типе отношения человека к миру.

Представляется, что целостное, полное описание языковой картины мира по отношению к языку трудноосуществимо. Для лингвистических исследований избирается фрагмент ЯКМ. Результатом исследований является совокупность отдельных наблюдений относительно фрагментов картин мира.

Членение ЯКМ на подсистемы, связанные с функциональными вариантами языка, с неоднородностью этнокультурного единства обуславливают вариативность картины мира. Проблема вариативности картины мира привела к выделению понятия дискурсивной картины мира. Тексты порождаются в дискурсивной деятельности, несут в себе отражение условий их порождения, целевых установок коммуникантов и воплощают в своих текстовых структурах фрагменты дискурсивной картины мира.

Одним из базовых способов формирования картины мира является моделирование внеязыковой действительности с опорой на когнитивный потенциал концептуальных метафор – механизмов и результатов осознания явлений одной концептуальной сферы на основе аналогического уподобления явлениям другой концептуальной сферы. Признавая значительные миромоделирующий потенциал метафор, мы обращаемся к

анализу метафор с семантикой температурных ощущений. Температурные ощущения являются частью телесного опыта – наиболее универсальной человеческой практики. Метафоры, в исходном значении номинирующие температуру и ее изменения, представляют собой один из языковых механизмов когнитивной переработки и языкового представления телесного опыта человека при формировании смыслов высокой степени абстракции.

Семантические особенности температурной метафоры – способность выражать интенсивные процессы, маркировать явления, связанные с чувственной сферой, оценочная коннотация – позволяют предположить ее различную востребованность в концептуальном моделировании данных дискурсов. Поэтому данная диссертационная работа построена на сравнении моделирующего потенциала температурных метафор в разных типах дискурсов. В фокусе внимания находится актуализация моделирующего потенциала температурной метафоры в соответствии с коммуникативными потребностями, возникающими в рамках определенных дискурсов.

Исследование основывается на синтезе семантического, когнитивного и дискурсивного подходов к изучению сущности процессов метафоризации.

ГЛАВА 2. ТЕМПЕРАТУРНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

2.1. Аспекты исследования температуры в языкознании

Физический опыт человека является значимым для познавательной деятельности человека в ходе его взаимодействия с окружающей действительностью, этим обусловлен интерес ученых к изучению лексики, описывающей тактильные ощущения. В фокус внимания попадает способ репрезентации феномена температуры, температурных ощущений в языке. Высокая частота употребления лексики с семантикой температуры в речевом общении подтверждает значимость данного феномена.

Температурная лексика изучалась с точки зрения структурной семантики как отдельная семантическая категория Л.Д. Тарасовой [Тарасова, 1979] и Т.Е. Токаревой [Токарева, 1976]. Л.Д. Тарасова обращается к исследованию семантической структуры и сочетаемости группы прилагательных, выражающих понятие температуры на материале английского языка. Исследование Т.Е. Токаревой посвящено анализу лексико-семантической группы прилагательных, обозначающих температуру в русском языке.

С позиций структурной семантики в рамках изучения семантических полей чувственного восприятия, ощущения к анализу лексики с семантикой температуры обращаются в своих диссертационных исследованиях В.В. Лещенко [Лещенко, 1989] и Т.А. Шидо [Шидо, 1989]. В составе класса качественных прилагательных температурную лексику изучали С.В. Постникова [Постникова, 1991], Н.Ф. Спиридонова [Спиридонова, 2000], А.Н. Шрамм [Шрамм, 1979].

С точки зрения когнитивистики в составе более общих классов лексики температуру исследовали Г.Г. Галич [Галич, 1981], Л.В. Лаенко [Лаенко, 2005], А.Х. Мерзлякова [Мерзлякова, 2001].

Анализ отдельных температурных номинаций в традиционном или когнитивном аспектах представлен в работах Е.В. Рахилиной [Рахилина, 2000], И.Б. Левчина [Левчина, 2002], А.А. Белова [Белов, 2008].

Значительный вклад в описание семантики температурных прилагательных в рамках когнитивного направления внесла Е.В. Рахилина. В монографии «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость» [Рахилина, 2000 а] автор описывает ядро СП «Температура», выстраивая температурную шкалу, состоящую из трех зон: теплая зона спектра, холодная зона спектра и «промежуточная». Е.В. Рахилина последовательно осуществила анализ атрибутивных употреблений русских температурных прилагательных. Исследовательница утверждает, что система переносных значений тоже образует своеобразную шкалу температур. Так, параллельно обычной температурной шкале в русском языке имеется своеобразная метафорическая шкала человеческих состояний и ощущений. Е.В. Рахилина отмечает, что различия в метафорическом «пути» температурных коррелятов в целом выводимы из их исходного семантического представления. Наше исследование продолжает данную традицию. На материале единиц, входящих в СП «Температура», мы доказываем, что структура исходного значения изучаемых лексем, а также направления метонимических переносов прямого номинативного значения единиц находят непосредственное соответствие в системе метафорических и метафоро-метонимических проекций, основанных на исходном образе температуры и ее изменения.

В кандидатской диссертации А.А. Белова [Белов, 2008] выполнен анализ лексико-семантического поля «Зной» в поэтических текстах Тютчева, определена структура поля и описана семантика основных его единиц в конкретных стихотворениях. К ядру языкового лексико-семантического поля «Зной» относятся лексемы жар, жара, зной и их производные. В работе проведен лексикографический анализ лексем,

образующих ядро лексико-семантического «Зной», описана их общеязыковая семантика.

Сопоставительному аспекту репрезентации концепта температуры посвящена работа В.А. Калугиной [Калугина, 2006]. В рамках диссертационного исследования В.А. Калугиной выявляется национальная специфика объективации концепта «Температура» в русском и английском языках и осуществляется когнитивная интерпретация полученных результатов. По мнению В.А. Калугиной, концепт «Температура» объективируется в обоих языках лексико-семантическими полями изоморфной структуры, состоящими из двух парцелл с ядерными компонентами тепло/холод в русском языке и *warmth / coldness* в английском. В русском языковом сознании в количественном отношении преобладают лексические единицы парцеллы холод, а в английском – парцеллы тепло. Данное явление свидетельствует о разной степени аксиологичности сегментов концепта «Температура» в национальных концептосферах.

Когнитивная интерпретация объективации концепта «Температура» в русском и английском языках позволяет утверждать, что он представляет собой универсальную, общечеловеческую ментальную сущность. Однако данный универсальный концепт, помимо общечеловеческих, приобретает в национальных концептосферах специфические национально-релевантные когнитивные признаки и слои, обусловленные приоритетностью определённых аспектов восприятия данного фрагмента окружающей действительности для соответствующей лингвокультурной общности и особенностями их интерпретации. Национальная специфика проявляется в разных сегментах и слоях сопоставляемых концептов неравномерно.

На материале немецкого языка концептуализация температуры изучается Е.В. Кабановой [Кабанова, 2011]. В работе Е.В. Кабановой выявлены, описаны и систематизированы компоненты признакового ядра

концепта TEMPERATUR и реконструированы лежащие в основе его формирования стратегии познания температуры. Автор отмечает богатый образный потенциал исследуемого концепта. Перенос температурных признаков осуществляется в рамках схем физический мир → мир человека, физический мир → физический мир.

Представляется, что изучение всей группы лексики, входящей в семантическое поле «Температура», в совокупности прямых и переносных значений в аспекте их моделирующего потенциала является логическим продолжением и развитием исследований в рамках системно-структурного и когнитивного направления.

2.2. Температура в наивной картине мира

Для измерения температуры в науке разработаны различные шкалы (шкала Цельсия, Фаренгейта и др.). Однако температурные номинации в языке опираются на обыденную категоризацию, характерную для наивной картины мира. Остановимся подробнее на представлении о температуре и основаниях для ее измерения в наивной картине мира.

Для наивной картины мира важным является определение «точки отсчета», «нормы», которая организует температурную градацию. А.Н. Шрамм дает следующую дефиницию «точки отсчета»: «Эталон», или «точка отсчета», – это представление, с которым соотносится реальный, воспринимаемый органом чувства признак реального предмета» [Шрамм, 1979, с. 18].

Е.В. Рахилина подчеркивает «размытость», субъективность восприятия температуры: «то, что одному покажется *прохладным*, для другого будет *теплым* или *холодоватым*» [Рахилина, 2000, с. 215]. Однако нельзя признать абсолютную субъективность данного критерия, поскольку

тогда значение употребляемого говорящим слова было бы непонятно собеседнику, так как у каждого из них была бы своя «точка отсчета». А.Н. Шрамм приходит к выводу, что «точка отсчета» является более или менее общей для различных объединений людей – территориальных, профессиональных, социальных, половозрастных и т.п.» [Шрамм, 1979, с.19].

Наивное представление о температурном измерении основывается на двух точках отсчета:

1. Определяющее значение оказывает антропоцентрический параметр – термическое состояние человеческого тела. Этот параметр представляет собой результат отношений между процессами теплопродукции и теплоотдачи.

Температурные номинации выстраиваются в градационный ряд *холодный – горячий*. При этом точкой отсчета принимается не 0 градусов по шкале Цельсия, а нормальная температура человеческого тела: термические оценки опираются на номенклатуру, принятую в медицине (температура до 36° – пониженная, в пределах 36° – 37° – нормальная, выше 37° – повышенная). Человек принимает температуру собственного тела за меру, норму, с которой он сопоставляет воспринимаемые им признаки.

2. Следующий параметр измерения температуры связан с признаковой природой температуры. Признак не существует сам по себе, без его носителя, носитель признака проецирует свое значение на значение прилагательного. Л.А. Новиков отмечает, что в языке существуют свои средства и способы «измерения» качества, представления его меры. Характер оценки, ее степень зависят от соответствующих стандартов, которые отражают объективные закономерности действительности. Так, температура тела $\approx 40^\circ$ оправдывает употребление *горячий лоб*, однако вода той же температуры в ванне говорящим будет названа только *теплой* [Новиков, 2001, с. 211]. Таким образом, во-первых, семантика температурного признака, как правило, включает «вещные коннотации» (мы используем

термин «вещная коннотация» для обозначения данных смыслов в структуре значения признакового слова вслед за В.А. Успенским [Успенский, 1997]) – отражение в семантике представления о типичных предметах, имеющих отношение к проявлению данного признака, во-вторых, точку отсчета в определении температурного признака, при этом точкой отсчета может быть температура человеческого тела либо нормативная, эталонная температура определенного класса предметов.

2.3. Понятие семантического поля

Для того чтобы охарактеризовать фрагмент ЯКМ, формируемый метафорами с семантикой температуры, нам понадобилось структурировать изучаемую группу лексики, охарактеризовать исходную семантику температуры, выявить стереотипы восприятия температуры и описать метафорические переносы, а также концептуальные сферы, являющиеся объектом моделирования. Мы столкнулись с необходимостью применения полевого метода, позволяющего определить границы семантического поля, выстроить его внутреннюю логику.

Понятие **семантическое поле** приобрело широкое распространение после выхода работы Г. Ипсена в 1924г., где под семантическим полем понимается совокупность слов, обладающих общим значением [Щур, 1974, с. 19]. Полевый подход как одно из наиболее ярких воплощений применения структурного метода при изучении лексики прочно вошел в работы лингвистов, «обрастая» множеством интерпретаций и определений. Однако все точки зрения на теорию поля объединяются одной общей идеей – идеей семантической связи слов друг с другом.

В лингвистике выделяется два наиболее последовательно разработанных направления в полевым подходе. Первый – парадигматический – был разработан в трудах Й. Трира, второй –

синтагматический, или синтаксический, связанный с именами В. Порцига и Г. Ипсена. Как видим, подходы различаются выделением одного из универсальных системных типов отношений в качестве базового в методике анализа, в выявлении того, каким образом единицы поля связаны с ядерным компонентом. И хотя подход Й. Трира называют экстралингвистическим, поскольку признак, образующий семантическое поле, ориентирован на понятийную, предметно-тематическую сферу, цель и методика анализа структуры поля остается, в соответствии с базовыми постулатами структурализма, внутрилингвистической. Ярким свидетельством структуралистской сущности концепции поля Й. Трира является его утверждение о том, что слово как составная единица поля лишается реального значения вне его рамок [Щур, 1974].

В концепции Г. Ипсена и В. Порцига отдельные слова рассматриваются как основные и самостоятельные единицы языка и поле структурируется с учетом не только парадигматических отношений, но синтагматики единиц, вследствие чего вводится понятие «семантико-синтаксическое поле».

В современной лингвистике предметом исследования в теории поля служат лексические единицы, объединенные на основе общности выражаемого ими значения (семантический принцип) и/или на основе комбинации лексико-синтаксических признаков, взаимодействующих на основе общности их функций, базирующихся на определенной семантической категории (функционально-семантический принцип). Обобщая результаты системно структурного анализа поля, И.М. Кобозева выделяет следующие характерные черты семантического поля (далее – СП):

- 1) наличие семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- 2) системный характер этих отношений;
- 3) взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц;
- 4) относительная автономность поля;

5) непрерывность обозначения его смыслового пространства;

6) взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря) [Кобозева, 2000, с. 99].

Следует отметить, что теория поля развивается в контакте и обусловленности новыми формирующимися общетеоретическими направлениями современного языкознания, вследствие чего расширяется и углубляется представление не только о принципах внутренней организации единиц в пределах поля, но и системе детерминаций их такой или иной организации. Развитие психолингвистического, а затем когнитивного направления в лингвистике обуславливает актуализацию проблем психологической реальности семантического поля для носителя языка, возможности его интуитивного восприятия. Влияние отношения говорящего к реальности, высказыванию и собеседнику при реконструкции семантического поля подчеркивает В.Н. Денисенко, отмечая, что поле реконструируется не само в себе, а в его связи с другими полями и языковой картиной мира в целом, входящей в структуру языковой личности [Денисенко, 2005, с. 9-10]. Следовательно, семантические поля конструируются не только на основе собственно лингвистических связей, но и с учетом экстралингвистической реальности. При этом поля интерпретируются не как строго системные образования, а дискурсивные проявления языковой репрезентации реальности, способные в зависимости от экстралингвистических факторов к трансформации в рамках данного языкового со знания.

В современных когнитивных теориях языка структура семантического поля рассматривается в соотнесении с ментальными пространствами, интерпретируемыми с опорой на понятие фрейма [Филлмор, 1988]. Фрейм понимается как группа слов, которые мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта. Привлечение теории фреймового моделирования в интерпретацию семантических полей

позволяет вскрыть сложность соотношения языкового и когнитивного опыта человека, значимого как для формирования семантики поля как целостного образования, так и для формирования его единиц, подчеркивая относительную автономность когнитивных структур от языковых в данных процессах. Как отмечает Ч. Филлмор, семантика фреймов предполагает возможность того, что говорящие могут обладать знанием слова, включенного в определенную область лексики, даже если они не знают других слов этой области [Филлмор, 1988]. Как представляется, дальнейший анализ метафорического моделирования на основе единиц одного семантического поля выявляет значимость учета и системных отношений единиц, и когнитивных оснований их семантики.

В данной работе мы опираемся на исследование семантических полей В.Н. Денисенко [Денисенко, 2005], который вводит понятие функционального поля. Взгляд на значение с позиции функционального подхода позволяет не только глубже проникнуть в природу парадигматики семантического поля, показать внутреннюю зависимость общей семантики и семантики классов и их единиц, но сделать более очевидным и закономерно проявляющимся само употребление этих единиц. Особо автор отмечает необходимость исследования вторичных, периферийных значений (ЛСВ), которые входят в состав поля, актуализируя особый тип отношений – ассоциативных. На основе актуализации данных отношений выделяется в составе поля метафорическое подполе. Данный тип подполя, являющийся функциональным, находится в фокусе нашего исследования.

2.4. Структура семантического поля «Температура» в русском языке

Лексика с семантикой температуры организована в структуру поля, характерные черты которого обозначены выше. В данном параграфе описаны границы СП «Температура», его внутренняя логика. Критерием отбора материала служило наличие семы температуры в исходном значении слова. Под температурой понимается величина, характеризующая степень нагрева предмета, т. е. это признак предмета, который воспринимается человеком через телесный опыт, тактильно.

Единицы, формирующие СП «Температура», представляют собой определенную шкалу, которая разбивается на 2 зоны: теплую и холодную. Нейтральная температурная зона, которая отражает норму признака, не фиксируется языковыми средствами. Элементы СП противопоставлены друг другу таким образом, что понимание функции каждого элемента требует осознания того, что выбран именно этот знак из множества его конкурентов (см. об этом: [Филлмор, 1988, с. 59]).

СП «Температура» обладает, на наш взгляд, сложной организацией, в которой выделяется ядро СП «Температура», периферия и дальняя периферия.

Критерием отнесения единицы к ядру или периферии поля является положение признака температуры в иерархии сем значения слова.

I. Так как температура – категория признаковая, репрезентирующая состояние объекта, **ядро СП «Температура»** составляют лексемы, обладающие архисемой «признак температуры». Во-первых, это качественные прилагательные *горячий, теплый, прохладный, холодный*. Во-вторых, признак температуры выражается прилагательными и причастиями, которые не утратили связь с мотивирующей основой. Мотивирующая основа усложняет исходную семантику лексем, накладывая ограничения на

сочетаемость – *жаркий, знойный, жгучий, палящий, раскаленный, ледяной, студеный, морозный*.

Внутренняя организация этого участка поля определяется соотношением двух компонентов: 1) компонент «интенсивность признака», 2) компоненты семантики, наследуемые из производящего слова, вводящие вещные и процессуальные коннотации.

Как отмечалось, прилагательные и причастия в зависимости от фиксации в их значении признака приближенности/отдаленности от температурной нормы различаются характером семы «степень интенсивности проявления признака». Если располагать по шкале относительно признака интенсивности температуры, то *теплый* приближается к точке отсчета, наиболее соответствует состоянию нормы, обозначая слабую интенсивность признака высокой температуры. *Горячий* фиксирует интенсивное проявление признака высокой температуры. *Жаркий, знойный, раскаленный, палящий, жгучий* выражают крайнюю степень высокой температуры. Переход к зоне холодных температур фиксируется прилагательным *прохладный*. *Холодный* отражает интенсивное проявление признака низкой температуры. Крайняя степень холода выражается несколькими номинациями: *ледяной, морозный, студеный*.

Отметим, что нормативное состояние в языке не маркируется, представление о норме имеется в общем фонде знаний говорящего и слушающего. Наиболее разработанными (то есть представленными большим количеством лексических репрезентаций) являются зоны, выражающие крайнюю степень (интенсивное) проявления признака.

Для слов, обозначающих признак температуры, кроме градации по шкале интенсивности признака, значимым оказывается наличие или отсутствие компонентов семантики, отражающих вещные (предметные) и процессуальные признаки – отражение в признаковой семантике представлений о предмете – типовом носителе признака или процессе, актуализирующем проявление данного признака. Как правило, такие

прилагательные являются синхронно производными, сохраняют мотивационную связь с производящим именем или глаголом.

Остановимся подробнее на проблеме зависимости семантики прилагательного от производящего имени и глагола.

В отечественной лингвистике на генетическую близость прилагательных и существительных, значительную «качественность» древних имен указывали А.А. Потебня и Л.П. Якубинский.

Диалектика вещи и ее свойства описана А.А. Потебней: «По мере того, как связь прилагательного относительного с его первообразным существительным становится в сознании более и более отдаленною, увеличивается его отвлеченность, безотносительность, качественность, ибо качественность прилагательного есть лишь другое имя его безотносительности» [Потебня, 1977, с. 527]. Важно указание А.М. Пешковского на потенциальную качественность любого относительного прилагательного, поскольку это именно прилагательное, и вторичность для его значения оттенка предметного отношения, что позволяет разграничить в структуре имен прилагательных разные типы языковой семантики (лексическую, словообразовательную) [Пешковский, 1956, с. 83].

А.Н. Шрамм, развивая идеи А.А. Потебни и Л.П. Якубинского, отмечает, что «значение относительных прилагательных определяется свойствами тех предметов, от названия которых они образованы: свойства этих предметов предопределяют их отношение к другим предметам, а отношения их и составляют значение соответствующего относительного прилагательного» [Шрамм, 1979, с. 7].

Ученые, изучающие семантику прилагательных, сходятся во мнении, что и относительные, и качественные прилагательные смыкаются в своей обращенности к миру «вещей», по-разному маркируя эту обращенность в типе основного, свободно-номинативного значения: или через корневую общность с производящим именем и синтагматические модели связи с

кругом привлекаемых имен, или только вторым способом. Таким образом, постулируется тесная связь прилагательного с существительным.

Устанавливается диалектичная связь между *теплый* – *тепло* (*теплота*), *жаркий* – *жар* (*жара*), *знойный* – *зной*, *холодный* – *холод*, *морозный* – *мороз*, *прохладный* – *прохлада*, *ледяной* – *лед*, *студеный* – *стужа*.

В СП «Температура» выделяются прилагательные, устанавливающие генетическую связь с глаголом: *жгучий*, *раскаленный*, *палющий*. Поскольку глагольное прилагательное коррелирует с глаголом, в его семантике «заложен», тот же самый набор актантов с теми же самыми семантическими ограничениями на их заполнение.

II. Двигаясь в направлении анализа от ядра к периферии, охарактеризуем единицы, находящиеся на **периферии СП «Температура»**.

Как было обозначено выше, критерием отнесения единицы к ядру или периферии поля является положение признака температуры в иерархии сем значения слова. Лексические единицы, относящиеся к периферии СП «Температура», содержат архисему «изменение признака температуры». Таким образом, сема «признак температуры» занимает иерархически подчиненное положение по отношению к семе «изменение».

Так, периферия СП «Температура» формируется глаголами, обозначающими становление и каузацию температурного признака.

Изменение температуры в сторону ее повышения фиксируется следующими глаголами и их приставочными дериватами: *греть* – *греться*, *теплеть*, *топить* – *топиться*, *жарить* – *жариться*, *калить* – *калиться*, *жечь* – *жечься*, *палить* – *палиться*, *печь* – *печься*, *кипятить* – *кипятиться*. Изменение температуры в направлении ее понижения обозначается следующими глаголами: *холодить* – *холодеть*, *студить* – *студиться*, *леденить*, *морозить*, *збнуть*, *морозить* – *мерзнуть*. Приставочные дериваты перечисленных глаголов в исследовании подробно не

рассматриваются, поскольку в рассматриваемом нами аспекте обладают теми же особенностями, что и первообразные глаголы. Происходящие в приставочных глаголах семантические трансформации связаны не с семантикой температуры, а привносятся за счет приставок. Представляется, что данная проблема служит предметом для самостоятельного исследования.

Внутренняя организация периферии поля определяется соотношением следующих семантических компонентов: 1) степень изменения интенсивности температуры (разная степень повышения/понижения температуры (положение на шкале относительно нуля); 2) образы целостной ситуации внеязыковой действительности, связанной с повышением/понижением температуры.

1) Разную степень повышения температуры отражают единицы *греть* – *греться*, *теплеть*, *топить* – *топиться*, достигаемая при этом температура относительно близка к температуре тела, к «нулю» на шкале температур. Единицы *жарить* – *жариться*, *калить* – *калиться*, *жечь* – *жечься*, *палить* – *палиться*, *печь* – *печься* характеризуют значительное повышение температуры, уровень температуры гораздо выше нуля на шкале температур.

Единицы *холодить* – *холодеть* обозначают незначительное понижение температуры. *Мерзнуть*, *стыть* – *стынуть*, *студить* – *студиться*, *леденить*, *зябнуть*, *морозить* – *морозиться* характеризуют значительное снижение температуры.

2) В семантике единиц, обозначающих изменение температурного признака, значимыми оказываются образы целостной ситуации внеязыковой действительности. Логическое направление в семантике трактует глагол как предикат, открывающий места для некоторого числа аргументов (Е.С. Кубрякова, Л.А. Львов, Е.В. Падучева и др.). Аргументы отображают предметы, участвующие в ситуации, и выполняют семантические функции, соответствующие ролям участников ситуации (партиципантов). Предикат отображает свойства партиципантов и отношения между ними. Совокупность предиката и присоединяющихся к нему аргументов составляет

пропозиционную, семантическую структуру предложения и репрезентирует экстралингвистическую ситуацию в целом.

3) Семантика температурных изменений противопоставляется и по характеру компонента «способ действия», значимым является деление глаголов на каузативные и инхоативные. В каузативных глаголах фиксируется такой тип действия, при котором действие направлено на изменение температуры в объекте, то есть изменения вызваны намеренно активностью субъекта (например, *греть, морозить*). Инхоативные глаголы отражают динамику становления признака: его начало, становление и завершение процессов изменения, происходящие в самом субъекте – например, *теплеть, холодеть*. В семантической структуре инхоативных глаголов имеется только субъект, действие замкнуто на нем, в структуре инхоативных глаголов не представлено каузирующее состояние.

III. В зону **дальней периферии СП «Температура»** включаются лексемы, в семантике которых семантические компоненты «признак температуры», «изменение признака температуры» являются одними из дифференциальных, интегральными являются другие семантические компоненты. Лексемы, находящиеся в зоне дальней периферии, включаются в другое семантическое поле (в семантическое поле «приготовление пищи»): *топить, жарить, печь, варить, тушить*.

Анализ внутренней организации СП «Температура» позволил нам сконструировать схему организации СП «Температура».

Представленная на **рис.1** схема отражает сложную организацию СП «Температура»: наличие ядра, периферии и дальней периферии. Для всех единиц, входящих в СП «Температура», релевантен семантический признак отнесенности к теплой зоне температур или к холодной.

Рис. 1. Схема семантического поля «Температура»

2.5. Единицы семантического поля «Температура» в процессах метафорического моделирования

Температурные метафоры обладают богатым миромоделирующим потенциалом. Изучение метафорического потенциала лексем с исходной семантикой температуры и ее изменения позволяет описать фрагмент русской языковой картины мира.

В данном параграфе особое внимание сфокусировано на технической стороне метафорообразования, на том, каким образом структура исходного значения предопределяет направления метафоризации. Для этого приводится анализ компонентов семантики исходных значений, которые актуализируются в метафорических переносах, выявляются когнитивные основания их актуализации в системе метафорического моделирования других концептуальных сфер.

В предыдущем параграфе мы обратили внимание на то, что СП «Температура» имеет сложную структуру, внутри которой выделяется ядро, периферия и дальняя периферия. Последовательно рассмотрим сначала систему метафорического моделирования на основе лексем ядерной зоны, затем на основе лексем периферии и дальней периферии. В результате данного анализа смоделируем метафорическое подполе СП «температура».

2.5.1. Система метафорического моделирования на основе лексем ядерной зоны

Представляется, что антонимический принцип организации СП «Температура» – противопоставление горячей и холодной зоны – влияет на направленность метафорического моделирования, поэтому анализ лексем ведется с учетом противопоставления единиц горячей и холодной зоны.

Система метафорического моделирования на основе лексем с исходной семантикой высокой температуры

При анализе номинативных значений единиц, составляющих ядро СП «Температура» (высокая температура), последовательно выделяем компоненты семантики, актуализирующиеся при метафорическом переносе, и характеризуем когнитивные основания семантики, значимые для моделирования на основе данных смыслов явлений других концептуальных сфер.

Признак, названный лексемой *теплый*, приближается к точке отсчета, наиболее соответствует состоянию нормы, фиксирует слабую интенсивность признака высокой температуры. Прилагательное *теплый* обозначает «соответствующий температуре человеческого тела или поддерживающий его температуру и поэтому создающий человеку приятное ощущение комфорта и уюта (описываемое им как *мне тепло*)» [Рахилина, 2000, с. 219]. *Теплый* обладает широкими сочетаемостными возможностями: прилагательное используется с названиями источников тепла (*теплая печка, батарея*) и характеризует проводники тепла (*теплый воздух/ветер*). Благодаря метонимическому переносу *теплый* применимо также к названиям пространств, где *тепло*. – *Он отдельно ото всех, внизу жил, горница большая, теплая* (Бунин, *Хорошая жизнь*). Зафиксированы метонимические переносы на периоды времени, когда *тепло*, – *теплое лето, вечер, пора, часы...* – *Короткая зима и большое, сравнительно теплое лето* (Губарев. *Путешествие на Утреннюю Звезду*).

Лексема *теплый* имеет спектр сем, которые являются основой для метафорического осмысления. Прежде всего, значимой для метафорического переноса является сема низкой интенсивности признака: прилагательное *теплый* обозначает такую температуру, которая приближена к норме. Явления, характеризуемые как *теплые*, для человека связаны с приятным ощущением комфорта – этот факт внеязыковой действительности накладывает отпечаток на коннотативное значение слова. Положительная

оценка, которой наделяется *теплый*, находит отражение в процессе метафоризации.

Имя существительное *тепло* (*теплота*) имеет тесную семантическую связь с прилагательным *теплый*. Для существительного *тепло* характерны те же синтагматические модели связи с кругом привлекаемых имен, что и для прилагательного *теплый*. – *Через несколько минут я сидел уже в тепле, в его комнате* (Достоевский, *Подросток*). «Качественность» семантики имени, общность исходных значений с прилагательным *теплый* обуславливает сходство направлений метафоризации.

Метафора *теплый* становится основой, прежде всего, для моделирования концептуальной сферы «**Чувства и эмоции**». Когнитивный образ ситуации восприятия *теплого* как максимально комфортного для человека, вызывающего приятные ощущения, удовольствие, служит основанием моделирования образов чувств положительного спектра. Изучаемая метафора характеризует положительные эмоции и чувства – (признательность, сочувствие и т.д.). *Теплые чувства* – положительные чувства, их интенсивность невысокая, в пределах нормы. Следует отметить, что *теплый* не употребляется для характеристики интенсивных чувств, таких как любовь, страсть. В исходной ситуации (исходная ситуация – ситуация, обозначаемая именем в прямом, номинативном значении, результирующая ситуация – обозначенная именем в переносном значении) *теплая одежда, дом, квартира* дарят человеку комфорт и согревают. В результирующей – *теплые чувства, признательность, благодарность* вызывают приятные и комфортные ощущения у человека.

Анализ исходных номинативных значений показал, что *теплый* сочетается с именами проводников тепла (*теплый воздух, ветер*). Это находит отражение в формировании метафорического образа – голос, взгляд осмысляются как трансляторы, проводники положительных чувств и эмоций. – *Голос у него теплый, нежный, чуть-чуть вибрирующий*. (Куприн, *Черный туман*). Источником положительных чувств, приятных ощущений могут

быть речевые явления (*теплые письма, слова*). Основы такого осмысления находятся в исходном значении: *теплый* характеризует источники тепла: *теплая печка, батарея*.

В номинативном значении *теплый* участвует в метонимических переносах, интерпретируя пространства, где *тепло* и теплые, жаркие периоды времени. Структура исходных образов проявляется при метафоризации. Так, пространство дома, наполненного положительными чувствами, метафорически интерпретируется как *теплое*. – *Тридцати недель не прошло с той поры, как злые люди его обездолили, четырех месяцев не минуло, как, разоренный пожаром и покражами, скрепя сердце, благословлял он сыновей идти из теплого гнезда родительского на трудовой хлеб под чужими кровлями...* (Мельников-Печерский. *В лесах*). Время, связанное с приятными чувствами, с удовольствием, метафорически характеризуется как *теплое*. – *Ему она казалась забавной: резкий ее, неустойчивый характер временами – в теплые минуты неожиданно накатившего душевного разговора – вдруг смягчался, прояснялся, как под рукой реставратора сходит налипшая на живописный слой коричневая накипь времени, обнажая кусочек лазури над крышей дома и легкое, как кисея, белое облако, прежде незаметное...* (Рубина. *На солнечной стороне улицы*).

В концептуальной сфере «**Социальные явления**» посредством *теплый* интерпретируются тип отношений между людьми (дружба) и социальные события (встреча, прием и т.д.), связанные с положительными чувствами. Так, метафорические подмодели «тип социальных отношений – температурное ощущение», «социальное событие – температурное ощущение» участвуют в формировании изучаемой концептуальной сферы. – *Длинный список его славных друзей заканчивается такими именами, как Пирогов, Кавелин и поэт Некрасов, дарившие его самой искренней и теплой дружбой* (Чехов. *Скучная история*). Сочетания *теплые отношения* и *теплая дружба* выражают искренние и близкие отношения между людьми. Метафоры *теплая встреча, теплый прием* характеризуют приятные

социальные события. Значимым для метафорического переноса является когнитивный образ ситуации, связанный с теплом – нечто приятное, вызывающее положительные чувства, и комфортное.

Прилагательное *теплый* участвует в моделировании концептуальной сферы «**Ментальные явления**», характеризуя приятные, связанные с положительными чувствами, мыслительные процессы (*теплые воспоминания*).

Моделирующий потенциал прилагательного *теплый* распространяется на концептуальную сферу «**Перцепция**». В русском языке, как и во многих других языках, действует подразделение на теплые и холодные цвета/тона/оттенки. *Теплый тон* (или оттенок и т. п.) – красно-коричневый тон спектра (в противоположность сине-голубому). *Теплый* включается в функционирующую в русской ЯКМ метафорическую подмодель цветовой признак – температурный признак.

Более интенсивное проявление признака высокой температуры фиксируется прилагательным *горячий*. *Горячий* в исходном значении характеризует предмет, имеющий высокую температуру, сильно нагретый. *Горячий* обладает теми же сочетаемостными возможностями, что и *теплый*.

Интенсивное проявление признака высокой температуры может по-разному оцениваться человеком. В одном случае *горячий* наделяется положительной оценкой. – *Нам в Дубне трудно представить, что и сегодня в нашей стране в сотнях рабочих поселков и городов баня – единственная возможность помыться в горячей воде (Русская баня (2003) // «Встреча»)*. В другом – соприкосновение с чем-то горячим может вызвать неприятные тактильные ощущения, что порождает негативную коннотацию. Кроме того, болезненное состояние человека часто сопровождается повышением температуры тела, что также служит причиной возникновения негативных коннотаций данного значения. – *Лицо красное. Потрогала лоб – горячий. – Давайте смерим температуру (Грекова. Перелом)*. Амбивалентность оценки

тактильного ощущения (и положительная, и отрицательная) проявится в процессе метафоризации.

Горячие объекты (например, еда) быстро остывают, если не поддерживать в них тепло, то есть признак *горячий* может быть временным, непостоянным, быстро проходящим. Этот факт служит когнитивным основанием для метафоризации, формируя компонент значения «быстрый, скорый».

Метафора *горячий* участвует в моделировании концептуальной сферы «**Чувства и эмоции**», входя в метафорическую модель «переживание чувств – температурное ощущение». Поскольку в исходном значении *горячий* выражает высокую степень интенсивности признака температуры, при метафорическом переносе исследуемое прилагательное становится средством интерпретации интенсивных, пылких, страстных чувств (ср. *горячая страсть* – **теплая страсть*): *горячая любовь, горячее участие, желание* и т.д. – *Я тщетно стараюсь решить вопрос, почему я принял такое горячее участие во всем этом деле? (Гаршин. Надежда Николаевна)*. Чрезмерно проявляющие себя чувства могут доставлять человеку дискомфорт. Такое восприятие имеет когнитивные основы в исходной сфере: тактильный контакт с чем-то горячим может вызывать физически неприятные чувства.

Подобно тому, как *горячий* в исходном значении интерпретирует источники тепла (*горячая печь*), в метафорическом *горячий* характеризует источники чувств, их трансляторы. Так, *горячий* регулярно используется в метафоро-метонимических переносах для характеристики человека как носителя чувств, определенного темперамента а) страстный человек, б) вспыльчивый, легко возбуждающийся. – *Рассказывали, что отец в молодости был очень горяч и в гневе ничего не помнил (Панаева. Воспоминания)*. *Горячий* может характеризовать нрав животного, например, *горячая лошадь* – резвая, нетерпеливая.

Напряженно протекающие речевые явления, транслирующие интенсивные чувства, характеризуются как *горячие*. *Горячий разговор*.

Благодаря метафоро-метонимическому переносу *горячий* характеризует периоды времени, связанные с интенсивной деятельностью, требующие сосредоточения всех сил (физических или эмоциональных). *Горячая пора*. Семантика высокой степени интенсивности служит основанием для метафорического переноса. Когнитивным основанием для подобного переноса является то, что тактильный контакт человека с чем-то горячим, превышающим комфортную температуру, вызывает у человека реакцию и маркируется как выходящий за пределы нормы.

В рамках концептуальной сферы «**Социальные явления**» *горячий* включается в метафорическую подмодель «напряженно протекающие военные события – интенсивный температурный признак» и интерпретирует события, связанные с конфликтными ситуациями. Источник этого метафорического переноса заключается в высокой степени интенсивности признака, выражаемого *горячий*. Тактильное взаимодействие с чем-то *горячим* вызывает у человека негативную реакцию, обусловленную ощущением физического дискомфорта или боли от излишне высокой температуры. При метафорическом переносе когнитивное осмысление *горячего* как некомфортного, деструктивного, чрезмерно интенсивного находит свое проявление: метафоры *горячий бой*, *горячий конфликт* номинируют некомфортную, выходящую за рамки нормы социальную ситуацию.

Горячий (в отличие от *теплый*) может выступать в значении «выражающий, отражающий то, что соответствует запросам, интересам текущего времени, является актуальным» (здесь и далее значения приводятся по МАС). Так, *горячий* формирует метафорическую подмодель «актуальное явление – температурный признак». *Горячие новости*. Основанием для метафорического переноса являются семы интенсивности и быстроты. Исходная ситуация: горячие объекты (например, еда) быстро остывают, если не поддерживать в них тепло.

Крайняя степень высокой температуры выражается прилагательными

жаркий, знойный, жгучий, раскаленный, палящий. Рассмотрим последовательно метафорические значения указанных единиц.

Жаркий и **знойный** близки по значению. Прилагательные используются для характеристики источников жара: *жаркое солнце, печка, костер, огонь* и т.д. Однако для *знойный* источником может выступать только солнце – *знойное солнце* (*знойная печка* – метафора). Прилагательные *жаркий, знойный* и соответствующие им существительные с «качественным» значением *жар, зной* фиксируют высокую степень проявления тепла; *жар, зной* воспринимаются через окружающую среду, опосредованно, не тактильно. *Жаркий, знойный* могут описывать проводники тепла – *жаркий, знойный воздух, ветер.* – *Тяжелый, знойный воздух словно замер* (Тургенев. *Малиновая вода*).

Метонимические переносы позволяют употреблять *жаркий (жар), знойный (зной)* с наименованиями пространств, где *жарко, знойно* – *жаркие, знойные страны* (в них источник тепла – солнце, которое распространяет свое тепло очень интенсивно). *Жаркий* характеризует и другие типы пространств, где источник тепла излучает его в сильной степени, целенаправленно, например, *оставить кастрюлю на жару; жаркая баня.* – *Стряпуха, возвратясь из бани жаркой, / Слегла* (Пушкин. *Домик в Коломне*). *Жаркий, знойный* употребляются с периодами времени – *жаркое, знойное лето, день, часы. Полуденный зной.* – *Был невыносимо жаркий июльский день* (Тургенев. *Певцы*).

Прилагательное *жаркий*, в отличие от *знойный*, способно характеризовать одежду, которая одновременно является и согревающим приспособлением, и своего рода вместилищем тепла: *жаркий свитер/кофта/плащ.* Одежда, определяемая как *жаркая*, имеет свойство сохранять тепло выше той меры, которая требуется для комфорта человека, поэтому сочетание *жаркая одежда* имеет негативную коннотацию. Для существительных *жар, зной* характерны те же синтагматические модели

связи с кругом привлекаемых имен, что и для соответствующих им прилагательных.

Сочетаемость лексем *жаркий*, *знойный* имеют ограничения, в отличие от лексем *теплый*, *горячий*. Этот факт определяет меньшую активность данных прилагательных при метафоризации.

Жаркий в переносном значении интерпретирует концептуальную сферу «**Чувства и эмоции**», функционируя в рамках подмодели «переживание чувств – температурное ощущение». Когнитивный образ ситуации включает в себя источник тепла, жара – *жаркая печка, солнце* и т.д. В метафорическом осмыслении в качестве источника жара выступают интенсивные чувства – *жаркая любовь, страсть*. Когнитивное осмысление исходного значения *жаркий* связано с негативной оценкой, поскольку признак проявляется как чрезмерный, избыточный, следовательно, некомфортный для человека. Подобно тому, как *жаркая печь* источает слишком много тепла, чувства, характеризуемые как *жаркие*, проявляют себя слишком интенсивно (*жаркие чувства, жаркая тоска* и т.д.).

Анализ исходных номинативных значений показал, что *жаркий* сочетается с проводниками тепла (*жаркий воздух, ветер*). Это находит отражение в формировании метафорического образа: *жаркий поцелуй*. Так, поцелуй осмысляется как проводник, транслятор интенсивных чувств (страсти).

На основе метафоро-метонимического переноса человек может интерпретироваться как носитель интенсивных чувств, страсти. – *Его юный, могучий талант нашел не только ревностных почитателей и жарких поборников, но и ожесточенных врагов* (Белинский. Стихотворения М. Лермонтова).

Речевые явления, протекающие с высокой степенью интенсивности, интерпретируются как *жаркие*. *Жаркий спор. Я не захожу в подробности прений, принимавших иногда жаркий характер* (Крылов. Мои воспоминания). В основе метафорического переноса лежит сема интенсивности.

Жаркий участвует в моделировании концептуальной сферы «**Социальные явления**», включаясь в метафорическую подмодель «интенсивно протекающее социальное явление – температурное ощущение». – *А на реке жаркая своя работа – казаки наводят мост вместо сгоревшего. (Серафимович. Железный поток). Случилось это накануне генерального сражения у Лейтцига. Ермолов командовал левым флангом. Дело обещало быть жарким (Никулин. России верные сыны).*

Жаркий в рамках концептуальной сферы «**Перцепция**» в метафорическом значении может обозначать огненно-оранжевый цвет. – *В нем [свертке] были червонцы, все до одного новые, жаркие как огонь (Гоголь. Портрет).*

Знойный служит источником метафорического осмысления концептуальной сферы «**Чувства и эмоции**», входя в метафорическую подмодель «переживание чувств – температурное ощущение». В основе метафорического переноса лежит сема высокой интенсивности признака. Стереотип физического восприятия *знойного* как неприятного, причиняющего дискомфорт человеку находит свое отражение при метафорическом переносе. *Знойный* используется для интерпретации интенсивных чувств – *знойная страсть*. – *Увидя вас, конечно б мог/ Любить вас тот, чья мысль далеко /От страсти знойной и тревог (Огарев. «К Д***»).*

Анализ исходных номинативных значений показал, что *знойный* сочетается с проводниками тепла (*знойный воздух, ветер*). Это находит отражение в формировании метафорического образа – *ласка* осмысляется как транслятор, проводник чувств. – *Светом и теплом моей жизни были знойные ласки казачки (Горький. Хан и его сын).*

Для семантической организации единиц **жгучий, палящий, раскаленный** важен образ целостной ситуации внеязыковой действительности с учетом всех актантов, участвующих в ситуации.

Прилагательные *жгучий* и *палящий* сохраняют связь с производящими глаголами *жечь*, *палить*. Осложнение температурной семантики дополнительными семами приводит к сужению сочетаемостных возможностей. *Жгучий*, *палящий* сочетаются с названиями источников жара – солнце, огонь. *Жгучими*, *палящими* могут быть проводники тепла – *жгучий воздух*, *палящий ветер*. – *Усилился ветер с севера — резкий, жгучий, леденящий лицо* (Ажасев. *Далеко от Москвы*). Метонимические переносы позволяют употреблять *жгучий* с наименованиями времени, когда солнце максимально интенсивно распространяет свое тепло – *жгучий, палящий день*. – *Иногда вдали, среди тишины жгучего полдня, слышалась звонкая-звонкая девичья песня* (Успенский. *Очерки переходного времени*). *Жгучий, палящий* не употребляются с наименованиями пространств.

Итак, в семантике слов *жгучий*, *палящий* значительную роль играет сема крайней степени интенсивности признака. Интенсивность жара настолько высока, что она может деструктивно воздействовать на предмет. Тактильные ощущения от контакта человека с чем-то *жгучим*, *палящим* связаны с физической болью, мучением. Данная внеязыковая ситуация служит когнитивным основанием для негативной коннотации. Описанные семы, закрепленные в исходном значении, послужат основанием для метафорического переноса из мира физического в абстрактный мир духовных процессов: *жгучий, палящий* характеризуют крайне интенсивные и мучительные чувства негативного спектра.

Прилагательное *жгучий* становится эмпирической базой для характеристики концептуальной сферы «**Чувства и эмоции**», включаясь в метафорическую подмодель «переживание чувств – температурное ощущение». *Жгучий* в метафорических сочетаниях обозначает «остро переживаемый; мучительный». *Жгучий* сочетается с наименованиями негативных чувств, которые интенсивно переживаются человеком (стыд, раскаяние, горесть, отчаяние). *Жгучий стыд*. *Жгучее раскаяние*. – *Его последние элегии полны жгучей, безотрадной горести* (Добролюбов. А.С.

Пушкин). Дома ждет его зрелище, полное жгучего, непереносимого отчаяния (Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы). Когнитивная основа метафорического образа – физическая боль при соприкосновении с чем-то жгучим, неприятные ощущения – обуславливает негативную коннотацию метафоры.

В рамках концептуальной сферы «**Социальные явления**» метафора *жгучий* интерпретирует актуальные, злободневные, требующие особого внимания явления. *Жгучий вопрос*.

Исследуемая метафора участвует в моделировании концептуальной сферы «**Физические явления**». Болевые ощущения, деструктивные для организма процессы, переживаемые человеком, ассоциативным образом уподобляются неприятным температурным ощущениям. *Жгучая боль*.

Для лексемы *палящий* в словарях русского языка метафорические значения не зафиксированы. Анализ данных НКРЯ показывает, что *палящий* используется для обозначения явлений, которые мучают человека, доставляют дискомфорт. В когнитивном образе исходной ситуации актуализируется активность субъекта – источника температурного воздействия. Жар исходит сверх меры, слишком интенсивно, что оказывает деструктивное воздействие на объект. В метафорическом образе актуализируется сема высокой интенсивности, активность субъекта, объект воздействия, негативная коннотация.

Палящий интерпретирует явления, входящие в концептуальную сферу «**Чувства и эмоции**». При характеристике чувств и эмоций *палящий* участвует в метафорической модели «переживание чувств – температурное ощущение». *Палящий* характеризует интенсивные чувства, которые мучают человека (*палящая тоска, палящая страсть*). – *Я никогда не видал таких ужасных порывов душевного страдания, такой бешеной палящей тоски, такого пожирающего отчаяния, какие волновали несчастного любовника (Гоголь. Старосветские помещики).*

Изучаемая метафора участвует в моделировании концептуальной сферы «**Ментальные явления**». Интенсивно протекающие мыслительные процессы доставляют человеку неприятные ощущения, сходные с тактильным ощущением от контакта с чем-то палящим, раскаленным. – *Не то толчком в сердце, не то палящей вереницей мыслей ежеминутно напоминает оно о себе (Чарская. Приютки).*

В рамках концептуальной сферы «**Физические явления**» *палящий* включается в метафорическую подмодель «болевое ощущение – температурное ощущение». В основе когнитивного образа – опыт неприятных телесных ощущений, боли при контакте с чем-то *палящим*. Сенсорное впечатление становится источником для идентификации физиологического состояния человека. – *Палящая боль не давала Михаилу спать, пока голова его сама собой не падала на колени брата (Иванов. Сердце Пармы).*

Раскаленный характеризует объект, сильно нагретый от огня, жара, зноя, то есть данный признак сообщается объекту посредством воздействия на него. – *Раскаленные камни и песок обжигали босые ноги. (Конецкий. Петька, Джек и мальчишки).* Исследуемое прилагательное сохраняет связь с производящим глаголом – *раскалить* («Сильно нагреть огнем, жаром, зноем»). Предмет, характеризующийся как *раскаленный*, является пассивным объектом. Передача ему тепла может происходить непосредственно – путем контакта источника жара с предметом – или же опосредованно, через окружающую среду. Обычно раскаленные предметы нагреты солнцем или огнем (*раскаленная печь*), но рабочие части механизмов нагреваются до высокой температуры и за счет собственного движения, и в результате могут описываться говорящим как раскаленные: *раскаленный мотор / двигатель / турбина / поршень. Раскаленными могут быть проводники тепла – раскаленный воздух, ветер. – Сразу дохнуло сорока градусами раскаленного воздуха (Азольский. ВМБ // «Новый Мир», 2001).* На основе метонимического переноса *раскаленный* употребляется с

наименованиями пространств – *раскаленная баня, равнина, улица, пляж* и времени – *раскаленный полдень*.

В НКРЯ обнаружены метафорические употребления с этой лексемой. В процессе метафоризации меняется характер объекта, способ воздействия на объект и результат. Сема высокой интенсивности признака является компонентом метафорического переноса. Когнитивные основания – при соприкосновении с чем-то раскаленным человек испытывает неприятные чувства, физическую боль. Поэтому мы можем говорить о том, что *раскаленный* обладает негативной коннотацией. Негативная оценка сохранится при осмыслении других понятийных сфер посредством метафоры *раскаленный*.

Раскаленный интерпретирует явления концептуальной сферы «**Чувства и эмоции**». Изучаемая метафора функционирует в рамках подмодели, где температурный признак уподобляется (на основе метафорометонимического переноса) человеку как носителю чувств. – *Робот вышел из себя. Он был раскален: — Но ведь это абсурд! (Арканов. Скорая помощь. Юмор). Был первый день съемки, он должен был прийти днем, а появился после 12 ночи. Я уже была раскаленная, душили монологи (Ухарова / (Буркова). Предисловие: Георгий Бурков. Хроника сердца). Это видно хотя бы из того, что, если душа от гнева раскалена, стоит напиться холодной воды — и ты успокаиваешься (Искандер. Сандро из Чегема).* Особенности исходного образа – объектная направленность. Объектом является человек (его душа, сердце и другие метонимические эквиваленты человека). В результате воздействия изменяется психическое состояние человека. В качестве источник воздействия выступают *гнев, монологи, раскаленный мир страстей, раскаленный эгоизм* и т.д.

Анализ исходных номинативных значений показал, что *раскаленный* сочетается с проводниками тепла (*раскаленный воздух, ветер*). В метафорической сфере *раскаленный* характеризует проводники негативных эмоций – *раскаленный крик, раскаленные слезы*. – *А у нее слезы из глаз чуть*

не брызнули – только не жалкие, а злые, раскалены (Евтушенко. *Волчий паспорт*). Хабаров душил эти злые шепотки своим раскаленным от отчаянья криком: «Молчать!» (Павлов. *Степная книга*). Когнитивные основы метафоры находятся в исходном значении: тактильный контакт с чем-то раскаленным связан для человека с физической болью, мучениями. В метафорических контекстах может быть указан источник мучений (например, *отчаянье*).

Изучаемая метафора участвует в моделировании концептуальной сферы «**Социальные явления**». *Раскаленный* включается в метафорическую подмодель «актуальное явление – температурное ощущение». Стереотип восприятия (когнитивная основа) *раскаленного* связан с негативной коннотацией, которая возникает из-за физической боли от контакта с чем-то раскаленным. – *И тут встает не менее раскаленная проблема управляемости свободного рынка* (Кичин. *Экран-Потрошитель*). При метафоризации в основе переноса лежит сема крайней степени интенсивности.

Система метафорического моделирования на основе лексем с исходной семантикой низкой температуры

Прототипический смысл низкой температуры выражает прилагательное *холодный*. Все прямые номинативные значения прилагательного *холодный* в общем виде можно свести к идее низкой (ниже нормы) температуры, которая не поддерживает температуру человеческого тела. Доминантной семой является интенсивное проявление признака низкой температуры.

Холодный обозначает и тактильно, и нетактильно, т. е. опосредованно воспринимаемую температуру. *Холодный* – это не согревающий – об источнике тепла (*холодное солнце*) или недостаточно нагретый/ уже остывший (о нагревательных приборах, ср.: *холодная печка/батарея*), то же о еде: *холодная баранина*; *холодная одежда* – не защищает от холода,

холодные поверхности хололят кожу, специально охлажденная еда или напитки – приятно охлаждают (*холодное пиво*). *Холодный* обозначает проводники холода – *холодный ветер, воздух*. На основе метонимического переноса *холодный* сочетается с названиями пространств (*холодная комната, пустыня* и т.д.) и времени (*холодное утро, день, вечер*).

Часто с *холодом* связаны неприятные физические ощущения. – *У проходной было безлюдно, как если бы всё попрятались от холода*(Павлов. *Карагандинские девятины, или Повесть последних дней*). Примерно столько же группа Очкина отдыхала в базе, а моя, стуча зубами от холода, сидела на камнях вокруг, изредка согреваясь чаем, расходуя последние запасы горючего (Вольский. *Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд?*).

Остановимся подробнее на переносных значениях *холодный*. Изучаемая метафора участвует в моделировании концептуальной сферы «**Чувства и эмоции**», вступая в метафорическую подмодель «переживание чувств – температурное ощущение». Когнитивный образ ситуации восприятия *холодного* связан с двумя направлениями метафорического осмысления: *холодный* – выражающий интенсивные негативные чувства (*холодная ненависть*), *холодный* – не выражающий (выражающий в недостаточной степени) положительных чувств (*холодное равнодушие*).

Человек как носитель определенного психического типа интерпретируется как предмет, обладающий низкой температурой. – *Холодный темперамент. Холодное сердце. – Я знал красавиц недоступных, / Холодных, чистых, как зима.* (Пушкин. *Евгений Онегин*). Подобно тому, как в исходном значении *холодный* может обозначать отсутствие тепла, в метафорическом значении *холодный* обозначает отсутствие бурных чувств, страсти. Носителем признака является человек (либо его метонимические «заместители» – сердце, душа и т.д.). Следующий аспект метафорического осмысления – *холодный* интерпретирует человека, который не проявляет интереса к чему-либо, равнодушного, безразличного. – *Она пошла в зал и села*

за рояль. Сначала оставалась холодна, потом увлеклась (Чернышевский. Пролог). К общественным делам они были холодны (Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши).

Сдержанность в проявлении чувств не всегда маркируется негативными коннотациями, напротив, указанное качество может помогать человеку в совершении какого-либо дела, поэтому изучаемая метафора может приобретает положительную коннотацию в контексте. *Разведчик должен быть мудрым, холодным и осторожным (Новиков-Прибой. Морские орлы).*

Следующий аспект интерпретации чувств с опорой на метафору *холодный*– выражение чувств негативного спектра(суровость, строгость, недоброжелательность). Метафорическая подмодель «переживание чувств – температурное ощущение» трансформируется следующим образом: человек, выражающий чувства негативного спектра, метафорически уподобляется предмету, который является носителем признака отрицательной температуры. – *Это был злобный, холодный и насмешливый человек (Достоевский, Братья Карамазовы).* При метафорическом переносе из исходного значения наследуется негативная коннотация, связанная с когнитивным образом *холодного* как некомфортного и опасного для человека.

В исходном значении *холодный* употребляется с проводниками холода (воздух, ветер). Сходным образом при метафорическом переносе *холодный* используется для характеристики проводников чувств. *Холодный взгляд.*

В исходном значении *холодный* может метонимически обозначать пространство с низкой температурой (*холодный дом*). В переносном значении способность изучаемой метафоры интерпретировать пространство сохраняется: *холодный* характеризует тип пространства, где человек испытывает эмоциональный дискомфорт. – *Помню первое наше собрание: я предпочитал тогда жить не в своей холостяцкой холодной квартире в далеком Бибиреве, но в большой комнате в коммуналке на Сretenском*

бульваре у моей подружки, дикторши центрального телевидения (Климонтович. Далее - везде).

Холодный в моделировании концептуальной сферы «**Ментальные явления**» (холодные размышления, холодная мысль, холодный рассудок, холодная дидактика и т.д.), вступая в метафорическую подмодель «ментальное явление – температурное ощущение». Отсутствие чувственной составляющей (пылкости, страстности) компенсируется за счет преобладания рационального, рассудочного начала. *Эстетическая критика утверждает, что человек с поэтическим талантом не должен и не может пускаться в холодную дидактику, а непременно должен представить свою идею в живых образах* (Добролюбов. Русские песни А. Мельникова).

Изучаемая метафора служит основой для образной интерпретации единиц концептуальной сферы «**Социальные явления**». Актуализируется метафорическая подмодель, в которой социальные отношения уподобляются предмету-носителю температурного признака. *Холодные отношения – отношения, лишенные положительных чувств. Метафора обладает негативной коннотацией.*

Прилагательное *холодный* участвует в моделировании концептуальной сферы «**Перцепция**» и в переносном значении используется для выражения сине-лилового цвета. Метафора *холодные краски, тона* антонимична *теплым краскам, тонам* (красновато-коричневые цвета). *В высоте бродили легкие, серебристые облака...; один океан сохранял холодный, густой, как индиго, колер; волнение совсем улеглось* (Григор. Корабль «Ретрвизан»).

В отличие от *холодный*, прилагательное **прохладный** обозначает слабую степень интенсивности холода. *Прохладный* обладает теми же сочетаемостными возможностями, что и *холодный*, характеризуя источник тепла (прохладная батарея), еду (прохладная еда, прохладный напиток – приятно освежает), одежду (прохладное пальто – не защищает от холода в достаточной степени), проводник (*прохладный воздух*). – *Всё кругом носило*

на себе следы прошедшей степной жары, и странно было, что воздух так прохладен (Гроссман. *Жизнь и судьба*). На основе метонимических переносов прохладный характеризует время (прохладное лето, дни) и пространство (прохладная комната, степь). – Дни были прохладные, ясные, с голубым небом и с прозрачною далью (Чехов. *Палата № 6*). В Северном Прикаспии господствовали сухие прохладные степи с марево-полынной растительностью и значительным участием растений мокрых солончаков и солонцов (Свиточ. *Всемирный потоп и великая хвалынская трансгрессия Каспия*).

Когнитивный образ прохлады существенно отличается от холода: прохлада связана с приятным охлаждением, свежестью. – Я приоткрыл фрамугу, встал на мой привинченный к полу стул и, вытянув шею, как тоскующий по воле кот, стал жадно вдыхать прохладный свежий воздух утраченной свободы (Николаев. *Вещие сны тихого психа*). Отсутствие избыточного, лишнего тепла наделяется положительной коннотацией. – Лесная тишина и прохлада обняли его, только он вступил в аллею (Домбровский. *Факультет ненужных вещей*).

Метафора прохладный интерпретирует, во-первых, концептуальную сферу «**Чувства и эмоции**», обозначая безразличное, равнодушное отношение («перен. Равнодушный, холодно-безразличный»). Носителем равнодушного состояния является человек, поэтому в рамках концептуальной сферы изучаемая метафора включается в метафорическую подмодель «человек как носитель чувства – предмет-носитель температурного признака». – События [в пьесе] развиваются, но публика еще остается прохладной, а сердце Андерсена замирает от ужаса. (Муравьева. *Андерсен*). Отметим, что положительная аксиологическая направленность, заданная в исходном значении, меняется на противоположную. В переносном значении прохлада обозначает отсутствие положительных человеческих отношений, что несет негативную коннотацию.

Во-вторых, *прохладный* является инструментом характеристики единиц концептуальной сферы «**Социальные явления**», включаясь в метафорическую подмодель «тип социальных отношений – температурное ощущение». *Прохладные отношения* – равнодушные, безразличные отношения, в отличие от *холодных отношений*, при которых выражаются негативные чувства. Основания для такого метафорического осмысления находятся в когнитивном образе прохлады – физический контакт с прохладным предметом не влечет негативных реакций у человека, состояние прохлады приближено к норме, однако несколько отклоняется от нее в негативную сторону.

Метафорический потенциал прилагательного *прохладный* востребован при интерпретации явлений концептуальной сферы «**Перцепция**». Прохладный обозначает серебристо-синий цвет. *Прохладный оттенок*.

Прилагательные *ледяной, морозный, студеный* в номинативном значении обозначают крайне высокую степень проявления признака холода, характеризуют такую температуру, которая гораздо ниже температуры человеческого тела. Доминантная сема в структуре их значений – сема высокой интенсивности признака – *холодный* в значительной степени. Эта сема оказывается значимой в процессе метафорического моделирования.

Ледяной в номинативном значении характеризует проводники холода – *ледяной ветер, воздух*. – *В лицо бил ледяной ветер* (Ажаев. *Далеко от Москвы*). *Ледяной* на основе метонимических переносов характеризует пространство (*ледяная комната, ледяной дом*) и время (*ледяная ночь*). – *Ночь была ледяная, и я потребовал несколько бочек с керосином, чтобы вылить его на затвердевший снег и поджечь, чтобы лед растаял на пространстве, отведенном для трибуны* (Анненков. *Дневник моих встреч*).

Ледяной сохраняет связь с производящей основой – лёд. Свойства предмета «лёд» определяют возможности его отношений с другими предметами, и данные отношения, обусловленные также и свойствами этих других предметов, отражаются в значениях прилагательного *ледяной*. – Он

весь был покрыт неподвижным толстым льдом (Бурлак. Хранители древних тайн). Лёд – это застывшая вода, утратившая способность к движению. Значение неподвижности, скованности актуализируется в метафорических переносах.

Когнитивный образ льда и ледяного связан с физическим дискомфортом, поскольку тактильный контакт с ледяным предметом вызывает неприятные физические ощущения, может привести к охлаждению и болезни.

Метафора *ледяной* характеризует концептуальную сферу **«Чувства и эмоции»**, обозначая интенсивные негативные чувства – *ледяная ненависть, недоверие*. Реализуется метафорическая модель, при которой чувства уподобляются предмету – носителю температурного признака. В данном случае интенсивные негативные чувства уподобляются предмету – носителю признака очень низкой температуры.

Сема «отсутствие движения» актуализируется при метафорической характеристике состояния страха, ужаса. – *Обычно памятливым на слова и подробности, я мало что вынес из первых пятнадцати минут – я стоял по шее в ледяном страхе (Елизаров. Библиотекарь).*

В качестве **проводников** негативных чувств при метафоризации осмысляются голос, взгляд, действия человека. – *С чего ты взял, что я так забочусь о тебе? мне что за дело? Эти слова сопровождались ледяным взглядом (Гончаров, Обыкновенная история). Как-то поздним зимним вечером он приезжал к отцу с Натальей Потапенко, спросил меня ледяным голосом: «Дома ли Иероним Иеронимович? (Ясинская. Мои встречи с Сергеем Есениным).*

Ледяной характеризует явления, входящие в концептуальную сферу **«Ментальные явления»**, обозначая отсутствие чувств, примат рационального начала. Так, *ледяной* включается в подмодель «ментальное явление – температурное ощущение». – *Положив на колени большие как лопаты, жилистые руки и опустив крупную седую голову, он будто застыл в*

ледяном раздумье (Караваяева, Разбег). Как и метафора *холодный*, *ледяной* фиксирует преобладание рационального, рассудочного начала над чувственным. Но в отличие от *холодный*, *ледяной* выражает еще и физическую скованность, которая может возникать при интенсивном ментальном процессе. Эта дополнительная коннотация, семантическое усложнение связано с исходным образом льда, неподвижной замерзшей воды.

Узкие сочетаемостные возможности прилагательных ***морозный*** и ***студеный*** обуславливают их меньшую активность в процессе метафоризации. В словарях русского языка не отмечены метафорические значения, однако в рамках дискурсивных практик исследуемые слова могут приобретать переносные значения. Обратимся к анализу значений указанных слов.

Морозный в прямом значении обозначает «очень холодный». *Морозный* сочетается с проводниками мороза (*морозный воздух*). Благодаря метонимическому переносу *морозный* применимо также к названиям пространств, где *морозно* – *на дворе морозно*. - *На дворе морозно и солнечно* (Быков. *Утро вечера мудренее*). *Морозный* сочетается с периодами времени, когда *морозно*. – *На дворе стояла тихая морозная ночь* (Чехов. *Шампанское*). Когнитивный образ прилагательного *морозный* связан с неприятными физическими ощущениями, возникающими на морозе.

Разница между *ледяной* и *морозный* связана с денотативной сферой существительных, от которых образованы указанные прилагательные. Так, эти слова объединяются наличием семы значительной степени проявления низкой температуры, однако в семантической структуре *морозный* нет семы скованности и неподвижности, которая содержится в семантической структуре *ледяной*.

В основном корпусе НКРЯ обнаружены метафорические употребления *морозный*. Изучаемая лексема интерпретирует явления, входящие в концептуальную сферу «**Чувства и эмоции**». *Морозный*

характеризует трансляторы негативных чувств (взгляд, взор и т.д.). – *И по взгляду этому морозному полковник замертво вспомнил то, чего и позабыть-то нельзя: что это был зимний день, за оконцем мгlisto серебрился зимний воздух, месяц был январь, и еще утром шагал он по хрусткому морозному снежку (Павлов. Степная книга).*

Студеный в исходном значении характеризует объект, сильно охлажденный посредством воздействия на него. Исследуемое прилагательное сохраняет связь с производящим глаголом *студить*. Предмет, характеризваемый как *студеный*, является пассивным объектом. Передача ему холода происходит опосредованно, через окружающую среду. *Студеный* употребляется с наименованиями проводников холода – ветер, воздух. – *С моря дул студеный ветер. (Павленко, Слава).* Студеный характеризует воду и ее источники (*студеная река, студеный ключ*). – *Вода была чистая, студеная, и пить ее пришлось маленькими глотками (Гайдар, Школа).* Реже *студеный* употребляется в метонимических переносах. Так, зафиксированы переносы на пространство, где *студено* (*В комнате было студено, и каждый инстинктивно скупился уделить собственный нагрев бездушному предмету... (Кассиль. Кондуит и Швамбрания)* и время, когда *студено*. – (*Это случилось в студеный декабрьский день, так хорошо описанный ею в песне «Андерсен» (Воронель. Без прикрас. Воспоминания).* В основном корпусе НКРЯ метафорические употребления *студеный* не обнаружены.

2.5.2. Система метафорического моделирования на основе лексем периферийной зоны

Система метафорического моделирования на основе лексем с исходной семантикой высокой температуры

Перейдем к анализу номинативных и метафорических значений единиц, составляющих **периферию СП «Температура»** (высокая температура). Основанием отнесения к зоне периферии в нашем исследовании служит сема «изменение температурного состояния». Видовые и приставочные дериваты глаголов в исследовании подробно не рассматриваются, поскольку обладают теми же семантическими особенностями, что и первообразные глаголы.

Рассмотрим лексемы *греть* и *теплеть*. Процессы, обозначаемые данными глаголами, противопоставляются по интенсивности. *Греть* обозначает действие, при котором достигается бОльшая температура, чем при действии, обозначаемом глаголом *теплеть*. Следующий параметр, отличающий *греть* от *теплеть*, – различная субъектно-объектная организация действия.

Греть – каузативный глагол, обозначающий физическое воздействие на объект, при котором происходит повышение температуры объекта. Для того чтобы понять когнитивные основы, участвующие в метафоризации, необходимо рассмотреть исходную ситуацию, выражаемую глаголом *греть*.

При анализе предметных характеристик глагола *греть* было установлено, что в качестве источников тепла (который может совпадать с субъектом действия) часто выступают солнце, печь, огонь. – [Юлия] *предалась своей страсти, – как человек, предающийся беспечно в челноке течению волн: солнце греет его, зеленые берега мелькают в глазах, игривая волна ласкает корму* (Гончаров. Обыкновенная история).

Греть может выражать сохранение, поддержание комфортной для человека температуры (температуры, близкой к нормальной температуре человеческого тела), поэтому *греть* сочетается с наименованиями разных типов одежды и других вещей, призванных сохранять тепло (например, одеяло, покрывало и т.д.). В данном случае проявляется положительная коннотация. – [Доха] *защищает от всякого мороза. Она легка, пушиста и греет в 40°!* (Гончаров. Фрегат «Паллада»).

Греть в метафорическом значении характеризует концептуальную сферу «**Чувства и эмоции**». *Греть* входит в метафорическую модель «переживание чувств – температурное ощущение». Изучаемый глагол интерпретирует как негативные эмоции, так и положительные. Связано это с амбивалентной природой жара, высокой температуры. Во-первых, тепло, процесс его порождения и сохранения архетипически связан с положительными эмоциями, поэтому часто лексемы с семантикой высокой температуры характеризуют чувства положительного спектра. Так, лексема *греть* обозначает действие или явление, которое вызывает чувство эмоционального комфорта (ободрение, воодушевление). При метафоризации сохраняется образ денотативной ситуации (субъект, объект, воздействие, результат воздействия). В ситуации, обозначаемой лексемой в прямом номинативном значении, имеется субъект действия, который распространяет свое тепло на объект, создавая для объекта комфортные условия. В результате воздействия происходит изменение физического состояния объекта. В ситуации, именуемой метафорическим ЛСВ, меняется характер субъекта, объекта и результата воздействия. Субъектом является человек или какие-либо явления. Объект – человек или какой-либо аспект его ментально-психического состояния. В результате воздействия происходит изменение эмоционального состояния. В словарях русского языка данный тип метафорического переноса не зафиксирован, однако анализ языкового материала позволяет нам утверждать, что *греть* регулярно используется для описания ситуации изменения эмоционального состояния человека в положительную сторону. – *Только это греет и успокаивает меня; только поэтому я продолжаю свое личное бытие (Радов. Змеесос).*

Во-вторых, высокая температура может восприниматься как «излишняя», превышающая пределы нормы. Субъект воздействия, распространяющий чрезмерное тепло на объект, создает для объекта некомфортные условия, высокая температура может деструктивно воздействовать на объект. Этот факт способствует развитию значений,

связанных с отрицательной оценкой. *Греть* обозначает негативное эмоциональное воздействие (порицание, неодобрение), которое направлено на объект. В словарях фиксируется ЛСВ «Прост. Порицать за что-л., высказывать неодобрение; бранить, ругать». – [Ляковский:] *В нашем деле нужна точность. У нас за каждую небрежность так греют!* (Малюгин. *Старые друзья*). Помимо субъекта (человека) и объекта (человека целиком, в данном случае невозможен контекст **греть душу за что-либо*) имеется указание на причину воздействия.

Теплеть – инхотативный глагол, обозначает процесс изменения признака, протекающий в самом субъекте, это безличный глагол. Для семантической сочетаемости глагола *теплеть* нет субъектных ограничителей. – *Вообще мне казалось, что воздух постепенно теплел* (Скворцов. *Сингапурский квартет*). *Сжал в кулаке – ощутил, как амулет теплеет* (Лукьяненко. *Ночной дозор*).

Часто глагол *теплеть* используется в безличных предложениях для обозначения наступления теплой погоды. – *До Курска было холодно, потом стало теплеть, и в Севастополе было уже совсем жарко* (Чехов. *Письмо О. Л. Книппер*).

Метафора *теплеть* характеризует концептуальную сферу «**Чувства и эмоции**», участвуя в метафорической модели «переживание чувств – изменение температуры». *Теплеть* в метафорических сочетаниях обозначает наступление комфортного душевного состояния. Источник такого осмысления находится в исходном значении, в стереотипном восприятии тепла. Тепло обозначает признак, соответствующий температуре человеческого тела или поддерживающий его температуру и поэтому создающий человеку приятное ощущение комфорта. От исходного значения наследуется положительная аксиологическая направленность метафоры. – *Но и от этой доброй улыбки Берты Ивановны и от этих ее рассказов не согревается душа и не теплеет на сердце* (Лесков. *Островитяне*). Было

сладко думать об этом, в груди теплело (Горький. Жизнь Матвея Кожмякина).

Глаголы **жечь**, **палить**, **печь** обозначают действие, при котором солнце источает сильный жар. – *Обливавший его [Левина] пот прохлаждал его, а солнце, жегшее спину, голову и засученную по локоть руку, придавало крепость и упорство в работе (Толстой, Анна Каренина). Едет иногда лодка с несколькими человеками: любо смотреть, как солнце жарит их прямо в головы (Гончаров, Фрегат «Паллада»).* Зной нестерпимый: *равнина безлесная, /Нивы, покосы да ширь поднебесная –/ Солнце нещадно палит (Некрасов, В полном разгаре страда деревенская).* Жар, зной значительно превышают температуру тела человека, воздействие жаром причиняет человеку физический дискомфорт.

Наиболее близкими по исходным и метафорическим значениям оказываются единицы *жечь*, *палить*.

Каузативный глагол **жечь** обозначает воздействие на предмет с целью заставить его гореть для отопления и (или) освещения. Указанный ЛСВ в прямом номинативном значении включает следующие компоненты: субъект – человек; объект – материальный предмет (дрова, свеча) и т.д.; средство воздействия – огонь; тип действия – каузативное. В результате воздействия объект источает тепло или свет.

При метафорическом переносе сохраняется структура денотативной ситуации: субъект, объект, средство воздействия; тип действия – каузативное. Тепло, исходящее объектом, характеризуется как излишнее, слишком интенсивное, некомфортное для человека, деструктивное для объектов. – *Кругом тишина мертвая; полдень; солнце так и жжёт (Григоревич. Переселенцы).* Нестерпимый жар, который доселе жег и душил деревенскую зелень, спал наконец (Левитов. Типы и сцены сельской ярмарки). Семантика деструкции обуславливает негативную коннотацию в метафорическом значении.

Метафора *жечь* используется для интерпретации концептуальных сфер «**Чувства и эмоции**», «**Ментальные явления**». Метафорические подмодели уподобления чувственных переживаний и ментальных явлений тактильному ощущению температуры разворачивается следующим образом: *жечь* обозначает воздействие на человека, при котором человеку причиняются нравственные страдания, мучения, внушается чувство тревоги. Типичными субъектами воздействия на человека являются факты эмоциональной и ментальной деятельности (стыд, раскаяние, мысли). – *Его заботы о чужом ребенке жгли его сердце стыдом и раскаянием* (Толстой. *Анна Каренина*). В семантической структуре выделяются компоненты: субъект действия – заботы, средство, орудие – стыд и раскаяние. *Мысли о сыне жгли ее постоянно. Она считала и себя и отца виновниками его гибели* (Гладков. *Мать*). Семантическая структура результирующей ситуации включает субъект действия – ментальный феномен (мысли), объект воздействия – человек. В основе когнитивного образа лежит представление о высокой температуре как источнике разрушения, боли.

Глагол *жечься* номинирует процесс обладания способностью жечь, обжигать. – *[Мише] вспомнился дорожный чайник без ручки, что чайник этот очень жегся, и наливать было такое мученье* (Пришвин. *Кашеева цепь*). *Крапива встала такой густой стеной и так жглась, что Маша боялась к ней подойти* (Паустовский. *Деревенский сад*). Для метафорического осмысления важна сема высокой степени интенсивности и сема деструкции, которая порождает негативную коннотацию. Метафора *жечься* участвует в моделировании концептуальной сферы «**Социальные явления**», функционируя в рамках метафорической подмодели «экономическое явления – температурное ощущение». В просторечии *жечься* значит «быть слишком дорогим по цене, недоступным для приобретения». – *Цена жжется*.

Каузативный глагол *палить* имеет несколько ЛСВ. *Палить* обозначает воздействие огнем на предмет с целью удалить волосной покров,

пых и т.д. Обозначенный ЛСВ в прямом номинативном значении включает следующие компоненты: субъект – человек; объект – материальный предмет; средство воздействия – огонь; тип действия – каузативное. В результате воздействия огнем объект изменяет свои свойства. – *На льду реки развевается красное пламя: мужики палят свинью (Успенский. Декалов). Хмолин подвинулся к печке и стал палить вальдишнелов, поворачивая их перед огнем (Казаков. Плачу и рыдаю...).*

Следующий ЛСВ *палить* связан с семантикой горения с целью освещения или отопления. – *Мальчишки палили костер под горой, пекли картошку (Горышин, Лица встречных).* Денотативная ситуация: субъект – человек; объект – огонь, костер, свеча и т.д.; средство воздействия – огонь; тип действия – каузативное. В результате воздействия объект источает свет и (или) тепло. В данном случае жар обладает конструктивной силой, наделяется положительной коннотацией.

Возможны безличные употребления *палить*. – *В каютах духота, на палубе палит (Гончаров. Фрегат «Паллада»).*

При метафорическом переносе сохраняется семантическая структура *палить*: субъект, объект, средство воздействия, тип воздействия. Воздействие жаром, огнем, фиксируемое глаголом *палить*, может восприниматься как конструктивная сила, рождающая свет и тепло, а также как разрушительная сила. Амбивалентность аксиологической направленности наследуется из исходной сферы и воспроизводится в метафорах.

Глагол *палить* при метафоризации участвует в характеристике концептуальных сфер **«Чувства и эмоции»**, **«Ментальные явления»**. *Палить* входит в состав метафорических подмоделей «переживание чувств – температурное ощущение», «ментальное явление – температурное ощущение». В результирующей ситуации в качестве субъекта действия выступают явления эмоциональной и ментальной деятельности (жалость, осознание чего-либо и т.д.). Типичным объектом воздействия является

человек, душа. В результате воздействия человек испытывает терзания, муки. – *Слепили слезы ей глаза, / Палила душу жалость (Твардовский. Дом у дороги)*. Субъект воздействия – чувство (жалость), объект – душа. – *Но страшнее физической боли и этой душевной муки палило Костиевича сознание того, что он попал в руки врага, не выполнив своего долга (Фадеев. Молодая гвардия)*. Субъект воздействия – ментальный процесс (сознание), объект – человек. Когнитивной основой образа выступает боль при физическом контакте с чем-то палящим.

Каузативный глагол **печь** в исходном значении обозначает воздействие жаром, зноем. При этом источаемый жар, зной воспринимается как чрезмерно интенсивный и наделяется негативной коннотацией. В результирующем значении **печь** служит средством интерпретации концептуальной сферы **«Физические явления»**. Реализуется метафорическая подмодель «явление физической сферы – тактильное ощущение температуры». – *В середине у меня болит. Так и печет и печет. (Куприн. Олеся)*. – *Четвертые сутки не сплю. То все мерзла, а теперь печет. (Коптяева. Иван Иванович)*. В основе когнитивного образа ситуации лежит опыт телесных ощущений, боли при контакте с чем-то горячим, источающим жар, зной. Сенсорные впечатления, полученные при контакте с чем-то жарким, становятся источником для идентификации самочувствия человека.

Глагол **кипятиться** обозначает процесс нагревания до состояния кипения. *Молоко кипятится*. Метафора **кипятиться** используется для интерпретации концептуальной сферы **«Чувства и эмоции»**, номинируя такое психологическое состояние, когда человек волнуется или сердится. – *Оба [поручик и Крючков] кричали, кипятились (Чехов. Тина)*. – *Ладно, Саша, не кипятись!<...>. Мало ли какие накладки бывают (Вс. Рождественский. Кулисы)*. Человек метафорически уподобляется вскипающей жидкости.

Единицы **греться, топить – топиться, жариться, палиться, печься, калить – калиться, кипятить** включаются в функциональную

периферию метафорического подполя. В словарях русского языка и в основном корпусе НКРЯ не отмечены метафорические значения.

Инхоативный глагол **греться** выражает динамику становления признака тепла. Субъект может быть одушевленным, в качестве источника тепла может выступать солнце, огонь, камин и т.д. – *На пороге больницы сидели больные и молча грелись на солнышке (Чехов. Неприятность). Офицеры Камчатского полка, греясь у трескучих каминов, вспоминали стихи Евгения Баратынского (Паустовский, Северная повесть).* Под действием огня, жара или трения становиться теплым может неодушевленный предмет. – *Утюг греется на плите.*

Каузативный глагол **топить** обозначает действие, при котором человек разводит и поддерживает огонь в печи либо включает отопительные приборы. – *В избу вошла баба и стала не спеша топить печь, чтобы готовить обед (Чехов. Попрыгунья).[Смотритель] не топил больницу до ноября (Толстой. Фальшивый купон).*

Глагол **топиться** обозначает «иметь в себе разведенный огонь (о печи)». – *В избушке топилась русская печь (Перегудов. В те далекие годы).* Следующий ЛСВ глагола греть обозначает процесс топки помещения. *Дождь стучит в окна, ветер немилосердно завывает, и дача топится постоянно (Крамской. Письмо И. Е. Ретину, 26 авг. 1874).*

Глаголы **жариться**, **палиться**, **печься** обозначают процесс нахождения на жаре, солнце, в жарком месте. – *Оказалось, что я напрасно жарился Отопление в каюте отлично регулировалось (Станиславский. Письмо М. П. Лилиной, конец дек. 1922).* – *Вот что, – давайте мы с вами, Ипполит Сергеевич, встанем и пойдем пешком по лесу. А то сидим мы и печемся на солнце, – разве так гуляют? (Горький. Варенька Олесова).*

Каузативный глагол **калить** обозначает воздействие на предмет с целью значительно повысить его температуру, довести до раскаленного состояния. – *Палатку снаружи смочили водой, внесли в нее раскаленные камни и стали поддавать пар. Получалась довольно хорошая паровая баня.*

Пока одни мылись, другие калили камни (Арсеньев. По Уссурийской тайге).
Следующий ЛСВ обозначает воздействие солнца, источающего жар. – *Жарко калило землю полуденное солнце (Шолохов. Тихий Дон).*

Инхоативный глагол **калиться** обозначает процесс становления накаливания. – *Семен сидел на корточках перед небольшим костром, в котором калился ирапнельный стакан (Катаев. Я, сын трудового народа...).*

Глагол **кипятить** фиксирует нагревание жидкости до состояния кипения. *Кипятить молоко. Кипятить воду.* Нахождение в кипящей жидкости каких-либо предметов может изменить свойства этих предметов. *Кипятить белье.*

Система метафорического моделирования на основе лексем с исходной семантикой низкой температуры

Как отмечалось ранее, периферия СП «Температура» (холодная зона спектра) формируется глаголами, обозначающими становление и каузацию температурного признака: *холодить – холодеть, стыть – стынуть, студить – студиться, леденить, зябнуть, морозить – морозиться, мерзнуть.* Все перечисленные глаголы обозначают действие, связанное с изменением термического состояния на более холодное. Наиболее эталонное представление о понижении температуры выражают глаголы *холодить* и *холоднеть*.

Каузативный глагол **холодить** фиксирует такое воздействие субъекта на объект, при котором объект делается холодным, при этом понижение температуры осуществляется до средней или низкой степени. Источник холода – холодный предмет (пол, земля), проводник холода (ветер, воздух), предмет, предназначенный для охлаждения – кондиционер, а также иные предметы, способные вызывать физическое ощущение холода (мята). – *Первый признак необходимости его замены – печка перестает греть, а*

кондиционер холодит (Хресин). Ветер свистел в ушах и холодил лицо, когда она съезжала вниз, слегка согнув ноги в коленях и зажав палки под мышками, острыми концами назад (Тренина. Никогда не говори «навсегда»). Типичный объект воздействия – человек (его части тела). – *Сырость от земли начинала холодить бок (Гайдар, Школа).*

Исследуемый глагол может употребляться в безличных предложениях. – *Было чуть-чуть морозно, – холодило щеки (Толстой, Сестры).* Когнитивное осмысление ситуации, выражаемой глаголом *холодит*, связано с неприятными тактильными ощущениями, которые возникают при воздействии холода на человека.

Холодит в метафорическом значении интерпретирует сферу «**Чувства и эмоции**», входя в метафорическую подмодель «переживание чувств – температурное ощущение». В ситуации, именуемой метафорическим ЛСВ, меняется характер субъекта, объекта и результата воздействия. Типичным субъектом является чувство негативного спектра (*страсть, испуг, грусть*), в качестве объекта осмысляется человек (или его органы: сердце, душа, кровь и т.п.). В результате воздействия происходят изменения в психическом состоянии человека: человек начинает испытывать интенсивные негативные чувства. Эти чувства причиняют ему дискомфорт, сходный с неприятным физическим ощущением от холода. – *Холодит мои члены то страсть, то испуг (Полонский. Диссонанс).*

Инхоативные глаголы *стыть* и *стынуть* в номинативном значении фиксируют такие термические изменения в объекте, при которых теряется тепло, объект становится холодным. Данные глаголы используются с двумя типами имен: 1) неодушевленные предметы. Предмет может обладать высокой температурой (кипяток, чай) и постепенно утрачивать это тепло. – *Чай стынет.* В процессе охлаждения меняются свойства предмета, например, он может густеть, переходить в твердое состояние; превращаться в лед, замерзать. – *Мерцает церковный огарок, капая стынувшим воском (Серафимович. Железный поток).* След [зверя] в мороз – *стынет.* Замерзает

он в большей или меньшей степени, скорее или медленнее в зависимости от свойства снега и силы мороза. (Зворыкин. Как определить свежесть следа).

Стыть, стынуть обозначают определенную степень проникновения холода в предмет. Под воздействием холода на поверхности водоемов появляется ледяная корка. – *Погода становится суровее: стынут болота; тонким льдом покрывается между кочками вода* (Аксаков. Записки ружейного охотника). Денотативная ситуация изменения свойства объекта становится основой для метафорического осмысления – ср. *кровь стынет*.

2) Второй тип имен, с которыми используется *стыть, стынуть* – человек, его части тела. Глаголы *стыть, стынуть* маркируют ситуацию, когда человек зябнет, мерзнет от холода. – *Мороз прихватывал щеки, стыли ноги, леденела отсыревшая одежда* (Задорнов. Амур-батюшка). *У крыльца стояли коляски, пофыркивали застоявшиеся кони, на козлах маячили остроконечными башлыками стывшие на холоде кучера* (Федоров. Витим золотой). Некомфортное физическое ощущение, которое человек испытывает, когда мерзнет, является когнитивным основанием для метафорического осмысления.

Инхоативные глаголы *стыть, стынуть* участвуют в метафорическом моделировании концептуальной сферы **«Чувства и эмоции»** (метафорическая подмодель «переживание чувств – температурное ощущение»). Если в исходной денотативной ситуации изучаемые глаголы фиксируют термическое изменение в предмете, при котором предмет теряет тепло, становится холодным, то в результирующей ситуации чувства теряют свою интенсивность. – *Мой дорогой друг и соотечественник! Пусть не стынет наша ненависть к врагу!* (Шолохов. Слово о Родине). Предмету, теряющему тепло, может уподобляться человек, утрачивающий пылкость чувств. – *Когда я стал дряхлеть и стынуть, Поэт, привыкший к сединам, Мне захотелось отодвинуть Конец, сужденный старикам* (Блок. Когда я стал дряхлеть...).

Стыть, стынуть характеризуют концептуальную сферу «Социальные явления», функционируя в рамках метафорической подмодели «тип социальных отношений – температурное ощущение». Явления социальной сферы (дружба), теряющие свою интенсивность, обозначаются как *стынувшие*. – *Я решительно ни за кем не ухаживал Меня стали считать гордым, насмешником, и дружба барышень заметно стыла (Герцен. Былое и думы).*

Глаголы *леденить, леденеть, морозить, мерзнуть* обозначают понижение температуры до самой низкой степени.

Каузативный глагол *леденить* в исходном значении обозначает физическое воздействие на объект, при котором происходит значительное понижение температуры объекта. В исходной ситуации, выражаемой глаголом *леденить*, имеется субъект, объект, результат воздействия. Типичным субъектом является нечто холодное (снег) или проводник холодного (ветер). В качестве объекта могут выступать 2 типа реалий: 1) человек и его части тела. В этом случае *леденить* значит «пронизывать холодом, студить, холодить». – *Мы начали раскапывать снег своими рукавицами, он попадал за их обшлага и леденил пальцы (Морозов. Повести моей жизни). Резкий ветер задувал в кабину, пробивался сквозь собачий мех унгов, леденил ноги инструктора. (Полевой. Повесть о настоящем человеке).* Когнитивный образ физически неприятных ощущений рождает негативную оценку. 2) различные предметы, которые в результате воздействия замораживаются, превращаются в лед, то есть меняют свое физическое состояние («Превращать в лед; замораживать»). – *Канзыба [река] взбесилась. Гнала мутную коричневую воду, леденила стволы деревьев. (Орлов. Соленый арбуз).*

Для семантической организации глагола *леденить* важна связь с производящей основой *лед*. Неподвижность, присущая льду, метафорически

переосмысливается и воплощается в переносном значении, выражающем состояние оцепенения человека.

Каузативный глагол *леденить* в переносном значении участвует в моделировании явлений, входящих в концептуальные сферы «**Чувства и эмоции**», «**Ментальные явления**». Чувства негативного спектра (ужас, страх) или явления ментальной сферы (мысль, воспоминание) выступают в роли субъекта воздействия. В качестве объекта воздействия осмысливается человек (или его органы: кровь, сердце, душа, мозг). В результате воздействия, выражаемого глаголом *леденить*, меняется эмоциональное состояние человека, он начинает испытывать интенсивные чувства негативного спектра (страх, ужас). – *Ей ужас сердце леденит (Некрасов, Русские женщины). Одна мысль об этом леденила мозг Марьи Сергеевны своей чудовищностью. (Мамин-Сибиряк. Любовь). Страх уже пробрался на эскадру и леденил сердца моряков (Герман. Россия молодая).*

Инхоативный глагол *леденеть* обозначает изменения в объекте – значительное снижение температуры. Объект при этом превращается в лед, покрывается льдом (*вода леденеет*), становится холодным, как лед (*руки леденеют*). Когнитивный образ ситуации, когда человек замерзает, коченеет, то есть испытывает неприятные ощущения, становится источником метафорического осмысления *леденеть* как негативного процесса.

Леденеть в метафорическом значении обозначает «Цепенеть, замирать (от страха, ужаса)», характеризуя явления концептуальной сферы «**Чувства и эмоции**». В переносном значении субъектом является человек, в котором происходит изменение эмоционального состояния. Часто указывается причина изменений – чувства негативного спектра, такие как страх, ужас. – *Сначала леденел от страха – очень уж был оглушен ураганом взрывов, ливнем пуль и грохотом танков (Гладков. Боец Назар Суслов). Ледenea от ужаса, я закричал (Беляев. Старая крепость).*

Каузативный глагол *морозить* называет такое воздействие на объект, при котором происходит значительное снижение температуры объекта (как

уледенить). Однако обнаруживается разница в денотативной ситуации и в результате воздействия. Так, в результате воздействия холодом замороженный объект способен дольше храниться. *Морозить яблоки. – Готовые пельмени уносили на железных листах в кладовку — морозить* (Коптяева, Иван Иванович). В словарях русского языка метафорические значения глагола *морозить* не указаны, однако анализ данных НКРЯ позволяет утверждать, что *морозить* интерпретирует процессы, входящие в концептуальную сферу «**Социальные явления**». Метафора *морозить* обозначает «оставлять что-то неизменным». *Стройку заморозили*. В переносном значении меняется аксиологическая направленность: если в исходном значении объект перестает портиться, остается неизменным, и это оценивается положительно, то в переносном значении неизменное состояние объекта не осмысливается как положительное или оценивается негативно.

Единицы *студить, студиться, холодеть, мерзнуть, морозиться, зябнуть* находятся на **функциональной периферии метафорического поля**. В словарях русского языка не отмечены метафорические значения этих лексем, в основном корпусе НКРЯ использование указанных слов в метафорических значениях не выявлено. Коротко охарактеризуем исходные значения данных лексем.

Каузативный глагол *студить* семантически очень близок к *холодить*. *Студить* обозначает большую степень понижения температуры, чем *холодить* и обладает меньшими сочетаемостными возможностями. – *Старик налил в блюдце кипятку и начал студить его, надувая щеки* (Федин. *Необыкновенное лето*).

Глагол *студиться* обозначает инхоативный процесс, при котором неодушевленный объект остывает, охлаждается, в случае, если объект действия – человек – простывает, мерзнет. – *У других шабров формы с отваром студились на погребке* (Федин. *Необыкновенное лето*). *Что ты студишься, Таисьюшка? – усовещивала она ее. – Статочное ли дело тебе по морозу бегать!* (Мамин-Сибиряк. *Три конца*).

Инхоативный глагол **зябнуть** обозначает процесс, когда человек испытывает неприятные ощущения от холода. Холод воспринимается как источник физических страданий. – *Мы тоже начали зябнуть (Короленко. Мороз).* Следующий ЛСВ **зябнуть** используется в сельскохозяйственной сфере в значении «Повреждаться, пропадать от холода, вымерзать». *Просо очень теплолюбиво. Оно будет зябнуть при слишком раннем севе. (Сафонов. Земля в цвету).* Типичным субъектом действия являются зерновые культуры. Холод оказывает деструктивное воздействие на объект, поэтому действие, выражаемое глаголом **зябнуть**, наделяется негативной коннотацией.

Мерзнуть – инхоативный глагол, обозначающий неприятные физические ощущения от холода (*руки мерзнут*). Низкая температура может погубить объект. – *Птица мерзла на лету и падала на землю (Аксаков. Очерк зимнего дня).*

Инхоативный глагол **холодеть** выражает процесс снижения температуры. – *Надвигается на землю осень. ... С каждым днем вода холодеет больше и больше (Мельников-Печерский. На горах).* Если субъектом процесса является человек, то **холодеть** может обозначать физические процессы в человеческом организме, связанные с обморочным или предсмертным состоянием. – *Марко Данилыч уж холодел, и только легкий хрип в горле еще показывал, что последний остаток жизни сохранился еще в нем (Мельников-Печерский. На горах).* Но Шура не приходила в сознание. *Солдату даже показалось, что она начинает холодеть (Степанов. Порт-Артур).* **Холодеть** может называть процесс ощущения холода под влиянием сильного чувства. – *Я холодею от мысли, что он мог погибнуть страшной смертью (Гладков. Клятва).*

Каузативный глагол **студить** обозначает воздействие на предмет с целью сделать его холодным. – *Старик налил в блюдо кипятку и начал студить его, надувая щеки (Федин. Необыкновенное лето).*

Глагол **студиться** называет процесс остывания, охлаждения. – У других шабров формы с отваром студились на погребке (Федин, Необыкновенное лето). Субъектом действия может быть человек, тогда студить обозначает «мерзнуть, простужаться». – Что ты студишься, Таисьюшка? — усовещивала она ее. — Статочное ли дело тебе по морозу бегать! (Мамин-Сибиряк, Три конца).

Глагол **морозиться** обозначает «быть на морозе, подвергать себя действию мороза».– Прошел холодный и ветреный январь, когда на льду морозились: трескались и кровили руки и губы, чернели лица (Екимов, Возле стылой воды).

2.5.3. Система метафорического моделирования на основе лексем зоны дальней периферии

Как отмечалось ранее, в зону дальней периферии СП «Температура» включаются лексемы, в семантике которых семантические компоненты «признак температуры» и «изменение признака температуры» являются одними из дифференциальных, интегральными являются другие семантические компоненты. Лексемы, находящиеся в зоне дальней периферии(**варить, жарить, печь, топить, тушить**), включаются в семантическое поле «приготовление пищи».

Каузативный глагол **варить** обозначает процесс приготовления пищи в воде. *Варить кашу.*

В метафорическом значении **варить** используется для моделирования концептуальной сферы «**Ментальные явления**». Выражение *голова (или котелок) варит у кого (прост.)* обозначает, что голова хорошо работает у кого-либо, кто-либо сообразителен, умен. – *Голова у Лариона шибко варит* (Арамилев. В лесах Урала). В денотативной ситуации в результате варки

получается продукт питания, т.е. варение представляется эффективным способом приготовления пищи. Умный, сообразительный человек способен генерировать идеи, эффективно работать, таким образом, возникает ассоциативная связь с варкой. В метафоре *голова варит* субъектом действия является голова, которая концептуализируется в русской языковой картине мира как локус явлений ментальной деятельности.

Предикат **жарить** обозначает приготовление пищи под воздействием жара без воды. – *Жарить картошку на масле*. В переносном значении **жарить** употребляется в просторечии вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью. Компонентом метафорического переноса является семантика высокой степени интенсивности, с которой осуществляется действие. – *От безделья они с утра до вечера жарили в шашки (Мамин-Сибиряк. Хлеб). До 28-го стояли теплые, ясные дни, а сегодня жарит дождь (Чехов. Письмо Н.А. Лейкину, 29 марта 1888).*

Единицы **топить**, **печь**, **тушить** находятся на функциональной периферии метафорического подполя. В словарях русского языка не зафиксированы метафорические значения этих единиц.

Глагол **топить** в номинативном значении обозначает «кипятить, выдерживая в печи на легком жару (молоко, сливки)». *Топить масло*.

Глагол **тушить** обозначает «варить на медленном огне в закрытой посуде в собственном соку». *Тушить овощи*.

Глагол **печь** обозначает «Приготавливать пищу сухим нагреванием на жару», приготовление осуществляется без жиров и жидкости (или с минимальным количеством жира), обогревая со всех сторон, прогревая на огне, горячих углях или с помощью раскаленного воздуха в печи, духовке.

Итак, метафорическая активность единиц, входящих в зону дальней периферии СП «Температура», снижена. Связано это с тем, что в исходной семантике изучаемых лексем компонент «изменение признака температуры» осложнен другими семантическими компонентами.

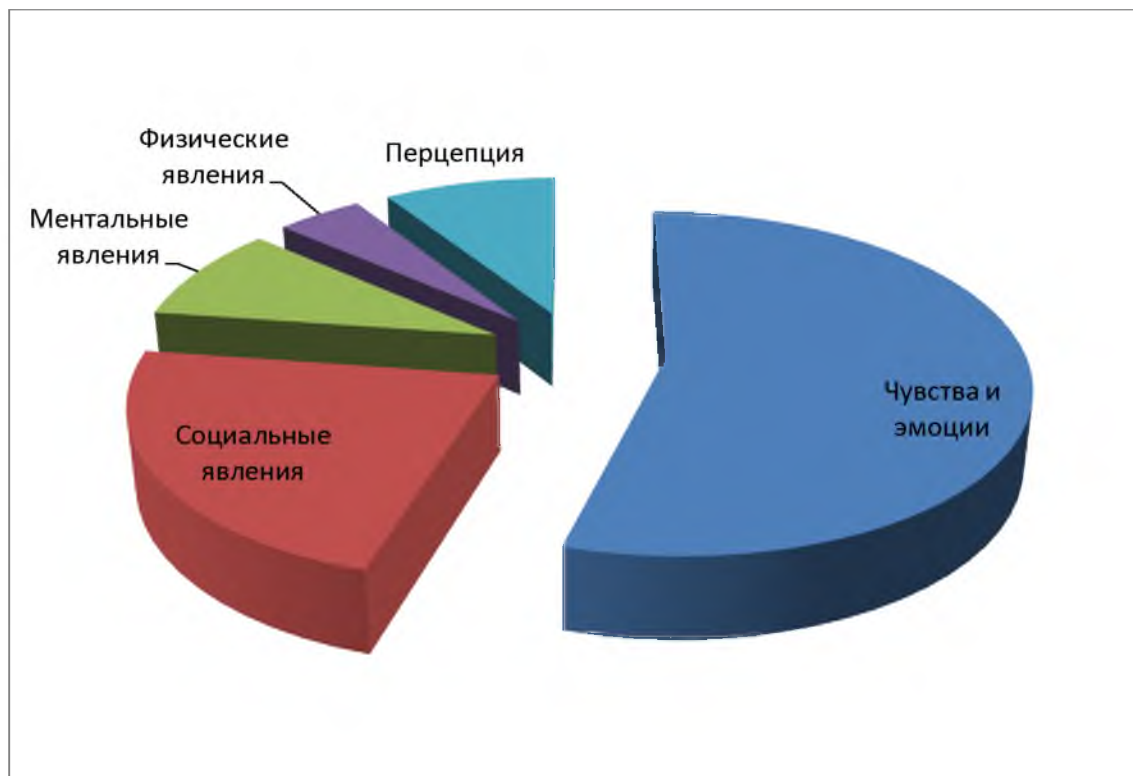
Анализ исходных и переносных значений лексем, входящих в СП «Температура», позволил выявить метафорическое подполе внутри СП «Температура». На **рис. 2** представлена схема метафорического подполя СП «Температура». Схема отражает сложную организацию подполя, внутри которого выделяется ядро, состоящее из лексем, участвующих в процессах метафорообразования, и периферия, состоящая из единиц, употребление которых в метафорическом значении не было обнаружено. Отсутствие фиксации переносных значений в словарях свидетельствует о слабой продуктивности этих единиц. В НКРЯ их присутствие не было обнаружено либо было представлено минимальным количеством контекстов

Рис. 2. Метафорическое подполе СП «Температура»

Итак, на основе анализа метафорических значений лексем СП «Температура» были определены концептуальные сферы, являющиеся объектом моделирования в русской языковой картине мира – **рис. 3**. Объем сегментов зависит от степени разработанности концептуальных сфер, от количества единиц, участвующих в их моделировании.

Рис.3.

Опыт переживания человеком температурного ощущения разной степени интенсивности является эмпирической основой для осмысления явлений высокой степени абстракции. Так, температурные метафоры в первую очередь участвуют в моделировании концептуальной сферы **«Чувства и эмоции»**. Эта концептуальная сфера обладает широкой разработанностью. В рамках данной сферы маркируются следующие смыслы: чувства и эмоции (*теплые чувства, горячая любовь, жаркая тоска, знойная страсть, жгучий стыд, палящая страсть, холодное равнодушие, ледяная ненависть, ледяная ненависть, недоверие, любовь греет, теплеет на сердце, палила душу жалость, ужас сердце леденит, леденеть от страха,*

страх холодит), трансляторы чувств и эмоций (*теплый взгляд, знойный ласки, жаркий поцелуй, раскаленные слезы, холодный взгляд, ледяной взгляд, морозный взгляд*), темперамент человека (*горячий человек, холодный темперамент*), речевые явления (*горячий разговор, теплые слова, жаркий спор*), периоды времени, связанные с чувственными впечатлениями (*теплое время, горячая пора*), пространства, где человек испытывает эмоциональный комфорт или дискомфорт (*теплое родительское гнездо*).

Следующая концептуальная сфера, находящаяся в зоне активного моделирования с помощью температурных метафор – **«Социальные явления»**. В русской ЯКМ актуализируются следующие смыслы: температурные метафоры маркируют типы социальных отношений (*холодные, прохладные, теплые отношения*), социальные события и процессы (*холодный прием, теплая встреча; стройку заморозили, жаркая работа*), в том числе военные события (*горячий бой, сражение*), актуальные, злободневные явления (*горячие новости, жгучий вопрос, раскаленная проблема*), экономические явления (*цена жжется*).

Моделирование концептуальной сферы **«Ментальные явления»** заметно снижено по отношению к моделированию сфер «Чувства и эмоции», «Социальная сфера». Это проявляется в сужении круга лексических единиц, участвующих в моделировании, а также в том, что явления мыслительной деятельности осмысляются в тесной связи с эмоциональной сферой (*теплые воспоминания, холодные размышления, холодная мысль, холодный рассудок, застыл в ледяном раздумье, мысли жгли ее, голова (или котелок) варит у кого*).

Сфера **«Перцепция»** в русской ЯКМ моделируется метафорами *холодный, прохладный, теплый, жаркий*, выражающими части цветового спектра. Кроме зрительного восприятия в сферу моделирования включается звуковое восприятие (*теплый голос*).

Концептуальная сфера **«Физические явления»** находится на периферии моделирования с помощью единиц с исходным образом

температуры и ее изменения. В русской ЯКМ на основе образа температуры моделируются болевые ощущения (*жгучая, палящая боль, печет*).

Выводы по главе 2

Лексика с семантикой температуры выстраивается в полевую структуру, в которой выделяется ядро (*горячий, теплый, прохладный, холодный, жаркий, знойный, жгучий, палящий, раскаленный, ледяной, студеный, морозный*), периферия (*греть – греться, теплеть, топить – топиться, жарить – жариться, калить – калиться, жечь – жечься, палить – палиться, печь – печься, кипятить – кипятиться, холодить – холодеть, студить – студиться, леденить, морозить, зябнуть, морозить – мерзнуть*) и дальняя периферия (*топить-топиться, жарить -жариться, печь, варить, тушить-тушиться*).

Не все лексемы СП «Температура» имеют метафорические проекции. Выделяется функциональное ядро метафорического подполя, состоящее из единиц, участвующих в метафоризации (*горячий, теплый, жаркий, знойный, жгучий, греть, теплеть, жарить, жечь, жечься, печь, варить, жарить, кипятиться, палить, холодный, прохладный, ледяной, холодить, стыть – стынуть, леденить, морозить палящий, раскаленный, студеный, морозный*), и функциональная периферия, которая состоит из единиц, метафорические употребления которых не были обнаружены (*греться, топить – топиться, жариться, палиться, печься, калить – калиться, кипятить, топить, печься, печь, тушить-тушиться, студить – студиться, холодеть, мерзнуть, морозиться, зябнуть*). Метафорическое подполе соотносится с семантическим полем и является его частью.

Значимыми компонентами семантики лексем семантического поля «Температура» и когнитивными основаниями для метафорического переноса являются: степень интенсивности признака; положительная/отрицательная коннотация; тип семантики (деструктивный / конструктивный); наличие метонимических переносов; связь с мотивирующей основой; структура

денотативной ситуации: субъект, объект, средство воздействия, тип действия (каузативное, инхоативное), результат действия.

Установлено, что структура исходного значения изучаемых лексем, а также направления метонимических переносов прямого номинативного значения единиц находят непосредственное соответствие в системе метафорических и метафоро-метонимических проекций, основанных на исходном образе температуры и ее изменения.

СП «Температура» имеет антонимический принцип организации поля: противопоставление горячей и холодной зоны влияет на направленность метафорического моделирования. Так, метафоры с семантикой высокой температуры преимущественно характеризуют положительные чувства (*горячая любовь, теплая симпатия*), метафоры с исходной семантикой низкой температуры интерпретируют отрицательные чувства (*холодная тоска, печаль*). Лексемы, выражающие крайне высокую температуру и крайне низкую, обозначают негативные чувства (*знойная ярость, ледяная грусть*).

Через образы тактильных температурных ощущений метафорическую интерпретацию получают концептуальные сферы «Чувства и эмоции», «Социальные явления», «Ментальные явления», «Физические явления», «Перцепция», описаны аспекты их характеристики.

Концептуальные сферы «Чувства и эмоции», «Социальные явления» обладают наибольшей разработанностью с помощью исследуемых метафор. Продуктивными метафорическими подмоделями являются: «переживание чувств – температурное ощущение», «транслятор чувств (взгляд, взор, слеза и т.д.) – транслятор температурного признака», «человек как носитель определенного психического типа – предмет-носитель температурного признака», «интенсивно протекающие военные явления – предметы-носители интенсивной температуры».

ГЛАВА 3. ДИСКУРСИВНОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ТЕМПЕРАТУРНЫХ МЕТАФОР В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Во второй главе на основе анализа исходных и метафорических значений исследуемой группы слов были выявлены и описаны основные метафорические модели, функционирующие в русской ЯКМ, выявлены концептуальные сферы, являющиеся объектом моделирования с помощью температурных метафор в русском языке, таким образом, был описан метафорический фрагмент русской языковой картины мира.

Как известно, ЯКМ, выраженная средствами литературного языка, является лишь составной частью этноязыковой картины мира, соответствующей элитарной культуре. Этноязыковая картина мира представлена и в иных функционально обусловленных вариантах, что приводит нас к мысли о выделении дискурсивных сфер репрезентации картины мира.

Цель данной главы – проследить соответствие семантико-интерпретационного потенциала температурных метафор когнитивно-коммуникативным потребностям поэтического, публицистического, научного и бытового дискурсов. Основываясь на данных качественного (семантического) и количественного анализа метафор, мы выделили концептуальные сферы дискурсов, в репрезентации которых принимают участие температурные метафоры, охарактеризовали аспекты смыслового потенциала метафор, актуализируемые в исследуемых дискурсах.

Анализ функциональной и семантической вариативности реализации моделирующего потенциала температурных метафорических моделей проводится на материале единиц, входящих в ядро СП «Температура» (*горячий, теплый, прохладный, холодный, жаркий, знойный, жгучий, палящий, раскаленный, ледяной, студеный, морозный*), из периферийной

зоны изучаемого СП для анализа дискурсивной вариативности избраны два репрезентативных глагола – *греть*, *студить*.

Как отмечалось выше, решение проблемы варьирования моделирующего потенциала температурных метафор осуществляется на материале 4 разных дискурсивных практиках: поэтической, публицистической, бытовой и научной. Поэтический дискурс в диссертационной работе представлен поэтическими текстами разных жанров. Остальные дискурсы представлены не во всем разнообразии их воплощения, но в ядерных жанрах. Специфика реализации моделирующего потенциала температурных метафор в публицистическом дискурсе рассматривается на материале публицистических статей. Научный дискурс в нашем исследовании представлен материалами диссертационных исследований и монографий. Бытовой дискурс репрезентативно представлен жанром бытового разговора.

Установлено, что моделирующие способности температурных метафор в наибольшей мере соответствуют установкам поэтического и публицистического дискурса (табл. 1). В бытовом и научном дискурсе происходит резкое снижение использования температурных метафор. В данном случае представляется важным учитывать и сравнивать не общее количество метафор, представленное в материалах исследуемых жанров, так как объем текстов, представленных в соответствующих подкорпусах различен, но процентное соотношение метафорических словоупотреблений к общему количеству лексем проанализированных материалов. В таблице 1 представлены данные о количественном соотношении исследуемых температурных метафор и общего количества слов текстов поэтического дискурса, публицистических статей, бытового разговора, научной монографии и диссертации, представленных в НКРЯ. Именно процентное соотношение свидетельствует о кратном уменьшении активности использования температурных метафор в научном и бытовом дискурсах по отношению к публицистическому и художественному.

Табл. 1.

Дискурс/жанр		Общий объем (количество слов)	Количество словоупотреблений температурных метафор <i>горячий, теплый, прохладный, холодный, жаркий, знойный, жгучий, палящий, раскаленный, ледяной, студеный, морозный, греть, студить) и</i>	Отношение метафорических словоупотреблений к общему количеству лексем
Поэтический		9 600 000	1926	0,02%
Публицистический (статья)		27 365 601	2675	0,01%
Бытовой (разговор)		1 038 086	39	0,004%
Научный	монография	1 142 710	22	0,002%
	диссертация	177 939	2	0,001%

Обратимся к анализу варьирования семантического и когнитивного потенциала лексем с семантикой температурных ощущений и изменений в зависимости от целеполагания разных дискурсов.

3.1. Температурные метафоры в поэтическом дискурсе

Метафора органически связана с поэтическим видением мира. Тематическая направленность поэтического дискурса на отражение и интерпретацию мира чувств и переживаний человека соответствует способности температурных метафор интерпретировать мир психических ощущений человека.

Общий объем корпуса поэтических текстов в НКРЯ – 9,6 млн. словоупотреблений, из них 1926 (0,02%) единиц являются температурными метафорами (*горячий, теплый, прохладный, холодный, жаркий, знойный,*

жгучий, палящий, раскаленный, ледяной, студеной, морозный, греть, студить).

Анализ дискурсивных реализаций температурных метафор в составе текстов поэтического дискурса позволяет вскрыть специфику языкового моделирования посредством температурных метафор и выявить сущностные смысловые доминанты, формирующие дискурс. Температурные метафоры проявляют различную продуктивность в моделировании разных концептуальных сфер. Так, исследование температурных метафор, проведенное на материале поэтических текстов, выявило, что сфера их наибольшей продуктивности – концептуальная сфера «Чувства и эмоции» (на моделирование данной сферы приходится 78% (1502 контекста) употреблений температурных метафор в текстах поэтического дискурса).

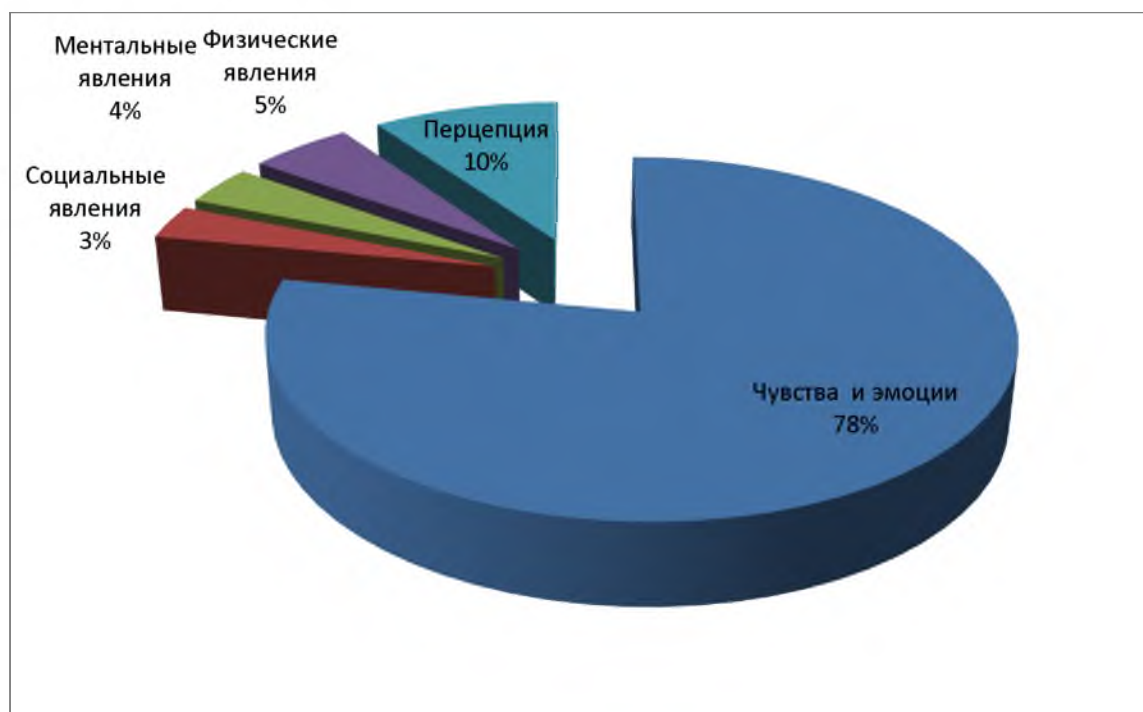

Рис. 4. Концептуальные сферы метафорического моделирования в поэтическом дискурсе

В центре метафорического моделирования в текстах поэтического дискурса находится модель «переживание чувств – тактильное ощущение

температуры». В область метафорического осмысления вовлекается широкий диапазон чувств: *любовь, страсть, радость, восторг, жалость, печаль, ненависть, злоба, ярость, гнев, тоска, сплин, страх, горечь, тревога, страх, скорбь, страдание, мука, покой, жажда чего-то* и т.д. Несмотря на многообразие характеризуемых посредством температурных метафор чувств, в изученных текстах поэтического дискурса безусловно преобладает характеристика любовных чувств, переживаний (49% от общего количества метафор, характеризующих чувства, интерпретируют именно чувство любви) с помощью метафор с исходной семантикой высокой температуры. – *Но долго слово отвержения/ Волнует пламенную кровь, / Но страшно слушать смех презрения / В ответ на знойную любовь* (Губер. «Душе»).– *Жаркое чувство любви ненадолго в душе остается: /Только что вспыхнет оно и угаснет сейчас же* (Дуров. «Жаркое чувство любви ненадолго в душе остается...»). В поэтических текстах наблюдается тенденция к метафорической интерпретации чувства *страсти* (9% от общего количества метафор, характеризующих чувства, интерпретируют *страсть*), положительных, «теплых» чувств (9%). Интенсивные чувства негативного спектра (*гнев, злоба, ярость, ненависть*) реже подвергаются метафорическому осмыслению (всего 3% от общего количества метафор, характеризующих чувства). – *И Яшка от нашего шумного мира, / с холодной яростью сжав желваки, / под низкие своды районного тира/ нес сердце свое и свои пятаки* (Смеляков. «Держался средь нас обособленно Яшка... »).

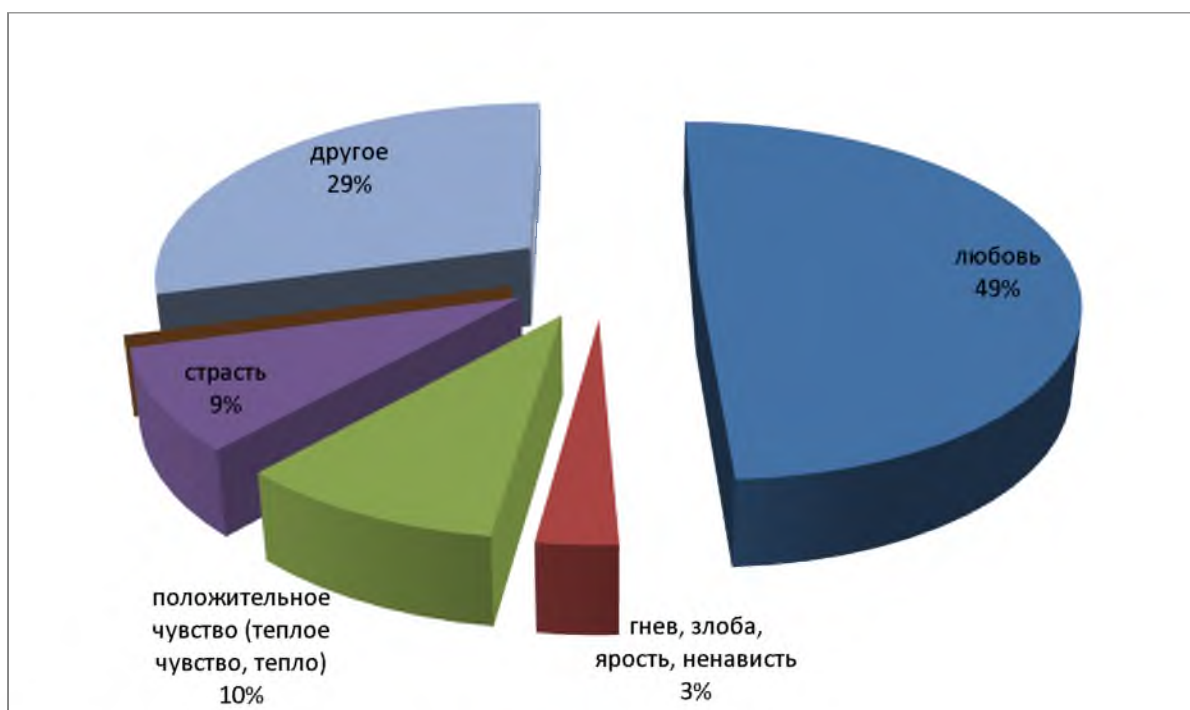

Рис. 5. Чувства, моделируемые в поэтическом дискурсе

Проявляет свою семантическую специфику в рамках рассматриваемого дискурса метафора *греть*: если в русском языке (по данным словарей) *греть* используется для выражения негативных чувств, то в исследуемых поэтических текстах *греть* обозначает такое воздействие на объект (человека), при котором происходит изменение психического состояния только в лучшую сторону, в результате воздействия человек ощущает воодушевление, ободрение. – *Теплая радость сердце их греет, /Тихо плывут они в утра лучах...* (Коневской. Радоница).

Таким образом, в исследуемых поэтических текстах отмечается «запрос» на образную интерпретацию чувств любви, страсти, положительных чувств. Образное осмысление чувств негативного спектра с помощью температурных метафор в исследуемом дискурсе снижено.

Чувства человека транслируются через различные действия. С помощью взгляда, улыбки, тактильного контакта (ласка, объятие, поцелуй и т.д.) человек способен выражать свои чувства и эмоции. Как показал анализ количественный анализ употреблений температурных метафор в текстах поэтического дискурса, подмодель «транслятор чувств (ласка, взгляд и т.д.) –

температурное ощущение» является продуктивной метафорической моделью. 36% от общего количества температурных метафор в поэтическом дискурсе интерпретируют действия-трансляторы человеческих чувств (взгляд, объятие и т.д.). – *Озерная блеснула синева, /И мельница взметнула рукава, /И, отвернув куда-то взгляд горячий, /Он говорит про бедную вдову... (Цветаева. «Наездницы, развалины, псалмы...»). Поцелуй меня так знойно, / Как вчера ты целовал» (Сологуб, «Милый мой ушел на ловлю...»). И принимает, лепеча, / В прохладные объятия —/ Живые розы у плеча/ И розаны на платье (Цветаева. «В огромном липовом саду...». Не в соучастницы греха, / Не на кровавое свиданье/ Мольбой смиренного стиха/ Зовет тебя мое желанье: / Я чист — и, чистая, ко мне/ Простри прохладные объятия/ И нарисуй в волшебном сне, / Где други сердца, мысли братья! (Шевырев. Ночь : «Немая ночь! прими меня...»).*

Метафорическая характеристика речевых явлений с опорой на исходный образ температурного признака является продуктивной подмоделью в поэтическом дискурсе (11% от числа температурных метафор в поэтическом дискурсе). – *Я помню – нежными горячими словами / Баюкал ты меня (Крандиевская. Слова).* При характеристике речевых явлений посредством температурных метафор в изучаемом дискурсе одинаково востребовано выражение положительных чувств через слово (*тепло ответил, теплые слова*) и негативных, напряженно протекающих речевых процессов (*горячие слова, жаркий спор, ледяное слово* и т.д.).

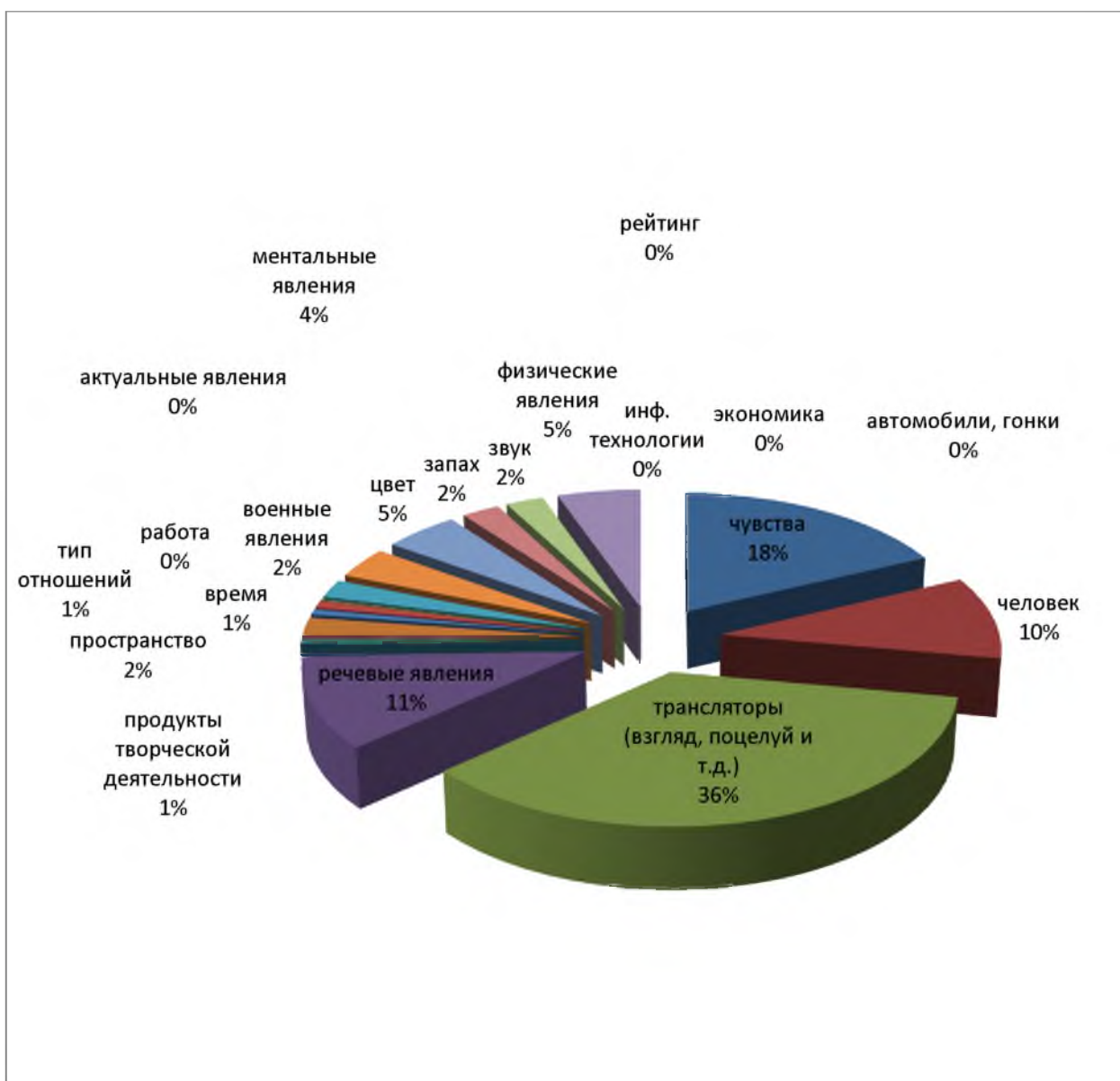

Рис. 6. Смыслы, актуализирующиеся в исследуемых текстах поэтического дискурса с помощью температурных метафор

Высокой степенью контекстной метафоричности в рамках концептуальной сферы «Чувства и эмоций» характеризуется человек как средоточие эмоциональной жизни (10%). Более востребованными (6% из 10%) являются метафоры с исходной семантикой высокой температуры, которые обозначают страстную натуру. – *Ты, мерящий меня по дням, /Сомною, жаркой и бездомной, /По распаленным площадям —/Шатался — под луной огромной?* (Цветаева. «Ты, мерящий меня по дням...»). Специфической

особенностью осмысления человека в рамках поэтических текстов является то, что температурные метафоры характеризуют именно темперамент человека, а не его увлеченность каким-то делом (как это часто бывает в публицистическом дискурсе – ср.: *горячий охотник, горячий поклонник*). Человек, определяемый как *горячий, знойный, жаркий*, обычно молод. – *Мой молодой горячий друг, / Река размыла грунт, / В стране, на восемь миль вокруг, / Идет голодный бунт* (Кедрин. Разговор).

Метафоры *прохладный, холодный* интерпретируют равнодушного, бесстрастного человека (4%) – при этом бесстрастность может быть как онтологическим качеством (темпераментом), так и качеством ситуативным. – *Стремительный бог, / ты лучше жены, / мы в твой поток / погружены, / тобою хлещемся, / хлещемся, / ты нас вокруг, / прохладный Друг*. (Николев (Егунов). «Сердце нонче отоцало...») Холодный обозначает равнодушное состояние человека. – *Передовые критики / Поругивали Чехова: / Он холоден к политике / И пишет вяло, нехотя, / Он отстает от века / И говорит, как маловвер, ...* (Эренбург. В самолете).

Специфической особенностью миромоделирования в поэтическом дискурсе с опорой на семантический потенциал температурных метафор является характеристика внешности человека. Так, метафоры с семантикой высокой температуры могут интерпретировать тип внешности – загорелую кожу, темные волосы, карие глаза. Данный тип метафорического переноса оказывается невостребованным в других типах дискурса. – *Чтоб кроткий взгляд / Сиял, как свет луны спокойной: / Пред смертью был плохой бы лад / С брюнеткою, как солнце знойной*. (Михайлов. Остывший). Номинативное значение лексемы *знойный* – «очень жаркий, пышущий зноем» – в текстах данного дискурса получает свое развитие в метонимическом переносе: жар, солнечный зной → последствия от солнечного воздействия, загар. – *В блеске солнца золотого / Над волнами ярового, / Мысли ясны и спокойны, / Не сердца, но лица знойны* (Случевский. «Черноземная полоса». II. «Утихают, обмирают...»). *Ладия и телега / Беспромышленных стран, / Он идет до*

*ночлега, / Вслед за ним караван/ Иль, бурнусом обвитый, / На верблюде
верхом/ Бедуин сановитый, / Знойно-смуглым лицом (Вяземский.
«Палестина»).*

В исследуемых поэтических текстах выявлены единичные случаи маркирования эротической страстности в человеке (*жаркая любовница*) и национальной принадлежности (*англичанка ледяная*). – *Ака дяка романее/ Сладко нездоровится: / Как чума, во мне/ Жаркая любовница (Сельвинский. Цыганская: «Поле, ветер да воза...»).* Эта бездна, милый мой, /с Сердце мраморной мисс Мери, / Англичанки ледяной! (Майков. «Князь NN и граф Дум-ен... »).

Моделирование пространства (2% от общего количества метафорических контекстов в поэтическом дискурсе) в анализируемом дискурсе, по данным НКРЯ, осуществляется метафорами *теплый* и *холодный*. Прилагательное *теплый* характеризует пространство, эмоционально комфортное для человека – *теплое гнездо, теплый дом (= родительский дом). Холодный* характеризует пространство, в котором человеку некомфортно. *Холодный мир, холодные углы, холодный кабинет, холодный простор, холодное здание. – И швырнут нас грубою рукою/ В разные холодные углы, / Где и стены капают тоскою, / Где за сердце схватят когти мглы (Баркова. «Там ни книг, ни жизненного шума...»).*

Реже в рассматриваемых текстах с помощью температурных метафор интерпретируются периоды времени (1%), наполненные чувственными переживаниями: *греют дни, теплые дни дружбы, горячая пора, вечность холодна, морозная вечность, греют дни. – Следя кругом вседневные кончины, / Страшусь терять бегущий мимо час: / Отживший мир в безмолвии погас, / А будущий не вызван из пучины, / – Меж двух ночей мы царствуем одни, / Мы, в полосе движения и света, / Всесильные, пока нас греют дни, ... / Пока для нас не грянул час запрета... (Андреевский. Пигмей). Не хочу морозной я / Вечности, / А хочу бесслезной я/ Младости, / С огненным желанием, / Полной упованием/ Радости (Фет. «Не хочу морозной я... »).*

Характеристика продуктов творческой деятельности человека, художественных произведений, артефактов в исследуемых текстах поэтического дискурса обладает низкой продуктивностью (1%). Для выражения экспрессивной природы художественного произведения используется метафоро-метонимическое переносное значение слов *знойный* (*знойная музыка, знойный танец, знойное стихотворение и т.д.*), *ледяной* (*ледяная комедия*), *холодный* (*холодные полотна*). – При этом слове я в Варшаве, / И сон минувший снится въяве: / При блеске свеч передо мной/ Взвились, зажглись чета с четой, / Цепь вьется и мазурки знойной/ Кипит и гаснет вихорь стройный/ Под гул отрывистых смычков (Вяземский, «Станция»). Я прошу: на холодных полотнах/ Вялой кистью меня не пиши, / Неспособный меня осязать! (Мартынов. Солнце и художник).

По отношению к русской ЯКМ, в исследуемых текстах поэтического дискурса широко разработана концептуальная сфера «Перцепция» (10% от общего количества метафорических контекстов). Контраст холодного и горячего симметрично фиксирует крайние степени проявления осязательных ощущений при высоких и низких температурах. Так, для определения голоса крайней точкой приятного звука будет *теплый голос*, а неприятного – *холодный, ледяной*. Для русской ЯКМ характерно использование температурных метафор в качестве основы для характеристики зрительного восприятия – *теплый цвет/холодный цвет*. В исследуемых поэтических текстах температурные прилагательные активно образуют синестетические метафоры: лексика с исходной семантикой осязания (в т. ч. температурные прилагательные) в поэтическом дискурсе становится основой характеристики явлений зрительного (5%), слухового (2,5%) и обонятельного (2,5%) восприятий.

Актуальной для текстов поэтического дискурса является способность метафор с исходной семантикой высокой температуры обозначать цветовой спектр (зрительное восприятие). Метафоры *теплый, жаркий* обозначают красно-коричневый тон цветового спектра. – Оно покрыло жаркой

*охрою/Соседний лес, дома поселка, /Мою постель, подушку мокрую/И край
стены за книжной полкой (Пастернак. Август). Метафоры холодный,
прохладный фиксируют сине-голубой цветовой спектр. Часто этими
признаками наделяется лунный свет, который не только обладает
соответствующим цветом, но и не имеет свойства источать тепло. - Кто же
тронул занавеску, / Кто прижился у стены, / Озарен холодным блеском/
Наблюдательной луны? (Шаламов. Фортинбрас). Холодный ровный свет
луны, /снега сияют исступленно, /и со стеклянной вышины/врагу отчетливо
видны/внизу идущие колонны (Берггольц. Ленинградская поэма).*

В словарях, фиксирующих узусные значения, не отмечено использование температурных метафор для характеристики обонятельного восприятия, однако в поэтической картине мира данная группа метафор насчитывает значительное количество (2%): *теплый запах, теплый аромат, горячий запах, холодный запах. – Как цвет магнолий, – теплый запах кожи/ Полутемно (Вечорка. «Ночь глухая. Ливень за окошком... »).* – *Все вещи, все предметы, все движенья, / Которые я вижу здесь, на фронте, / Мне заменяют тонкий нестерпимый/ Холодный запах необжитых комнат, / Где страсть, и смерть, и горечь, и любовь/ Сошлись поспешно в бытовом единстве (Луговской. Поэма о вещах).* 2% от всех употреблений исследуемых метафор описывают слуховое восприятие: *жаркий голос, теплый голос, холодный голос, холодный свист, холодная тишина, холодная немота, ледяное молчание, студеная тишина и т.д. – Я слышал целый день / холодный тонкий свист (Луговской. Кленовый лист).* Метафоры с исходной семантикой высокой температуры при этом транслируют человеческие чувства, связанные с любовью, страстью, эмоциональным комфортом. Метафоры с исходной семантикой низкой температуры, напротив, обозначают безразличие или выражают негативные чувства. Часто метафоры *холодный, ледяной, студеной* характеризуют отсутствие звука, тишину. Состояние тишины в поэтической картине мира воспринимается как отклонение от нормы, оно вызывает негативную оценку у человека. –

Ружейный салют был печален и важен / В холодной, в суровой, в пустой тишине (Эренбург. «Был лютый мороз. Молодые солдаты...»). Едва начну — и сразу на уста/ в замену слов любви, тоски, проклятий/ холодная ложится немота (Берггольц. «Мне не поведать о моей утрате...»).

На периферии метафорического осмысления (5% и менее) в рамках исследуемых текстов поэтического дискурса с помощью температурных метафор находятся следующие концептуальные сферы: «Физические явления» (5%), «Ментальные явления» (4%), «Социальные явления» (3%).

При характеристике концептуальной сферы «Физические явления» метафоры с семантикой высокой температуры *знойный, жгучий, горячий* характеризуют те явления, которые опасны для жизни человека, могут привести его к смерти (болезнь, недуг, рана) (метафорическая подмодель «явление физической сферы – температурное ощущение»).— *Мы с тобой неправы были оба; / Ты лежал убитый предо мной! / На тебе зияла рана знойно! (Случевский. «Загробные песни»). Снося горячие недуги,/Один, безмолвен и угрюм, /Я порчу сонные досуги/Тяжелой мрачностью дум; /Она прошла, пора золотая, /Когда был здоров и весел я, /И пела муза молодая /Победы. ...! (Языков. Н. Д. Киселеву).* В основе метафорических переносов лежит общность перцептивных ощущений: палящее, знойное солнце может вызывать у человека неприятное чувство жжения, сходное чувство жжения человек испытывает от раны, недуга.

В рамках концептуальной сферы «Физические явления» в исследуемых поэтических текстах метафорическому осмыслению подвергается заключительный этап человеческой жизни – смерть. Данный смысловой аспект в толковых словарях русского языка не отмечается. В изученных контекстах поэтического дискурса устанавливается связь смерти с *холодом, прохладой: смерть – сон прохладный, холодная могила, холодный гроб.*— *Все же в час как леденеет твердь/ Я мечтаю о тебе, о смерть, / О твоей прохладной благодати – / Как мечтает о своей кровати/ Человек, уставший от объятий (Цветаева. «Мне ль, которой ничего не надо...»).*—

Еще я жив, я не холодный прах (Чиннов. Из цикла «Больничная сюита»). – *Там в холодной, каменной могиле/ он нашел последнее жилье, – / ведь недаром волны колотили/ на камнях / солдатское белье* (Ушаков. Песня «Дюнкерк»). В традиционной культуре образ смерти связан с холодом. Однако в рамках изученных текстах поэтического дискурса наблюдается особенности моделирования идеи смерти: метафоры с исходной семантикой крайне высокой температуры обозначают связь со смертью. – *Хочу утиться смертью знойной, /Изведать сладости огня* (Брюсов, «Я - мотылек ночной. Послушно...»). – *Она в отчуждении и в силе, / Ее чужелюбая власть привела / К насильственной жаркой могиле* (Мандельштам. «Возможна ли женщине мертвой хвала?..»).

Концептуальная сфера «Ментальные явления» в языковой системе традиционно интерпретируется метафорами с семантикой низкой температуры (*холодный разум, холодный ум, холодная дума* и т.д.), которые подчеркивают отсутствие чувственного начала в мыслительных процессах, приоритет рациональности. Однако ментальные явления в поэтической картине мира осмысляются преимущественно с помощью метафор с исходной семантикой высокой температуры (4% от общего количества метафорических контекстов): *знойная дума, знойная мысль, горячая мысль* и т.д. Перенос из сферы низкой температуры в сферу ментальных явлений, по данным поэтического дискурса, малопродуктивен (выявлена только 1 метафорическая номинация – *холодное бесчувствие наук*, при этом *холодный* обозначает преобладание рационального начала над чувственным). Перечисленные метафоры выражают неразрывную связь ментальных явлений с чувственной составляющей. В контекстах может актуализироваться деструктивная семантика *знойный, горячий*, если ментальные явления мучают и одолевают человека. – *Не выдержал ты пыла мысли знойной, / Мучительно тебя снедавшей с юных пор* (Вяземский. «Байрон»). Зафиксирована только 1 метафора, которая демонстрирует положительное влияние мыслительной деятельности на эмоциональное

состояние человека. – *Кто сожалеет о прекрасных днях, / Мелькнувших быстро, тот печаль лелеет/ В дневных раздумьях и в ночных слезах; / Былое счастье мило и в мечтах, / И память поцелуев нежно греет* (Брюсов. *Oblata*).

В концептуальной сфере «Социальные явления» с помощью температурных метафор (*жаркий, знойный, горячий*) характеризуются «военные» события, конфликты, которые сопровождаются напряжением и мощным эмоциональным зарядом: *жаркая схватка, жаркий бой, жаркое сражение, знойная битва, горячая война. – Представь – что в пропасти бездонны/ Изрылись доли и поля, / Несутся к небу вопли, стоны, / И, зинув, алчная земля/ Глощает осужденны грады/ И смертным всем являет страх; / Что распадаются во прах/ Столпы всемирный громады/ И паки воскипит хаос, / Всеместность тяготы нестройной. / Се вид битвы Полтавской знойной! / Се вид, как поражает росс* (Ширинский-Шихматов. «Петр Великий. Песнь четвертая»).

Отмечены единичные контексты, в которых температурные метафоры маркируют другие социальные процессы, сопровождающиеся эмоциональным и физическим напряжением – *горячая работа. – Там древняя мерцала позолота, /И темный храм был светел, как Эдем; /Там шла давно горячая работа, /Незримая никем* (Соловьев. 4 сентября, 1913 г. *Возвращение в дом отчий*).

Также единично маркируются в изученных текстах поэтического дискурса социальные явления, находящие положительную коннотацию: *теплая встреча, дружба. – Но я клянусь — мы никогда/ правдивей и теплее встречи/ не знали в прежние года* (Берггольц. *Новогодний тост*).

3.2. Температурные метафоры в публицистическом дискурсе

Публицистический дискурс отличается своей обращенностью к актуальным, острым социально-политическим проблемам. Как отмечает Г.Я. Солганик, автор публицистического текста «обязательно касается социальных вопросов или рассматривает частные проблемы, но непременно с социальных позиций» [Солганик, 1981, с. 76]. Прагматическая природа указанного дискурса – направленность на достижение эффекта внушения, убеждения или побуждения – обуславливает широкое использование эстетических ресурсов языка, в том числе метафор с исходной семантикой температуры.

Общий объем корпуса публицистических статей в НКРЯ составляет 27 365 601 слово, из них 2675 (0,01%) единиц являются интересующими нас температурными метафорами.

Отличием моделирования с опорой на смысловой потенциал температурных метафор концептуальных сфер текстов публицистического дискурса по отношению к поэтическим текстам является то, что в фокусе моделирования находится не только концептуальная сфера «Чувства и эмоции» (71%) , но и сфера «Социальные явления» (24%), а также то, что температурные метафоры выступают одним из средств маркирования глубинной связи данных сфер. Отличительной особенностью моделирования изученных текстов публицистического дискурса считаем включение в сферу интерпретации таких подмоделей, как «рейтинг – горячий предмет» (0,5%), «явления, связанные с информационными технологиями – горячие предметы» (0,3%), «интенсивно протекающие спортивные явления – горячий предмет» (0,2%), «явления экономической сферы – горячий предмет» (0,08%).

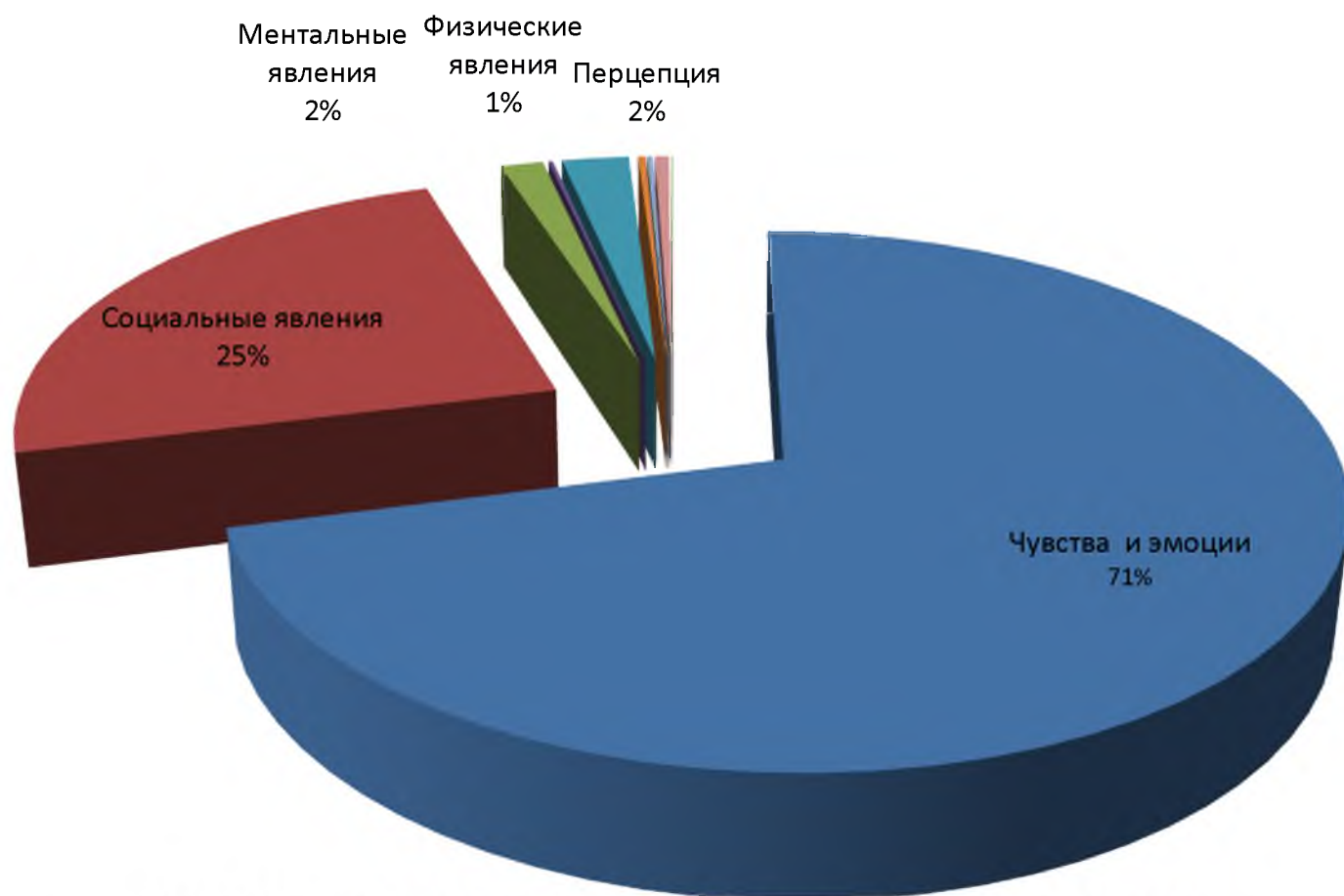

Рис. 7 . Концептуальные сферы метафорического моделирования в публицистическом дискурсе

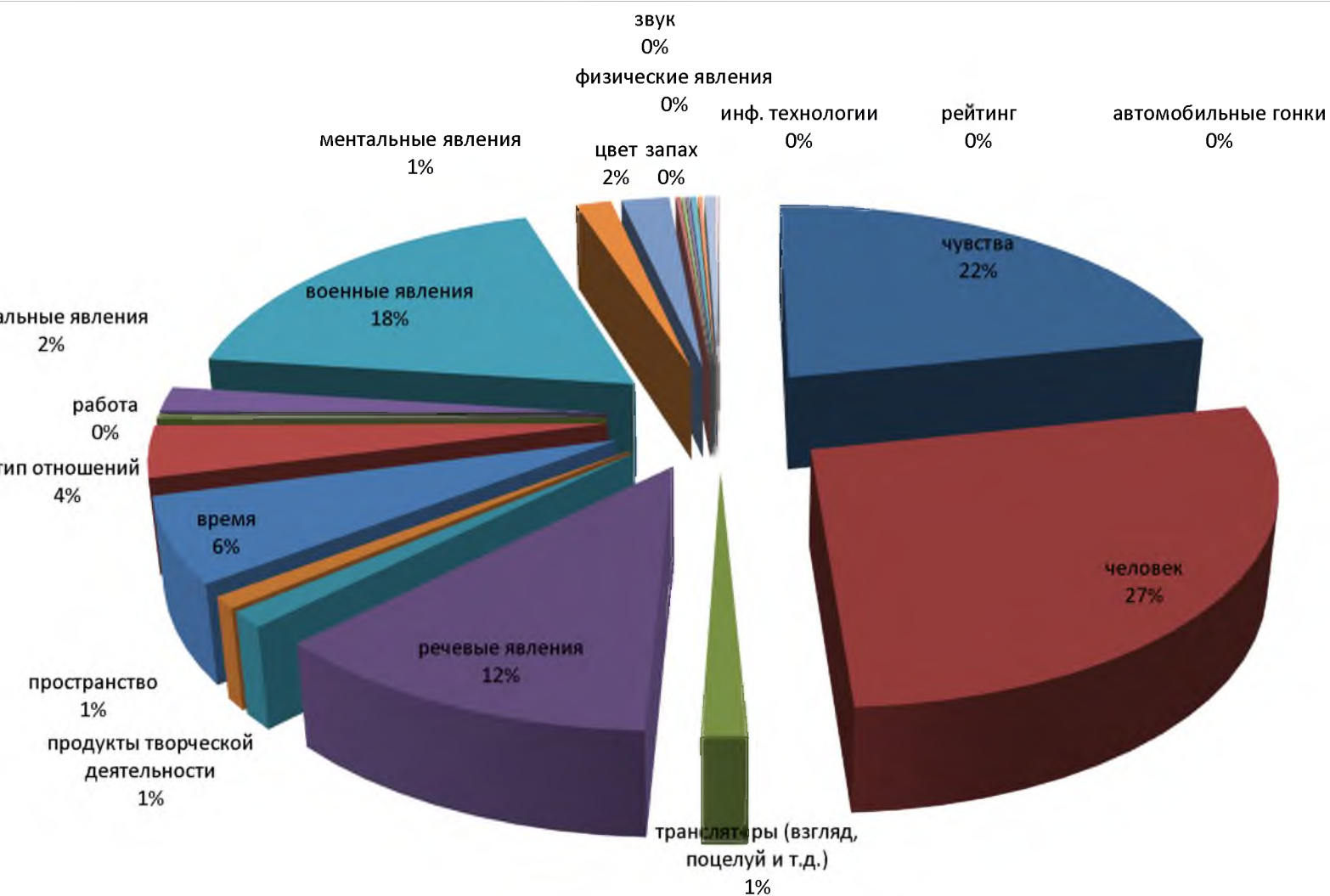

Рис. 8. Смыслы, актуализирующиеся в публицистическом дискурсе

Общность моделирования исследуемых текстов публицистического дискурса с поэтическими текстами заключается в активном включении в зону моделирования чувств и эмоций: в публицистическом дискурсе 22% от общего количества метафорических номинаций с исходным значением температуры приходится на образное осмысление чувств.

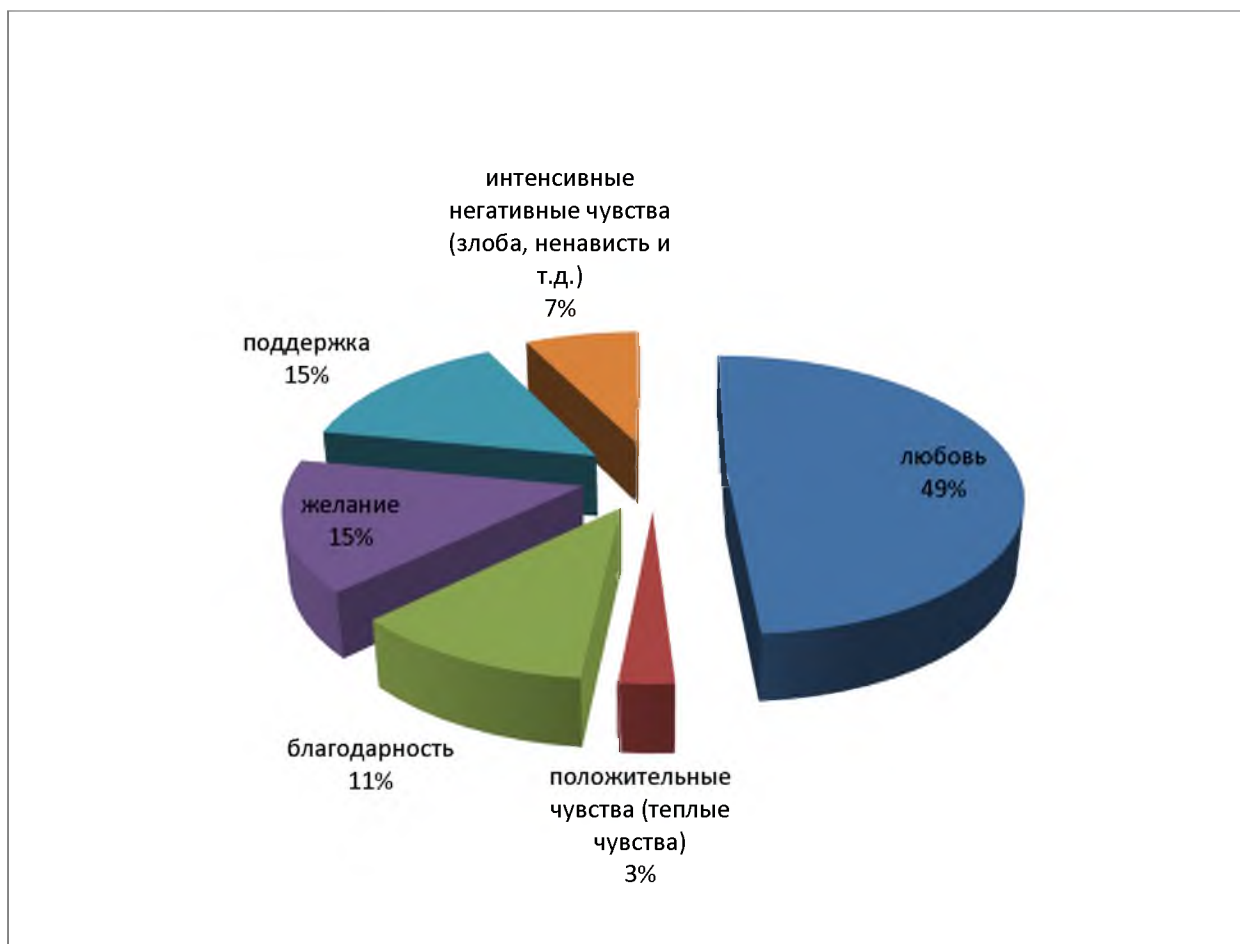

Рис. 9. Чувства, моделируемые в публицистическом дискурсе

Как и в поэтическом дискурсе, практически половина температурных метафор, описывающих чувства, маркируют чувство любви (49% от количества метафор, обозначающих чувства, 10,65% от общего количества температурных метафор в текстах публицистического дискурса). В поэтическом дискурсе в зону активного моделирования вовлекалось чувство страсти (9% от общего количества метафор, обозначающих чувства), в публицистическом дискурсе интерпретация данного чувства практически не востребована (0, 34% от общего количества метафор, характеризующих

чувства). В зону активного метафорического осмысления в публицистическом дискурсе попадают такие чувства, как *чувство поддержки* (15% от общего количества метафор, обозначающих чувства), *желание* (15% от общего количества метафор, обозначающих чувства), *благодарность* (11% от общего количества метафор, обозначающих чувства). – *Организаторы совещания выразили горячую благодарность за освещение подготовки и Хода Всероссийского совещания руководителям и сотрудникам информационного агентства Интерфакс, телеканалов «Столица» и «Культура» ... (Читающие дети не стреляют (2002) // «Витрина читающей России» 2002.06.28).* В сравнении с поэтическими текстами, в публицистических статьях чаще интерпретируются с помощью температурных метафор интенсивные негативные чувства (7% от общего количества метафор, обозначающих чувства), увеличивается качественное разнообразие негативных чувств, подвергающихся осмыслению с помощью температурных метафор (*гнев, ненависть, злоба, неприязнь, презрение, холодный, страх, жестокость, пренебрежение, холодная, ярость, отчаяние, надменность, презрение и т.д.*). – *Хорошо, это аполитичный Довлатов, но вот Иосиф Бродский с его холодной ненавистью к «самой несправедливой стране на свете» (Макаров. Ортодокс поневоле). Юрате и Чесловас исполняют одни и те же па, но передо мной целый каскад различнейших человеческих взаимоотношений: любовь и ненависть, острое взаимное любопытство и холодная неприязнь, молчаливый, сдерживаемый рамками приличия скандал и унылая скука (Аленов. Двое в танце // «Юность», 1969).* В качестве дискурсивной особенности употребления температурных метафор в исследуемых текстах публицистического дискурса отметим, что источником, причиной чувств, как правило, являются события и явления социальной сферы.

При характеристике человека в жанре публицистической статьи часто маркируется темперамент (3%). Температурные метафоры при этом отражают общеязыковые закономерности, но в то же время можно

обозначить специфику употребления метафор *горячий, холодный* по отношению к человеку. В 0,4% от всех употреблений температурных метафор в публицистическом дискурсе метафоры *горячий* и *холодный* интерпретируют тип поведения, темперамент, присущий определенным нациям (в поэтических текстах отмечалось единичное употребление метафоры такого типа). Традиционно темпераментными считаются представители южных народов и жители Ближнего Востока: *знойный кавказец, знойные киприоты, знойные лица восточной национальности, горячий грузин. – Серго был человек шумный, громкий, горячий – настоящий грузин* (Аллилуева. *Двадцать писем другу*).

Метафора *горячий* способна создавать иронический подтекст, трансформируя свое значение «вспыльчивый, легко возбуждающийся», т.е. имеющий быструю реакцию, на прямо противоположное – медлительный, безэмоциональный (например, *горячие финские парни, горячий эстонец*). – *После разгрома в Карелии горячие финские парни поняли, что самостоятельно пожить в этих местах у них кишка тонка* (Нерсесов. *Мечта имперского чухонца* (2003) // «Спецназ России», 2003.03.15).

Метафора *холодный* обозначает эмоциональную сдержанность как типическую черту представителей определенного этноса, национальности. *Холодными* признаются финны, скандинавы, европейцы, англичане, русские и люди, населяющие Северо-Восток США и Новую Англию. – *Впрочем, одно отличие обнаружилось почти сразу — не могут же быть совершенно одинаковыми людьми темпераментный бразилец и холодный финн.* (Кабановский. *Здоровый консерватизм* (2002) // «Формула», 2002.03.1). — *Один из героев вашей книги «Реквием по Востоку», вышедшей в 2000 году, пророчески говорит, что под американским сапогом скоро окажется весь мир, а Европу составляют уже не нации, а прислуга, которой позволено сохранить национальный фольклор, словно в борделе, где у каждой девицы своя роль: одна - томная испанка, другая – холодная скандинавка и т.д.*

(Хабаров. Смесь французского с красноярским (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.07).

В контекстах публицистических статей маркируется тип поведения определенной возрастной группы людей – молодежи (0,2%). – *Он тогда был молод, горяч и не слишком надежен (Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)).*

Особенностью метафорического осмысления человека в исследуемых текстах публицистического дискурса является то, что значимым признаком считается увлеченность человека каким-либо делом. Для обозначения этой увлеченности номинация людей осуществляется посредством предикативных производных имен: *жаркий охотник, защитник, поклонник* (и другие наименования лиц по характеризующему их действию) – 0,4% от всех употреблений температурных метафор в публицистическом дискурсе (в поэтических текстах такой тип метафор встречается единично).– *Его критические статьи читались с жадностью, с восторгом, его мнения находили себе жарких защитников и последователей, хотя большая часть читателей и не знала, кто именно высказывает в журнале эти мнения (Н. Добролюбов).*

Выражение чувств в исследуемом дискурсе осуществляется, прежде всего, через речевые явления, поэтому данный тип метафорического переноса распространен в публицистических статьях (12%). Преимущественно характеризуются «конфликтные» речевые явления, где происходит выяснение отношений, позиций и т.д.: *споры, дебаты, прения, баталии (=споры)* и т.д. – 7,7%. – *Какой жаркий спор происходил во время судейской коллегии по поводу присуждения призового места среди участников семейных стартов: Уже была названа чемпионом семья Черкашиных – Алексей, Анастасия, их дети Алексей и Катя (Козырев).* Выделяется группа метафор, фиксирующая *непроявление* положительных чувств в процессе общения, бесстрастность: *холодный ответ, холодно сказал, холодно оборвал кого-либо, холодно спросил, холодно излагал, холодный*

отзыв. 4,3% метафор описывают речевые явления, выражающие положительные чувства: *теплые приветы, теплые слова.*

Средней продуктивностью (6% от общего числа температурных метафор в публицистическом дискурсе) в публицистическом дискурсе обладает метафорическая подмодель «период времени – температурное ощущение». Метафоры *горячий, жаркий* интерпретируют периоды времени, когда происходит напряженная деятельность, требующая психических и физических усилий: *горячая пора/ месяц/ год /дни/ минуты/ фаза/ этап, сезон, время, уик-энд, жаркая пора, жаркий месяц, жаркое десятилетие, жаркая осень, жаркие дни и т.д. – Лето у отделочников – самая жаркая пора: подготовка объектов к сдаче заказчику (Антоненко, Стройка – это вечное совершенство, «Восточно-Сибирская правда»).* Как отмечает Д.А. Катунин, возможно, основанием для переноса явилось наблюдение закономерности, когда человеку при интенсивной, в первую очередь физической, деятельности становится очень тепло [Катунин, 2005, с. 159].

Метафора *холодный* в сочетании с наименованиями временных отрезков в текстах рассматриваемого дискурса обозначает критический, переломный, напряженный период. Поскольку публицистические статьи освещают социально-политическую жизнь, метафора *холодный* регулярно используется для характеристики «смутного» времени, когда происходят перемены во властных структурах, состояние мира под угрозой. – *Или кому-то нужно, чтобы холодное лето-2003 обернулось бериевской бедой? (Ю. Рыбаков. Холодная весна 2003-го (2003) // «Новая газета», 2003.01.30). Как в холодном сорок первом, здесь собралось что-то вроде народного ополчения. (З. Крылова. Что останется - след или дорога? // «Работница», 1989). Начало 90-х грозило повторить «холодное лето 53-го года». («Серые дьяволы» (2004) // «Солдат удачи», 2004.08.04).*

В исследуемых публицистических статьях наблюдается значительное снижение использования температурных метафор при характеристике «трансляторов» чувств (взгляд, улыбка, поцелуй и т.д.) – 1 %. В поэтических

текстах интерпретация трансляторов такого типа составляет значительное число метафорических переносов (36%).

Дискурсивные особенности проявляются и при характеристике температурными метафорами пространства (1%). Во-первых, в публицистической картине мира пространство осмысляется с помощью температурных метафор как неуютное и некомфортное (ср. *теплое гнездо*=родительский дом – в поэтическом дискурсе) – 0,8%: *Холодный урбанистический ландшафт, холодный неуютный музей, мир, холодная бездушная столица, город, государство, стены (тюрьмы, больницы, клиники), студеной мир. – В ней есть и маленький человек, беззащитный и беспомощный, и большой мир, холодный и удушающий*(Аминов. *Клуб любителей взяток* (2003) // «Совершенно секретно», 2003.09.01). «У такого типа, как Лиджо, – пишет итальянский журналист М. Незе, — есть веские причины, чтобы не унывать, даже когда его толкают к холодным стенам тюрьмы (Дыховичная. *Похищение людей -- новый бизнес мафии* // «Человек и закон», 1977). В последующих явлениях знания народу его инструментальная сфера исчезает, растворяясь в формах колючего, остро очерченного, кристаллически-студеного мира (Шевченко. *Зрячие вещи* // «Звезда», 2003). Анализ контекстов позволяет сделать вывод о том, что некомфортным, угрожающим для человека пространством может выступать весь мир, пространство города и пространство государственных учреждений (тюрьма, больница, клиника и т.д.). В исходной номинативной ситуации человеку некомфортно и опасно находиться в холодном пространстве, в результирующей ситуации пространство негативно воздействует на эмоциональное состояние человека.

Во-вторых, в исследуемых текстах публицистического дискурса маркируется пространство, где разворачиваются военные действия (*жаркий Афганистан, жаркая Фергана*) – 0, 07%. – *Витрина социализма – прохладная, флегматичная Прибалтика. Затем прокаленный, «жаркий» от стрельбы Афганистан* (Бармин. *Демократия хороша при выборе меню*

(2003)// «Спецназ России» 2003). Данный тип метафорического переноса не был отмечен ни в словарях, ни в текстах поэтического дискурса НКРЯ.

В-третьих, в публицистических статьях обнаружена единичная номинация пространства как метонимическое обозначение жителей, населения этого локуса. – *Потом отутюженная «парадка» с новенькими, еще необмятыми погонами, чемодан, – и потянулись железнодорожные пути, побежали шасси по взлетной полосе командировки к местам нового назначения. Витрина социализма – прохладная, флегматичная Прибалтика.* (Бармин. *Демократия хороша при выборе меню* (2003) // «Спецназ России»).

Широко разработана с помощью температурных метафор в публицистических текстах концептуальная сфера «Социальные явления» (24%). Самой продуктивной моделью в этой сфере является интерпретация военных действий и событий – 18% (ср.: в поэтическом дискурсе – 2% «военных метафор»): *горячий бой, горячая схватка, горячее сражение, столкновение; жаркая схватка, жаркая борьба, жаркий бой, жаркое сражение, холодное противостояние, холодная конфронтация и т.д.* – Он был убежденным сторонником такого тандема, но в силу обстоятельств занимал в напряженном, тогда еще «холодном» противостоянии Ельцина и Примакова, позицию буфера и трансформатора. (Евдокимов. *Человек из Копенгагена* (2003) // «Спецназ России», 2003.06.15). Все пятьдесят лет последовавшей за ней “холодной конфронтации” между двумя мирами отмечены “горячими” войнами во многих регионах “третьего мира”. (Медведко. *«От Эдема до Армагеддона»* // «Дружба народов», 1999).

Во-вторых, температурные метафоры интерпретируют типы социальных отношений – 4% (ср.: в поэтическом дискурсе – 1%). *Теплые отношения, теплая атмосфера, прохладное отношение, холодное отношение, оценивать прохладно и т.д.* – Теплые отношения с государством достигли своего пика в 1997-1998 годы и завершились в России принятием новой редакции Закона о свободе совести, в котором власти признали де-юре особую роль РПЦ (Митрохин. *Русская православная*

церковь – итоги десятилетия (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.11.11). – К примеру, в Литве на официальном уровне отношения между католической церковью и православной достаточно холодные, а на человеческом, на уровне паствы, – совершенно нормальные (Велехов. «Контакты с КГБ бывали во имя пользы церковной, а бывали -- во имя личной» (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.07). – Мы обратились в один из московских банков с просьбой о помощи, но там отнеслись достаточно холодно, — виновато улыбается Мухаметов (Арифджанов. Дельфины покидают столицу (1997) // «Столица», 1997.05.13).

Метафора *прохладный* в текстах публицистического дискурса часто обозначает равнодушное, безразличное отношение людей к социально-политическим процессам и явлениям. – Родители относятся к армии куда прохладнее самих призывников: более 46% матерей послали бы своих детей на службу с ожиданием самого плохого, еще 35,8% — с крайним нежеланием, 10,6% — без особого желания (Нарышкина. Стрелять или лечить (2003) // «Известия», 2003.01.14). Несмотря на прохладное отношение местных властей, идея укрупнения в регионе развивается. (Реут. Новая карта России // «Газета», 2003). В некоторых контекстах актуализируется оттенок значения «скептически, с недоверием», не зафиксированный в лексикографической практике.

Метафора *ледяной* в анализируемых текстах является средством интерпретации социальных фактов, событий сквозь призму эмоционально окрашенного отношения – *ледяной прием, ледяная атмосфера, ледяная вежливость, ледяная дружба России и Америки* и т.д. Эмоциональный фон соответствующих отношений создается как результат отсутствия положительных эмоций и чувств. Симптоматично, что *холодный* часто характеризует ситуации и явления, которые связаны с институциональным дискурсом, с официальной обстановкой. – Церковная жизнь Петербурга видится им официально-холодной. (Забытая публикация (2004) // «Журнал

Московской патриархии», 2004.09.27). (ср.: в поэтическом дискурсе маркирование институционального дискурса, официальной обстановки не востребовано).

Яркой особенностью моделирования концептуальной сферы «Социальные явления» в исследуемых публицистических статьях является активность метафорической подмодели «актуальные явления – температурные ощущения» – 2%. Так, языковая модель «горячий – актуальный» – «выражающий, отражающий то, что соответствует запросам, интересам текущего времени, является актуальным» проявляет свою продуктивность именно в публицистическом дискурсе, поскольку публицистика – авторская речь, предельно насыщенная именно злободневной, социально значимой информацией: *горячие новости, горячие темы, горячий вопрос, горячая проблема, горячая реформа, горячая информация, горячая тенденция, горячий репортаж, горячие области* (в значении «актуальные»), *горячий факт, горячий факс и т.д.* Интерпретация актуальных явлений в русском языке (по данным словаря) представлена только 1 метафорой – *горячие новости*, а в поэтическом дискурсе оказывается вообще невостребованной. Активного, интенсивного обсуждения удостоивается та информация, которая появилась недавно и быстро стала общедоступной. Основанием для метафорического переноса являются семы интенсивности и *неотдаленности* во времени. В метафорическом сочетании *горячий факс* подмодель «горячий – актуальный» трансформируется в «горячий – срочный», т.е. такой факс, который требует немедленной отправки. В сочетании *горячая зона смыкания интересов (горячая проблема)* – *горячий* имеет значение «напряженный, злободневный, актуальный». Антонимичной метафорой является *прохладный*. – *Раскрытие этого занавеса, вызванного сверхнизкой стоимостью активов, - главная зона смыкания интересов США и России, настолько горячая, что и ВТО, и даже терроризм на ее фоне выглядят прохладными* (Чернышев. Фермопилы.ru (2004) // «Эксперт», 2004.12.13).

В публицистический дискурс язык из воровского жаргона проникает следующее значение метафоры *греть* – «нелегально снабжать заключенного или группу заключенных продуктами питания, табаком, деньгами, спиртным, наркотиками» [Мокиенко, Никитина, 2001, с. 138–139], а *грев* – «материальная помощь, оказываемая находящимся в заключении» [Там же, с. 138–139]. Метафора *греть* не является маркером публицистического дискурса, она проникает в него через криминальный субдискурс (в данном случае путем цитирования). Однако сам факт такого проникновения закономерен для изучаемого дискурса: его обращенность к проблемам жизни общества способствует вхождению в этот дискурс языковых средств из маргинальных областей общения. Ученые отмечают тенденцию перемещения сниженных лексических элементов разговорной речи из периферийных сфер языка в центр системы (Г.Я. Солганик, А.П. Чудинов и др.). – *Писал Петрову письма, отправлял посылки – в общем, «грел»* (Светлова. Демоны Врубелей (2003) // «Совершенно секретно», 2003.04.03). *Как говорили старые «воры», уркана (уголовника. – Л.К.) маруха греет, воровайка. Я люблю, и любим, и долю свою в любви принимаю, как подарок Бога мне, грешному* (Кислинская. Уходящие «в натуре», (2003) // «Совершенно секретно», 2003.04.08). В данном случае мы наблюдаем расширение сфер концептуального моделирования на основе семантики температурных изменений – изменение состояния объекта воздействия. В основании метафорического переноса лежит общность положительной оценки результата воздействия. При метафоризации сохраняется структура исходной ситуации: имеется субъект (человек, находящийся на воле), объект (заключенный), в результате воздействия создаются комфортные, благоприятные условия для объекта. Отличие этого ЛСВ от других состоит в том, что комфорт для уголовника связан не с эмоциональной сферой, а исключительно с удовлетворением физиологических нужд, снабжением продуктами питания, табака, денег, спиртным и наркотиками.

В изученных публицистических текстах встречаются метафоры *горячая десятка* (*горячая восьмерка, горячая тройка* и т.д.), номинирующие лучших представителей своего класса, лидеров (0,5%) . – *Клипы не вылезают из «топов» и «горячих десятков»* (Крылов. *Тату: история* (2003) // «Спецназ России», 2003.06.15). Вероятно, основанием для метафорического переноса становится то, что *горячий* находится на *вершине* температурной шкалы и обладает большими сочетаемостными возможностями, чем *знойный, жаркий*.

Температурные метафоры в исследуемых публицистических статьях используются для характеристики информационных технологий (0,3%). В текстах встречаются метафоры *горячая клавиша* и *горячая замена/подключение*. Развитие метафорических значений *горячий* происходит в двух направлениях. Во-первых, *горячий* выступает в значении «быстрый». *Горячая клавиша* – клавиша, которая обеспечивает быстрый доступ. Во-вторых, в сочетаниях *горячая замена/подключение* (дисков, PCI-плат, SCSI-накопителей и т.д.) *горячий* обозначает такое подключение/замену, которое осуществляется без отключения системы питания компьютерного устройства. Возможно, основанием для метафорического переноса стало то, что в рабочем состоянии компьютер имеет свойство нагреваться. – *Привык сам назначать горячие клавиши для самых часто встречающихся операций* (Александр. *Рашан Федерашан текст эдитор* (1997) // «Столица», 1997.08.26). *Надежность системы Clariion AX100 повышается за счет горячей замены дисков* (Чернобровцев. *ЕМС: и диски, и ленты* (2004) // «Computerword», 2004.07.02).

Метафора *горячий*, развивая свое значение «быстрый», употребляется для номинации скоростных автомобилей (0, 2%). – *Каким бы «горячим» ни был Espace, это не спортивная машина.* (Шерстенников. *Французская буханка* (2002) // «Автопилот», 2002.11.15). Гонки, на которых демонстрируются скоростные возможности автомобилей, а также сами гонщики, именуются *горячими*.

В рамках концептуальной сферы «Социальные явления» маркируются экономические процессы и явления: *горячие деньги (0,08%)*. – *Вот мы и решили пойти на обмен: он позволял заблокировать значительную часть «горячих» денег. (Павлов. Мы пошли бы другим путем).*

Низкой метафорической продуктивностью характеризуются следующие концептуальные сферы: «Перцепция» (цвет, запах, звук) – 2, 3%, «Ментальные явления» – 1,5%, «Физические явления» – 1%.

Моделирование концептуальной сферы «Ментальные явления» в поэтическом и публицистическом дискурсах обладают существенными различиями. Если в изученных текстах поэтического дискурса температурные метафоры используются преимущественно для обозначения негативного влияния мыслительной деятельности на эмоциональную сферу человека (*жгучая мысль*), то в текстах публицистического дискурса с помощью температурных метафор выражается преобладание рационального начала над чувственным: *холодный расчет, холодный рассудок, холодный ум, холодная логика, холодная иерархия, холодный ум, холодные наблюдения ума, холодный анализ, холодное прагматичное желание, холодный разум, холодное размышление, холодная раздумчивость, холодные рассуждения, холодное теоретическое знание, холодное соображение и т.д.* – *Он настолько образован, что понимает отчасти их ничтожность, но понимает лишь теоретически, холодным соображением, без участия сердца (Добролюбов. Черты для характеристики русского простонародья).* – *Холодным женским умом. Гендерную проблему решат корпоративно (Голубева. Холодным женским умом. Гендерную проблему решат корпоративно (2002) // «Известия», 2002.11.21).*

0,22% метафор обозначают тесную связь ментальных явлений с чувствами положительного спектра – *теплые воспоминания.* – *На память о Масыне у нас сохранились теплые воспоминания, множество фотоснимков и небольшой видеофильм (Ромашова. Наш ласковый и нежный зверек // «Наука и жизнь», 2006).*

Продукт творческой деятельности, исполненный на высоком уровне мастерства, считается излишне рациональным и признается бездушным, холодным – 0,11%. – *Холодное мастерство Набокова, конечно же, отличимо от сбивчивого тона «Агеева» (Волчек. Загадочный господин Агеев // «Родник», 1989).*

Религиозные и философские учения, в которых преобладает рациональное начало, характеризуются с помощью лексемы *холодный* (*холодное христианство, деизм холоден и сух*). – *И как мог он сам, как могли другие поверить холодному, рассудочному христианству, как не узнали в нем великого, сокровенного язычника? (Мережковский. Пушкин).* Центральное значение здесь должно быть отдано духовной жизни, вне которой религиозное сознание может выродиться в бесплодную, холодную работuchистого интеллекта, а молитва, крестное знамение, посещение богослужения могут стать чисто внешними, формальными (*Зеньковский. О религиозном воспитании в семье*).

В изученных текстах публицистического дискурса отмечается сужение концептуального моделирования сферы «Физические явления» – 1%. В контекстных употреблениях актуализируется семантика смерти. – *Спасением от яростного Дракона Сологубу является Ночь «тихая и милая», когда «тайно пламенеет великий огонь расцветающей Плоти», и подруга Ночи — ласковая Смерть и радостный уют прохладной могилы (Волошин. Леонид Андреев и Феодор Сологуб).* Метафоризация явлений, связанных с телесными страданиями (недуги, раны и т.д.) в исследуемых текстах публицистического дискурса не обнаружена.

Дискурсивное своеобразие в концептуальной сфере «Перцепция» (2,3%) не выявлено. Температурные метафоры маркируют визуальный, звуковой и обонятельный опыт. – *Перед читателем проходит каталог сенсорных впечатлений: замолкающий перед объявлением тревоги метроном, золотистый теплый цвет принесенного в подарок рыбьего жира,*

опухшие, покрытые голодной «шерстью» лица дистрофиков (Барскова. Черный свет: проблема темноты в блокадном Ленинграде // «Неприкосновенный запас», 2010). – И один аромат — Royal English Leather, древесный, пряный, горячий — снискал особое расположение короля Англии Георга III, а другой, чье название, к сожалению, не сохранилось, очень понравился супруге Наполеона Жозефине (Зубцова. Их величества парфюмеры (2002) // «Домовой», 2002.05.04).

3.3. Температурные метафоры в бытовом дискурсе

Дискурсивная картина мира бытового дискурса направлена на отражение ситуаций обыденного существования человека. В меньшей степени природа концептуальной метафоры соответствует установкам бытового дискурса.

Общий объем подкорпуса жанра бытового разговора в НКРЯ составляет 1 038 086 слов, температурных метафор из них – 39 единиц (0,004%). Принципиальное отличие бытового дискурса от поэтического и публицистического – резкое снижение метафорической активности, которое проявляется количественно и качественно. Объектами метафорического моделирования в корпусе бытового разговора становятся 2 концептуальные сферы: «Чувства и эмоции», «Социальные явления».

Рис. 9. Концептуальные сферы метафорического моделирования в бытовом дискурсе

Рис. 10. Смыслы, актуализирующиеся в бытовом дискурсе

В рамках концептуальной сферы «Чувства и эмоции» наиболее продуктивная подмодель – «человек как носитель чувств – температурное ощущение». Так, 51% от общего количества метафорических контекстов жанра бытового разговора номинируют темперамент человека. – *У ты родственники горячие. Хи. (Разговор девушек в поисках дороги // Из коллекции НКРЯ, 2008).* Регулярно в контекстах метафорически

характеризуется возрастная группа (молодые люди – девчонка, парень) и национальная принадлежность людей. – *И вообще я за сексуальную революцию! Горячие девчонки форева! (Разговор друзей). Разные горячие парни собираются / вот она и хочет с ними позажигать. (Разговор знакомых). – Немножечко суровый// как это/ холодный чуть-чуть// нет/ холодный/ даже может быть слово неподходящее... [Н, жен, 35] ну вот именно суровый/ [П, жен, 68] для восточного// да-а// темперамента// нет// скорей вот суровый/ да (Диалог на квартире // Из коллекции Саратовского университета, 1985).*

Непосредственно чувства в исследуемых текстах бытового дискурса маркируются редко – 5%. – *[Лена, жен, 20] Только мне кажется / все пока не совсем понятно / но ты сегодня вечером во всем разберешься... У меня такой вопрос... правда / я понимаю / что ты можешь сама вполне не знать / но... у тебя к нему было просто такое теплое дружеское чувство / такое / знаешь / ну...может быть даже такое... ну / немного братское / когда так спокойно / легко / так уютно вместе или какое-то трепетное / такое особое такое... ну / ты понимаешь / о чем я говорю? (Разговоры на прогулке).*

Транслируются чувства, главным образом, через речевые явления: теплые слова, горячий привет (18%). – *[П, жен, 70] Добрых / не холодных / не казенных / не... э-э официальных / слов / от Ялынычевой // от общественности партийной / и и-и советской / /. Теплых слов мало не бывает. [Ольга, жен, 19] Ну я не умею речи говорить (Поздравление с днем рождения // Из материалов Ульяновского университета, 2006).* Реже в бытовом дискурсе с помощью температурных метафор интерпретируются трансляторы другого типа – глаза, ласка, поцелуй – 8%. – *У него холодные глаза / он женицин терпеть не может / он их всех презирает (Разговор за чаем// Живая речь уральского города, 1989).*

В изученных текстах температурные метафоры на основе метафорометонимического переноса интерпретируют отрезки времени – 10%. В бытовой картине мира наблюдается тенденция к маркированию не только периодов времени, когда происходит интенсивная деятельность (*жаркое*

время, Новый год будет жарким), но и интерпретация ненапряженных, беззаботных периодов времени (прохладные дни, прохладная жизнь). – [Мария, жен, 19] Мож к Пашке? Он / это / м-м-м вроде как собирает. Иль ты с любимым? [Наталья, жен, 20] Новый год этот будет жарким / я чувствую. Мы планируем тусовку в Подмосковье намутить. Так что я в полете с вами. [Мария, жен, 19] Ну вы мадама даете / блин. (Разговоры московских студенток). [Юля, жен] Я прям довольна / что все так складывается. А то я уж было думала / что у меня опять никаких майских праздников толком не будет. Я ведь в прошлом году все майские отпахала. Ни тебе выходных / ни прохладных. (Праздные разговоры).

В рамках концептуальной сферы «Социальные явления» в исследуемых текстах бытового разговора выявлена подмодель «тип социальных отношений – температурное ощущение» – 8% метафор. – *[Собеседница, жен] С братьями обычные дружные отношения / а с сестрой очень тёплые. (О детях (2006). [А., жен] То есть седьмая вода на киселе / но очень тёплые у них отношения были (Из беседы трех женщин // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова).*

В изученных текстах бытового дискурса не выявлено использование температурных метафор для моделирования концептуальных сфер «Ментальные явления», «Физические явления», «Перцепция». Метафорические значения единиц *ледяной, морозный, студеный, студить* также не отмечены в текстах анализируемого подкорпуса, что свидетельствует об их слабой востребованности в данном типе дискурса.

3.4. Температурные метафоры в научном дискурсе

Моделирующее своеобразие температурных метафор в научном дискурсе проявляется в том, что сфера их использования ограничена гуманитарным субдискурсом.

Анализ моделирующей способности температурных метафор ведется на материале 2 жанров: научная диссертация и научная монография. Количество лексем в подкорпусе научных диссертаций – 177 939 слов, выявлены 2 температурные метафоры (0,001%), в подкорпусе научных монографий (с 2000-2014г) и диссертаций в НКРЯ составляет 1 142 710 слово, из них 22 единицы (0,002%) – интересующие нас метафоры.

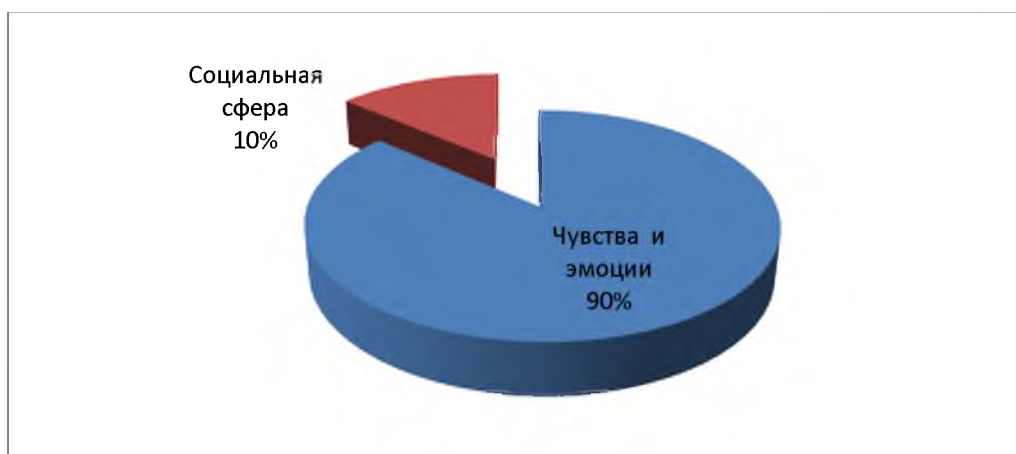

Рис. 11. Концептуальные сферы метафорического моделирования в научном дискурсе

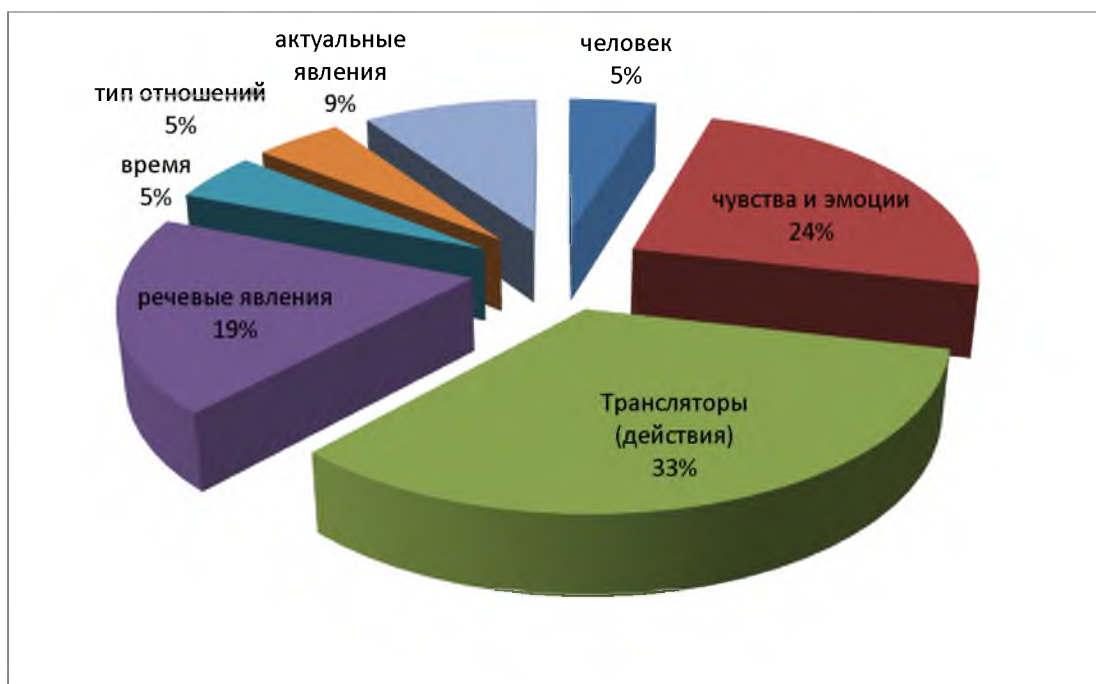

Рис. 11. Смыслы, актуализирующиеся в научном дискурсе

Анализ контекстных употреблений температурных метафор выявил общность направленности моделирования с ранее рассмотренными дискурсами и в то же время их своеобразие. Общность заключается в том, что температурные метафоры интерпретируют преимущественно явления концептуальной сферы «Чувства и эмоции».

Очевидно, моделирующий потенциал температурных метафор в научном дискурсе низкий. Это выражается, во-первых, в том, что метафорическое моделирование в изученных научных текстах осуществляется с помощью 6 лексем с исходной семантикой температуры: *горячий, холодный, теплый, жгучий, жаркий, прохладный*, во-вторых, на основе изучаемых метафор характеризуется узкий круг явлений, в-третьих, температурные метафоры обнаружены только в текстах гуманитарного субдискурса.

В исследуемых текстах научного дискурса зафиксированы употребления метафор *горячий, теплый* для характеристики положительных чувств – 24% . В исследуемых текстах научного дискурса на основе температурных метафор интерпретируется не интимное чувство (как в поэтическом дискурсе), а отношение общества к историческим реалиям. – *Горячей любовью к партии, правительству, к вождю народов товарищу Сталину проникнуты миллионы людей (Чегодаева. Соцреализм: Мифы и реальность). Советская предвоенная кинокомедия пользовалась горячей любовью «масс» (Чегодаева. Соцреализм: Мифы и реальность). Проявила она и глубокую благодарность художников партии и правительству и лично товарищу Сталину, и их горячую преданность делу социализма, полную готовность участвовать в «социалистическом строительстве». (Чегодаева. Соцреализм: Мифы и реальность). И эту любовь, эти теплые чувства, идущие от глубины человеческих сердец, стремились отразить в своем грандиозном коллективном труде люди советского искусства, три года вдохновенно работавшие над созданием выставки «Индустрия соцреализма» (Чегодаева. Соцреализм: Мифы и реальность).*

Образное осмысление негативных чувств с помощью температурных метафор в исследованном материале не обнаружено.

Температурные метафоры в научных текстах характеризуют действия, через которые транслируются чувства – 33%. Важной особенностью является то, что эти чувства выражают отношение человека или общества к каким-то проблемам. *Горячо приветствуют, горячий отклик, горячо принять, горячая защита, горячо обсуждать* и т.д. - *Как не упомянуть философов и методологов, горячо обсуждавших лет 15 назад вопрос, может ли машина мыслить (Капица и др. Синергетика и прогнозы будущего).*

Поскольку научный дискурс ориентирован на обсуждение научных проблем, разрешения спорных вопросов, речевые явления входят в объект метафорического моделирования посредством температурных метафор – 19%. Так, *дебаты, споры* характеризуются как *жаркие*. – *Очень разные факторы действовали на сцене и за сценой тех жарких дебатов (Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода).* – *Независимость русской церкви может, конечно, породить жаркие споры и взорвать общественное мнение (Цимбаева. «Русский католицизм» какобщественно-философское течение XIX века).* *Жаркий* характеризует интенсивные, бурные речевые явления.

В концептуальной сфере «Социальные явления» температурные метафоры участвуют в модели, в которой актуальные явления интерпретируются как предметы, обладающие высокой температурой – 9%. Актуальные, требующие скорейшего решения, проблемы интерпретируются как *жгучие*. – *Вопрос в том, почему в до-истории этого оформления не требовалось, а далее оно превратилось в жгучую проблему. (Ревзин. Очерки по философии архитектурной формы).* *Ядерная физика для Иоффе вначале была просто одним из горячих направлений наряду, скажем, с полупроводниками. (Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода, 2004).*

В текстах научных диссертаций выявлена метафора *прохладный*, участвующая в метафорической подмодели «тип отношений – температурный признак» – 5%. – *К Данзас он относился прохладно, отрицая ее философские познания и понимание исследуемой ею проблематики* (Цимбаева. «Русский католицизм» как общественно-философское течение XIX века). Метафора *прохладное отношение* к чему-либо обозначает низкую степень проявления негативных чувств.

Важной особенностью научного дискурса является его стремление к точности и доказательности. Поэтому в текстах гуманитарного субдискурса возникают включения в виде цитат из иных субдискурсов. Так, в корпусе проанализированных научных монографий выявлено включение из художественного дискурса, цитирование посланий: *Парадоксальная особенность внешности Вулича – «печальная и холодная улыбка» - имеет своим аналогом глаза Печорина, которые не смеялись, когда он смеялся* (Раскольников. *Статьи о русской литературе (1986-2000)*). В данном случае метафора *горячий* выражает отсутствие положительных чувств. *Заканчивал Врангель свое послание так: «Не только для солдат, но и даже для старших офицеров реальная роль Франции в прошлой великой битве является отдаленным событием, и теперь как никогда очевидно, что чувство возмущения у них вызывает недавнее непонятное изменение позиции Франции после первых горячий месяцев гостеприимства»* (Карпов. *Крым-Галлиполи- Балканы*). В метафоре *горячие месяцы* прилагательное *горячий* характеризует напряженный промежуток времени.

В исследуемых монографиях распространены метафоричные термины. Так, например, французский антрополог Клод Леви-Стросс в своих работах предлагает классификацию обществ на два типа: «горячие» (общество ориентировано на технические изобретения) и «холодные» (общество ориентировано на решение эстетических проблем, а не на развитие технологий). Современные ученые пользуются данной

терминологией. – Заметим, что и в других исследовательских парадигмах средневековая культура предстает как некая сфера доистории в истории – в этом смысле весьма показательно сходство между идеей «холодного общества» у Леви-Стросса и идеей «истории большой длительности» у представителей школы Анналов. (Ревзин. Очерки по философии архитектурной формы).

Метафорические значения единиц *ледяной, морозный, студеный, студить, греть, палящий, раскаленный* оказываются не востребуемыми в изученных текстах научного дискурса.

Выводы по главе 3

Метафоры с исходным номинативным значением температурных ощущений являются продуктивным материалом для моделирования дискурсивных картин мира. Широта узуальной реализации метафоры создает основу ее дискурсивных модификаций. Сам дискурс предъявляет требования к лексическому материалу, формирует «заявку» на маркирование определенных смыслов, соответствующих тематической направленности дискурса.

Качественно-количественный анализ температурных метафор позволил выявить концептуальные сферы дискурсов, в репрезентации которых принимают участие температурные метафоры, описать актуализируемые в исследуемых дискурсах смыслы.

Семантико-интерпретационный потенциал температурных метафор в наибольшей мере отвечает коммуникативным установкам поэтического и публицистического дискурсов. В рамках бытового и научного дискурса наблюдается резкое снижение использования температурных метафор.

Тематическая направленность поэтических текстов на отражение и интерпретацию мира чувств и переживаний человека соответствует способности температурных метафор интерпретировать мир психических ощущений человека. В фокусе моделирования в изученных текстах поэтического дискурса находится широкий круг явлений, входящих в концептуальную сферу «Чувства и эмоции», значительное количество температурных метафор характеризует концептуальную сферу «Перцепция».

Прагматическая природа публицистического дискурса определяет его языковую направленность на создание экспрессивных и одновременно легко считываемых образов, позволяющих экономно и лаконично выразить идею автора. Вследствие этого температурная метафора занимает значительное место в публицистическом дискурсе. Так, температурные метафоры

наиболее продуктивны при моделировании двух концептуальных сфер: «Чувства и эмоции», «Социальные явления», исследуемые метафоры при этом выступают одним из средств маркирования глубинной связи данных сфер.

Бытовое общение, которое происходит между хорошо знакомыми людьми, сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Такая коммуникативная установка бытового дискурса служит значительным препятствием для активного использования образных средств языка. С опорой на температурную метафору в текстах бытового дискурса интерпретируется узкий круг концептуальных сфер, снижается количество температурных метафор, участвующих в моделировании.

В научном дискурсе моделирующий потенциал температурных метафор низкий, реализуется только в тематическом гуманитарном субдискурсе, интерпретируя концептуальную сферу «Чувства и эмоции».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метафоры с исходной семантикой температуры и ее изменений являются когнитивным механизмом преобразования опыта телесных ощущений в более абстрактные смыслы. Изучение метафор данного типа позволяет описать корреляцию между языковым материалом, репрезентирующим опыт физических температурных ощущений, и системой концептов другого порядка, которые фиксируются образными языковыми единицами с опорой на семантику температуры.

Первым компонентом семантики, лежащим в основе метафорического переноса, является степень интенсивности температурного признака. Семантика интенсивности задает оценочную поляризацию метафор. Низкая интенсивность проявления признака обычно порождает положительные образы. С увеличением интенсивности возрастает амбивалентность восприятия температурного признака. Семантика крайней степени проявления признака температуры служит источником для формирования негативно оцениваемых образов.

Следующим аспектом, влияющим на формирование температурных метафор, является положительная или отрицательная коннотация, т.е. стереотипное представление о температуре, связанное с опытом тактильных ощущений. Так, теплая температура часто воспринимается человеком как комфортная, что порождает положительную коннотацию. Горячая температура воспринимается амбивалентно. Холодная температура связана для человека с неприятным тактильным опытом, дискомфортом.

Тип семантики (деструктивный / конструктивный) играет значительную роль в формировании метафорических образов. Лексемы, в номинативном значении обозначающие деструктивные процессы, в метафорических проекциях сохраняют свою деструктивную направленность

и выражают процессы, которые разрушают, мучают, доставляют боль человеку. Например, *палящая боль*.

Комплекс сочетаемостных возможностей, метонимических переносов, свойственный температурным единицам в номинативном значении, находит отражение в формировании метафорических образов. Способность температурных прилагательных сочетаться с проводниками и источниками тепла, наименованиями пространства и времени порождает образование сходных моделей при метафоризации: температурные метафоры интерпретируют явления, транслирующие чувства, источники чувств, пространства и места, связанные с эмоциональным состоянием человека.

Мотивирующая основа лексических единиц – языковое воплощение денотативной ситуации, которая проецируется на результирующую ситуацию. Так, например, свойства предмета «лёд» определяют возможности его отношений с другими предметами, и данные отношения, обусловленные также и свойствами этих других предметов, отражаются в значениях прилагательного *ледяной*. *Лёд* – это застывшая вода, утратившая способность к движению. Значение неподвижности, скованности актуализируется в метафорических переносах.

Температурное ощущение может мыслиться как вне порождающей его ситуации, так и как часть этой ситуации. При метафоризации сохраняется структура денотативной ситуации: субъект, объект, средство воздействия, тип действия (каузативное, инхоативное), результат действия.

В результате исследования установлено, что лексика, отражающая тактильные температурные ощущения, является основой концептуализации широкого круга явлений. В первую очередь, температурная лексика – это механизм осознания абстрактных смыслов. Выявлены 5 концептуальных сфер, явления которых регулярно становятся объектом метафорической интерпретации с помощью температурных метафор: «Чувства и эмоции», «Социальные явления», «Ментальные явления», «Физические явления», «Перцепция». Выявлено, что суть температурной метафоры заключается в

способности интерпретировать чувства, их разную интенсивность, разную аксиологическую направленность. Остальные явления – объекты метафорической интерпретации с помощью температурной метафоры – часто осмысляются через призму эмоционального состояния.

В реальных условиях коммуникации языковая система в целом и составляющие ее единицы, их отношения, модели их образования трансформируются под влиянием совокупного действия дискурсивных условий, прежде всего, целеполагания и тематического своеобразия речевого общения.

Дискурсивные картины мира являются вариантами языковой картины мира, в них проявляются сходные языковые закономерности. Различия заключаются в качественно-количественном преобладании метафор, разработанности отдельных концептуальных сфер и редуцированности других, востребованности отдельных аспектов моделирования.

Поскольку температурные метафоры интерпретируют, главным образом, мир психических ощущений человека, их семантико-интерпретационный потенциал в наибольшей мере соответствует коммуникативным установкам поэтического дискурса. В фокусе моделирования в изученных текстах поэтического дискурса находится широкий круг явлений, входящих в концептуальную сферу «Чувства и эмоции», при этом в качестве ценностного компонента поэтической картины мира можно обозначить чувство любви и страсти. Значительное количество температурных метафор характеризует концептуальную сферу «Перцепция».

Температурные метафоры наиболее продуктивны в публицистическом дискурсе при моделировании двух концептуальных сфер: «Чувства и эмоции», «Социальные явления», исследуемые метафоры при этом выступают одним из средств маркирования глубинной связи данных сфер. Тематическая направленность публицистического текста на освещение злободневной, актуальной информации порождает тенденцию к использованию метафорической подмодели уподобления актуальных

явлений горячему предмету (*горячая новость, горячая информация*). При характеристике человека как носителя определенного психического типа в публицистическом дискурсе наблюдается тенденция к маркированию национальной принадлежности человека (*горячий кавказец*). В рамках концептуальной сферы «Социальные явления» в изученных текстах публицистических статей отмечаются новые смыслы – объекты интерпретации температурными метафорами. Так, сферы информационных технологий, экономических явлений, спортивных явлений и рейтинга включаются в зону метафорического осмысления с помощью температурных метафор.

Бытовое общение не предполагает активного использования образной лексики. Коммуникативная установка бытового дискурса на поддержание контакта и решение обиходных проблем служит значительным препятствием для активного использования образных средств языка. С опорой на температурную метафору в текстах бытового дискурса интерпретируется узкий круг концептуальных сфер, снижается количество температурных метафор, участвующих в моделировании.

В научном дискурсе моделирующий потенциал температурных метафор низкий, реализуется только в тематическом гуманитарном субдискурсе, интерпретируя концептуальную сферу «Чувства и эмоции».

Исследование реализации моделирующего потенциала температурных метафор в разных типах дискурса позволило доказать гипотезу о варьировании моделирующего потенциала метафоры под влиянием дискурсивных условий.

В настоящем исследовании моделирующие способности температурных метафор в рамках поэтического, публицистического, научного и бытового дискурсов изучались на материале температурных прилагательных и избранных глаголов с семантикой изменения температуры. Привлечение в качестве материала исследования глаголов, называющих температурные состояния и их изменения, с их приставочными дериватами

позволит расширить представления о температурной лексике как когнитивном механизме преобразования физического знания в смыслы более абстрактные. Перспективы исследования видятся также в изучении моделирующей способности температурных метафор в других типах дискурсов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина О.Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка): дис. ...д-ра филол. наук / О.Н. Алешина. – Новосибирск, 2003. – 367 с.
2. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.
3. Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций/ В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
4. Апресян А.Д. Избранные труды: в 2 т. / А.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995 а. – Т. 1. Лексическая семантика: 2-е изд. – 472 с.
5. Апресян А.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избр. тр.: в 2 т. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995 б. – Т. 1. – 367 с.
6. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995 в. – № 1. – С. 37–67.
7. Аристотель // Античная библиотека (античные теории языка и стиля). – СПб, 1996. С.184–199.
8. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М., 1976. – 386 с.
9. Арутюнова Н.Д. Синтаксические функции метафоры // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1978 а. – Т. 37. – № 3. – С. 251–262.
10. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1978 б. – Т. 37. – № 4. – С. 333–343.
11. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 5–33.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.,

1999. – 896 с.

13. Арутюнова Н.Д. Метафора // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 296–297.

14. Балашова Л.В. Роль метафоризации в становлении и развитии лексико-семантической системы (на материале русского языка XI–XX веков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Балашова. – Саратов, 1999. – 42 с.

15. Балаян Э.В. Роль метафоры в формировании языковой картины мира (на материале современного молодёжного жаргона): дис. ... канд. филол. наук / Э.В. Балаян. – Саратов, 2006. – 221 с.

16. Баранов А.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М., 1991.

17. Баранов Г.С. Научная метафора: модельно-семиотический подход. Современные лингвофилософские концепции метафоры: В 2 ч. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. – Ч. 1–2.

18. Баранов А.Н. Постулаты когнитивной семантики/ А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11–21.

19. Баранов А.Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003. – №2. – С.73–94.

20. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей [Электронный ресурс] / А.Н. Баранов // Научно-образовательный портал «Лингвистика в России: ресурсы для исследователей». – Электрон. дан. – М., 2007. – URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Barabov.pdf> (дата обращения 5.04.2014).

21. Белов А.А. Лексико-семантическое поле «зной» в поэтических текстах Ф.И. Тютчева: дис. ... канд. филол. наук/ А.А. Белов. – Череповец, 2008. – 170 с.

22. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 250–296.

23. Блэк М. Метафора // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 153–172.
24. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.
25. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. – Т. 1–22. – М.–СПб.: Наука, 2004–2013.
26. Бондаренко И.В. Функционирование метафор в научной речи // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград: КГУ, 1999. – С. 44–49.
27. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике / В.Г. Борботько. – М.: КомКнига, 2007. – 288 с.
28. Брунер Дж. Психология познания / Дж. Брунер. – М., 1977. – 412 с.
29. Будаев Э.В. Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования/ Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2007. – Вып. (1) 21. – С. 69–75.
30. Будаев Э.В. Метафора в политической коммуникации/ Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 248 с.
31. Булыгина Ю.В. Роль языковой игры в реализации коммуникативных стратегий преподавателя вуза // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. – 2010. – Т. 10. Вып. 2. – С. 17–20.
32. Бутаева Е.Э. Лексико-грамматическая семантика глаголов позиции в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук/ Е.Э. Бутаева. – Армавир, 2010. – 196 с.
33. Вайсгербер Й.Л. Язык и философия. // Вопросы языкознания. – 1993. – №2. – С.114–124.
34. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М., 2004. – 232 с.

35. Васильев Л.М. Семантика глаголов звучания в современном русском языке // Системные отношения в лексике и методы их изучения. — Уфа, 1977. — С.3–20.
36. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1996. — 412 с.
37. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов: пер. с англ. / А. Вежбицкая. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
38. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык средств массовой информации: Учеб.пособие для вузов. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. С. 6 – 25.
39. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательных / Е.М. Вольф. М., 1979.
40. Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия – М., 1988. – С. 52–65.
41. Всеволодова М.В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. – 3-е изд. – М.: Либроком, 2009. – 288 с.
42. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж». 1999. – Вып. 2. – С. 103–112.
43. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия – М., 1988. – С. 11–26.
44. Гак В.Г. Лексическое значение слова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 261–263.
45. Гак В.Г. Человек в языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Индрик, 1999. – С. 73–80.

46. Галимова Д.Н. Метафорическая картина мира русских говоров амурской области (структурный и функциональный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. / Д.Н. Галимова. – Томск, 2010 а. – 26 с.
47. Галимова Д.Н. Метафорическая картина мира русских говоров амурской области (структурный и функциональный аспекты): дис. ... канд. филол. наук. / Д.Н. Галимова. – Томск, 2010 б. – 297 с.
48. Галич Г.Г. Градуальные характеристики количественных прилагательных, глаголов и существительных немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук / Г.Г. Галич. – Л., 1981. – 206 с.
49. Галкина О.В. Метафора как инструмент познания. На материале терминов-метафор компьютерного интерфейса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Галкина. – Тверь, 2004. – 18 с.
50. Гачев Г.Д. Национальные образы мира // Вопросы литературы. – 1987. – № 10. – С. 156–191.
51. Голубева Е.Л. О семантических особенностях глаголов звучания // Вопросы теории и истории русского языка. – Ташкент, 1967. – Вып. 294. – С.15–22.
52. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В.Е. Гольдин [и др.] // Антология речевых жанров. М.: Лабиринт. 2007. С. 90 – 103.
53. Гришина Н.В. Концепт вода в языковой картине мира (на основе номинативного и метафорических полей русского языка XI – XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Гришина. – Саратов, 2002. – 22 с.
54. Грушина Н.Б. Концепт «время» в дискурсе современных художественно-публицистических журналов (на материале журнала «Новый мир»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Б. Грушина. – СПб., 2002. – 16 с.
55. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
56. Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. – М., 1985. – С. 370–382.

57. Гумбольдт В.фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М., 2005.
58. Гусев С.С. Наука и метафора/ С.С. Гусев. – Л., Изд-во ЛГУ, 1984. – 151 с.
59. Гусев С.С. Упорядоченность научной теории и языковая метафора // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 119–134.
60. Дейк Т.А. ван. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 153–221.
61. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
62. Деменский С.Ю. Научность метафоры и метафоричность науки (философский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук / С.Ю. Деменский. – Москва, 1997. – 18 с.
63. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С.17–33.
64. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. – М.: РАН ИЯ: РАН: РГГУ, 1995. – С. 239–320.
65. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет филологической политологии / В.З. Демьянков [и др.] // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. – № 3. – М.: ИНИОН РАН. – С. 32–43.
66. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст / Отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.

67. Денисенко В.Н. Семантическое поле "изменение" в русской языковой картине мира: Структурный, функциональный, когнитивный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук / В.Н. Денисенко. – М., 2005. – 337 с.
68. Денисова Н.В. Рекламные жанры научно-образовательного дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Денисова. – Томск, 2008. – 207 с.
69. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 173–193.
70. Ермоленкина Л.И. Метафорическое моделирование этико-эстетической оценки человека в русских народных говорах: дис. ... канд. филол. наук / Л.И. Ермоленкина. – Томск, 2002. – 216 с.
71. Ермоленкина Л.И. Анализ дискурса современного коммерческого радио // Дискурсивные картины мира: теория и практика социолингвистического исследования. – Томск, 2006.
72. Ермоленко Г.А. Метафора в языке философии: автореф. дис. ...канд. филос. наук / Г.А. Ермоленко. – Краснодар, 2001. – 22 с.
73. Зализняк Анна А. Заметки о метафоре // Слово в тексте и словаре. Сб. статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна / Отв. ред. Л.Л. Йомдин и др. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 82–90.
74. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания: Вводные замечания // Вопросы языкознания. – 2004. – № 2. – С. 20–45.
75. Зализняк Анна А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] / Анна А. Зализняк // Энциклопедия Кругосвет. – Электрон. дан. – М., 2007.– URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008261/1008261a1.htm>. (дата обращения 5.04.2014).
76. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира – Уорфа // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С. 111–135.
77. Зубкова О.С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе (на примере медицинской метафоры в разных

видах дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.С. Зубкова. – Курск, 2006. – 22 с.

78. Илюхина Н.А. О взаимодействии когнитивных механизмов метафоры и метонимии в процессах порождения и развития образности // Вестник Самарского гос. ун-та - 2005. - №1 (35). - С. 138 – 154.

79. Илюхина Н.А. О роли метонимии в моделировании концептов (ментальная модель «вместилище» в концептосфере «человек») / Н.А. Илюхина // Язык. Этнос. Картина мира: Сб. науч. тр. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. – С. 65–73.

80. Ильин Е.П. Эмоции и чувства/ Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2002. – 348с.

81. Кабанова Е.В. Концептуализация температуры в немецкой языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Кабанова. – Барнаул, 2011. – 199 с.

82. Кабаченко Е.Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Г. Кабаченко. – Екатеринбург, 2007. – 21 с.

83. Калугина В.А. Национальная специфика языковой репрезентации концепта (на материале объективации концепта «температура» в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук/ В.А. Калугина. – Воронеж, 2006. – 202 с.

84. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000. – С. 5–20.

85. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

86. Караулов Ю.Н. Языковая способность в зеркале ассоциативного поля / Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 2. – С. 16–31.

87. Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / Л.П. Дронова [и др.]; отв. ред. З.И. Резанова. – Томск, Изд-во Том. ун-та, 2005. – 354 с.
88. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 33–43.
89. Катунин Д.А. Время в зеркале русской языковой метафоры: дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Катунин. – Томск, 2005. – 195 с.
90. Кашкин В.Б. Универсальные грамматические концепты // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И.А.Стернина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 45 – 52.
91. Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса / В.Б. Кашкин. – М.: Восточная книга, 2010. – 152 с.
92. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 337–353.
93. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.
94. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук / А.А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.
95. Кланцакова А.Ю. Метафора в структуре экономического дискурса: опыт комплексного исследования: На материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук / А.Ю. Кланцакова. – Иркутск, 2003. – 181 с.
96. Коберник Л.Н. Чувства и эмоции в интерпретации русской диалектной метафоры (на материале говоров Среднего Приобья): дис. ...канд. филол. наук / Л.Н. Коберник. – Томск, 2007. – 164 с.
97. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика/ И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
98. Кобозева И.М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода [Электронный ресурс] / И.М. Кобозева // Филологический факультет МГУ. Отделение теоретической и прикладной

лингвистики. – Электрон. дан. – М., 2007. – URL: <http://philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/kobozeva.php> (дата обращения 5.04.2014).

99. Кожевникова Н.А. Метафора в поэтическом тексте // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 145–165.

100. Кожевникова Л.П. О структурно-семантическом сходстве метафоры и метонимии // Проблемы функциональной семантики. – Калининград, 1993. – С. 104–111.

101. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики/ М.Н. Кожина. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 1966. – 214 с.

102. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.

103. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

104. Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание/ А.М. Коршунов. – М., 1979. – 216 с.

105. Косицкая Ф.Л. Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межъязыковой контрастивности (на материале французских и русских каталогов моды): дис. ... канд. филол. наук / Ф.Л. Косицкая. – Томск, 2004. – 231 с.

106. Костяшина Е.А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Костяшина. – Томск, 2009. – 232 с.

107. Кравченко Н.Н. Когнитивно-семантический анализ глаголов *сидеть*, *стоять* и *лежать* // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. – 1998. – № 5. – С. 62–72.

108. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]; под ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.

109. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 141–172.
110. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994 а. – № 4. – С. 34–47.
111. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1994 б. – Т. 53. – № 2. – С. 3–15.
112. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: РАН: ИЯ РАН: РГГУ, 1995. – С. 144–238.
113. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия АН. Сер. литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22–31.
114. Курганова Е.Б. Игровой аспект в современном рекламном тексте / Е.Б. Курганова. – Воронеж, 2004. – 121 с.
115. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации: дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Лаенко. – Воронеж, 2005. – 465 с.
116. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М., 1996. – С.143–185.
117. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. – М: Прогресс, 1981. – Вып.10. – С. 350–368.
118. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем/ Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 387–416.
119. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

120. Левчина И.Б. К исследованию семантической структуры английского прилагательного NOT // *Studia Linguistica* XI. Проблемы когнитивной семантики: сб. статей. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – С.81–84.
121. Лещенко В.В. Принципы организации и структурирования лексико-семантического поля чувственного восприятия в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. / В.В. Лещенко. – Киев, 1989. – 243 с.
122. Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
123. Львов Л.А. К определению основных типов глагольных предикатов // Семантика и функционирование английского глагола: Межвуз. сб. науч. трудов. – Горький, 1985. – С. 81–89.
124. Львов Л.А. О семантических актантах в английском языке // Теория и практика структурно-семантического анализа текста. – Владимир, 1988. – С. 52–61.
125. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции/ Т.А. Майсак. — М.: Языки славянских культур, 2005. – 480 с.
126. Макаров М.Л. Языковой дискурс и психология // Язык и дискурс. Когнитивные и коммуникативные аспекты: сб. науч. работ. – Тверь, 1997. – С. 34–35.
127. Макаров М.Л. Основы теории дискурса/ М.Л. Макаров. – М.:«Гнозис», 2003. – 280 с.
128. Маковский М.М. Язык – миф – культура. Символы жизни и жизнь символов / М.М. Маковский. – М., 1996 . – 329 с.
129. Максименко Е.В. Прагматилистические аспекты рекламного дискурса: На материале текстов русской и английской коммерческой и научно-технической рекламы: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Максименко. – Краснодар, 2005 – 228 с.

130. Манин Ю.И. Математика как метафора. – М.: МЦНМО, 2008. – 400 с.
131. Маругина Н.И. Метафора в процессах текстопорождения (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Маругина. – Томск, 2005. – 23 с.
132. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
133. Махницкая Е.Ю. Метафора в современном экономическом дискурсе и принципы её лексикографического описания: дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Махницкая. – Ростов-на-Дону, 2003. – 191 с.
134. Мельникова Н.В. Метафора в педагогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Мельникова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 178 с.
135. Мерзлякова А.Х. Типология адъективной метафоры // Лингвистические исследования. К 75-летию профессора Г.В. Гака. – Дубна: Феникс +, 2001. – С.104–116.
136. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков) / А.Х. Мерзлякова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.
137. Миромоделирование в языке и тексте: сб. науч. тр. / под ред. З.И. Резановой. – Томск, 2003. – 208 с.
138. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н.Н. Миронова. – М.: НВИ –Тезаурус, 1997. – 158 с.
139. Мишанкина Н.А. Роль метафоры в моделировании картины мира // Картина мира: язык, философия, наука. Докл. участников Всерос. школы молодых ученых (1 – 3 ноября 2001 г.). – Томск, 2001. – С. 65–67.
140. Мишанкина Н.А. Ментальное пространство научного текста: метафорические модели // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 297. – С. 7–11.

141. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? / Н.А. Мишанкина. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2010. – 250 с.
142. Мишанкина Н.А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры: дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Мишанкина. – Томск, 2002. – 279 с.
143. Мокиенко В.М. Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб., 2001. – 720 с.
144. Московская Э.А. Семантические особенности глаголов перемещения //Сб. науч. тр. Моск. пед. ин-т иностр. яз. – М., 1974. – Вып. 78. – С. 164–185.
145. Муравьева Л.С. Глаголы движения в русском языке/ Л.С. Муравьева. – М.: Русский язык, 1980. – 272 с.
146. Мухачёва А.М. Пространственные метафоры как фрагмент русской картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.М. Мухачёва. – Томск, 2003. – 25 с.
147. Мыркин В.Я. В какой мере язык (языковая система) является отражением действительности // Вопросы языкознания. – 1986. – №3. – С.54 –61.
148. Мякшева О.В. Пространство в языке и речи Специфика газетных текстов // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2007. –№ 5. – С. 97 – 107
149. Мясников И.Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра: автореф. дис. ...канд. филол. наук / И.Ю. Мясников. – Томск, 2005. – 22 с.
150. Надеина Л.В. Семантика движения в отражении русской диалектной метафоры: дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Надеина. – Томск, 2007. – 320 с.
151. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.01.2014).
152. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91 – 102.

153. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М., 2001. – 427 с.
154. Обухова Е.Е. Использование феномена «языковая игра» в практике преподавания РКИ (продвинутый этап) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 15 (39). – С. 340–342.
155. Овсянникова В.В. Метафорические модели в научном геологическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / В.В. Овсянникова. – Томск, 2010. – 203 с.
156. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия – М., 1988. – С. 65–77.
157. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С.68–81.
158. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 22-129.
159. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
160. Пескова Е.Н. Метафора как средство реализации интенций в политическом дискурсе: на материале текстов региональных предвыборных кампаний: дис. ...канд. филол. наук / Е.Н. Пескова. – Челябинск, 2006. – 171 с.
161. Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–146.
162. Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. – Новосибирск, 1985. – С. 196–220.
163. Петров В. В. Понимание метафор: на пути к общей модели // Метафора в языке и тексте/ Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 165–170.

164. Петрова З.Ю. Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры // Проблемы структурной лингвистики, 1985 – 1987. – М., 1989. – С. 120–133.
165. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1956. – 328 с.
166. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоричности / А.Н. Баранов [и др.]. – М.: [Фонд ИНДЕМ], 2004. – 94 с.
167. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 314 с.
168. Постникова С.В. Прилагательное как семантико-функциональная категория (на материале немецкого и русского языков) / С.В. Постникова. – Нижн. Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. – 78 с.
169. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988. – С. 8–69.
170. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1977. Т. 4. Вып. 2.
171. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев, 1993. – 192 с.
172. Прокофьева Т.А. Концепт «Кризис» в современном политическом дискурсе: дис. ...канд. филол. наук / Т.А. Прокофьева. – СПб, 2006. – 332 с.
173. Потураева Е.А. Метафорическая интерпретация концептуальной сферы «Дом» в русской языковой картине мира: дис. ...канд. филол. наук / Е.А. Потураева. – Томск, 2011. – 233 с.
174. Протасова А.К. Вербализация концепта «огонь» в древнегерманских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.К. Протасова. – Томск, 2004. – 30 с.
175. Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов: «стоять», «лежать», «сидеть» и «висеть» // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 69–80.

176. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
177. Рахилина Е.В. Глаголы движения в воде: лексическая типология / ред.-сост. Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина. – М.: Индрик, 2007. – 752 с.
178. Резанова З.И. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования)/ З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Д.А. Катунин // Вестник Том. гос. ун-та. Серия «Философия. Культурология. Филология». – 2003 а. – № 277. – С. 164–171.
179. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты/ З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Д.А. Катунин. Часть 1 / Отв. ред. З.И. Резанова. – Воронеж, 2003 б. – 209 с.
180. Резанова З.И. Языковая картина мира // Картина мира: язык, философия, наука. Докл. участников Всерос. школы молодых ученых (1-3 ноября 2001г.). – Томск, 2001. – С. 3–6.
181. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1. – С. 26–43.
182. Резанова З.И. Языковая и дискурсивная картина мира – аспекты соотношений // Сибирский филологический журнал – 2011. – №3. – С. 184–194.
183. Резанова З. И. Языковая метафора в художественном тексте: единство логического, сверх- и предлогического // Наука и образование: Материалы Всерос. научной конференции (12-13 апреля 2002г.). В 2 ч., ч.2. – Белово: БИ(Ф) КемГУ, 2002. – С.106–112.
184. Резанова З. И., Мишанкина Н. А. От новых лингвистических объектов к новой интерпретации естественного языка // Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия: Сб. научн. докл. / Под ред. В.А. Суханова. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2006. – С.53-67.

185. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 44–67.
186. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
187. Рупчев Т.Е. Психологическая структура внутреннего тела при соматизации: автореф. дис. ... канд. психол. наук/ Т.Е. Рупчев. – М., 2001. – 24 с.
188. Седов А.Е. Метафоры в генетике // Вестник РАН. – 2000. – Том 70. – № 6. – С. 526–534.
189. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж». 1999. – Вып. 1. – С. 188–195.
190. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт. 2004. – 320 с.
191. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж». 1999. – Вып. 2. – С. 13–25.
192. Седов К.Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров// Жанры речи. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж». 2002. – Вып. 3. – С. 40–52.
193. Седов К.Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров / К.Ф. Седов [и др.] // Антология речевых жанров. М.: Лабиринт. 2007. С. 124 – 137.
194. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: Психо- и социолингвистические аспекты / К.Ф. Седов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 180 с.
195. Седов К.Ф. Типы языковой личности и стратегии речевого поведения (о риторике и стилистике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Язык и человек. – Саратов, 1996. – Вып.26. – С. 9–14.
196. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной

коммуникации / К.Ф. Седов [и др.] // Антология речевых жанров. М.: Лабиринт. 2007. С. 7 – 39.

197. Седов К.Ф. Языковая личность и речевые жанры // Горелов И.Н., Седов К.Ф. основы психолингвистики: Учеб. пособие. М.: Лабиринт. 1998. С. 145 – 154.

198. Силантьев И.В. Текст в системе дискурсных взаимодействий. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. 2004. – 188 с.

199. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов: на материале некоторых русских глаголов / О.Н. Селиверстова. – М., 1975. – 235 с.

200. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М., 1993. – 655 с.

201. Сергеева Т.Д. Вопросы семантической типологии глагольной лексики: уч. пос. / Т.Д. Сергеева. – Барнаул: Изд-во АТУ, 1984. – 81 с.

202. Серебренников Б. А. Предисловие // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988 а. – С. 3 – 7.

203. Серебренников Б.А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988 б. – С. 70 – 87.

204. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988 в. – С. 87 – 105.

205. Серль Дж. Метафора // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 307 – 341.

206. Сиротинина О.Б. Возможности функциональной и окказиональной мотивированности знака в разговорной речи // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С.110-115.

207. Сиротинина О.Б. Общая характеристика лексики разговорной речи // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. – Саратов, 1983. – С. 6-10.

208. Сиротинина О. Б. О стилистических приемах современной публицистики, которые могут приводить к коммуникативной неудаче // Жизнь языка: Сборник статей к 80-летию Михаила Викторовича Панова / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. : С. М. Кузьмина. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 280–286.
209. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. – СПб., 1993. – 151 с.
210. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики/ Т.Г. Скребцова. – СПб, 2000. – 202 с.
211. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1985–1988.
212. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.–Л., 1948–1965.
213. Смоленцева М.В. Эмоциональный концепт «Любовь» в песенном дискурсе (на материале русского, немецкого и горномарийского языков): дис. ... канд. филол. наук / М.В. Смоленцева. – Чебоксары, 2009. – 217 с.
214. Солганик Г.Я. Общие особенности языка газеты. Лексика современной газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды: Печать. Радио. Телевидение. Док. кино. – М., 1980. – С. 5-35.
215. Солганик Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе // Журналистика и культура русской речи. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 13-25.
216. Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект). М., 1981. – 112 с.
217. Спиридонова Н.Ф. Язык и восприятие: семантика качественных прилагательных: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Ф. Спиридонова. – М., 2000. – 23 с.
218. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М.: Наука, 1985. – 335 с.

219. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. – М.: РГГУ, 1995. – 432 с.
220. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 845 с.
221. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Акад. проспект, 2001. – 989 с.
222. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
223. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985. – 169 с.
224. Стернин И.А. Разграничение прямого и переносного употребления слова // Семантика и системность языковых единиц. Межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1985. С.47-56.
225. Тарасов О. В. Соотношение метафоры и науки: основные философско-мировоззренческие подходы: дис. ... канд. филос. наук / О.В. Тарасов. – Уфа, 2005. – 164 с.
226. Тарасова Л.Д. Семантическая структура и сочетаемость группы английских прилагательных, выражающих понятие температуры: дис. ... канд. филол. наук / Л.Д. Тарасова. – Л., 1979. – 217 с.
227. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. – М., 1977. – С. 129 – 221.
228. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1988 а. – С. 26 – 52.
229. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М., 1988 б. – С. 173 – 204.
230. Телия В. Н. Предисловие // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1988 в. – С. 3 – 10.

231. Темнова Е.В. Функционально-прагматическая роль метафоры в публицистическом дискурсе : на материале английского языка: дис.... канд. филол. наук / Е.В. Темнова. – М., 2004. – 212 с.
232. Тихонов А. Н. О глаголах звучания в русском языке // Краткие сообщения по русскому языку и литературе; под ред. В. Б. Куликова. – Самарканд, 1967. — С. 33-51.
233. Тихонов С.А. Структура словообразовательных цепочек глаголов звучания // АПРС. – Ташкент: Укитувчи, 1982. – С. 124-130.
234. Токарева Т.Е. Лексико-семантическая группа прилагательных, обозначающих температуру, в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Е. Токарева. – М., 1976. –28 с.
235. Толстой Н.И. Язык и культура // Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. – С. 15-26.
236. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227—284.
237. Тхостов А.Ш. Психология телесности / А.Ш. Тхостов. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.
238. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М., 1990. – С. 82 – 109.
239. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. – М., 1960 а. – Вып. 1. – С. 135 – 168.
240. Уорф Б. Л. Наука и языкознание// Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1960 б. – С.169-183.
241. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных //Семиотика и информатика. Сб. научных статей. Вып. 35. М., 1997.
242. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М.Ю. Федосюк [и др.] // Жанры речи 1. Саратов. 1997. С.66 – 88.

243. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М.Ю. Федосюк [и др.] // Вопросы языкознания. М. 1997. № 5. С. 102 – 120.
244. Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр. 2004. – 336 с.
245. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // НЗЛ. – Вып. XII. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С.74-123.
246. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. (Когнитивные аспекты языка). – М.: Прогресс, 1988. – С.52-93.
247. Харченко В.К. Функции метафоры. [Лингвистика]: учебное пособие / В.К. Харченко. – Воронеж, 1992. – 86 с.
248. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т.В. Цивьян. – М., 1990. – 207 с.
249. Цивьян Т. В. Модель мира и её лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 279 с.
250. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // ГОЛ. – М.: Радуга, 1983. – С. 35-73.
251. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. – М.: Флинта: Наука, 2006. –136 с.
252. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
253. Чудинов А.П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): уч. пособие / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 194 с.
254. Шапарь В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В. Б. Шапаря. – Изд. 2-е – Ростов-на-Дону, 2006. – 808 с.
255. Шахнарович А.М., Юрьева К.М. К проблеме понимания метафоры // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1988. – С. 108 – 118.

256. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ...д-ра филол.наук / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.
257. Шереметьева А.А. Метафоры немецкого экономического дискурса: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Шереметьева. – Иркутск, 2009. – 160 с.
258. Шидо Т.А. Психолингвистическое описание лексических единиц семантического поля «ощущение» (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук / Т.А. Шидо. – Саратов, 1989. – 233с.
259. Ширяева Т.А. Метафора как фактор прагматической характеристики текстов публицистического стиля: на материале английского языка: дис. ...канд. филол. наук / Т.А. Ширяева. – Пятигорск, 1999. – 211 с.
260. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М., 2002. – 492 с.
261. Шмелев А.Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М., 2005. – С. 452 – 464.
262. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка / Т.В. Шмелева [и др.] // Русистика. 1990. № 2. С. 20 – 32.
263. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка)/ А.Н. Шрамм. – Л.: Изд-во Ленинград. ун- та, 1979. – 132 с.
264. Щур Г.С. Теории поля в лингвистике/ Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 254 с.
265. Эмер Ю. А. Фольклорный текст: пространственная организация жанра // Картины русского мира: пространственные модели в языке и текста. Томск, 2007. – С. 110-151.
266. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М., 1994. – 344 с.

267. Rosch E. Natural categories // Cognitive Psychology. Elsevier, 1973.
V. 7. P. 328 – 350.